

ДЖОРДАНО
БРУНО

О
БЕСКОНЕЧНОСТИ,
ВСЕЛЕННОЙ
И
МИРАХ

СОЦЭКГИЗ
1936

GIORDANO BRUNO
DE
L'INFINITO
UNIVERSO
E
MONDI

1936

ДЖОРДАНО БРУНО

О
БЕСКОНЕЧНОСТИ,
ВСЕЛЕННОЙ
И
МИРАХ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
— СТАТЬЯ —
В. ВАНДЕКА
В. ТИМОСКО

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редактор *В. Вандек*
Перевод с итальянского
А. Рубина
Художественное оформление
В. Селенгинского
Техническая редакция
Р. Шапиро

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

1

Диалог «О бесконечности, вселенной и мирах» не только является одним из основных произведений великого итальянского мыслителя Джордано Бруно, но принадлежит к небольшому числу выдающихся творений эпохи Возрождения, сыгравших громадную роль в деле пропаганды нового мирообъяснения, пламенным и неутомимым поборником которого на широкой философской и материалистической основе выступил Д. Бруно. Если в его основной философской работе «О причине, начале и едином» излагается его общефилософская концепция, возвещающая о новом мировоззрении, то в этом произведении даны ее естественнонаучные основы. Здесь мы имеем итоги достижений естествознания его эпохи. Если там Д. Бруно выступает как зачинатель новой философии, то здесь — как низвергатель средневекового мировоззрения, по преимуществу как естествовик-астроном. Если Галилей и Коперник дают астрономическую гипотезу, то Д. Бруно на этой основе дает цельное мировоззрение. Бруно смело

выступает против церковного авторитета, против папства, средневековой схоластики, расчищая путь атеистической критике религии, расчищая путь новому естествознанию и материалистической философии нового времени.

Для феодального мировоззрения вера была выше, чем знание («знание оправдывается, если оно не противоречит вере»). Для него истинное знание, истинная наука и философия та, которая основывается на вере («Верить, чтобы понимать!»—учил схоласт Ансельм Кентерберийский). Д. Бруно же боролся в первых рядах за торжество науки. Энгельс назвал Бруно гигантом учености, духа и характера.

В своей борьбе против церкви, против схоластической философии Бруно входит в острый конфликт с церковью.

Бруно сам отмечает причину нападков на него со стороны представителей господствующей феодально-церковной идеологии. Он пишет: «Если бы я... владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, никто не обращал бы на меня внимания... Но я измеряю поле природы, стремлюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исправляю привычки интеллекта—вот почему, кто на меня смотрит, угрожает мне... нападает на меня, кто догоняет меня, кусает меня, и кто меня схватывает, пожирает меня»¹.

За свои смелые мысли и атеистические высказывания он был преследуем, предан анафеме, заключен в тюрьму и в конце концов сожжен на костре. До конца своей жизни он остался верен своему учению, мужественно принял смерть как борец за новое мировоззрение.

Когда Д. Бруно выслушал приговор, он ответил:

¹ Б р у н о, О бесконечности, вселенной и мирах, стр. 49.

«Вы может быть с большей боязнью постановили ваш приговор, чем я его принимаю»¹.

Развитие нового способа производства, расцвет торгового капитала влекли за собой разложение замкнутой феодальной системы—натурального хозяйства. Бруно является идеологом этой нарождающейся буржуазии, идущей по пути утверждения своего господства.

Быстрыми темпами шла подготовка к промышленному перевороту. Так например к концу XIV в. во Флоренции в суконном производстве работали 30 тыс. человек; в Северной Италии шла в громадных размерах выделка шелка; города Генуя, Венеция, Флоренция являлись центрами мировой торговли.

Вместе с развитием буржуазного способа производства растет и новый класс—буржуазия.

Маркс по этому вопросу пишет:

«В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной эмансипировался здесь прежде, чем успел обеспечить за собою какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне общества пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства»².

¹ Л а н г е, История материализма, стр. 157.

² М а р к с, Капитал, т. I, Партиздат, 1932 г., стр. 574.

Выступление Бруно есть выступление против феодализма, борьба против папства. Эта борьба есть борьба за уничтожение экономической и политической мощи папской власти, за вытеснение духовенства. Бруно как идеолог буржуазии требует отстранения церкви от мирских дел, от занятия торговлей, ремеслами, вообще Бруно против участия церкви в хозяйственной жизни страны.

Энгельс пишет: «Когда Европа вышла из средневековья, находившаяся в процессе подъема городская буржуазия была ее революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее стремления к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимым с феодальным строем, феодальная система должна была пасть.

Великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно огромное политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково с греко-православным и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй священным ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и в конце концов она была самым крупным феодальным владельцем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем выступить на борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию».

В широких размерах происходил процесс экономического и политического преобразования общественной жизни. Идеологи нового класса выступают

против феодального государства, церкви и средневековой схоластики как служанки богословия.

Помпонаций Пьетро (1462—1524 гг.), профессор Падуанского университета, критикует церковные догматы. Он опровергает бессмертие души, отрицает чудеса и считает их продуктом фантазии.

Французский писатель Рабле тонко издевается над папой и вообще над представителями духовенства.

Один из крупнейших писателей эпохи Возрождения, Эразм Роттердамский, остроумно высмеивает феодальную идеологию, средневековую схоластику, духовенство. Стоя на почве германской действительности и расчищая путь своего класса—буржуазии, вот какими яркими чертами характеризует он богословов: «Что до богословов, то быть может лучше было бы обойти их здесь молчанием, не трогать *этого смрадного болота*, не прикасаться к этому ядовитому растению»¹.

А главу, посвященную папе, верховным первосвященникам, Эразм начинает так: «А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Что, если бы они попробовали подражать его жизни, т. е. бедности, трудам, чистоте учения, крестной смерти, презрению к жизни? Что, если бы они задумались над значением своих титулов—папы, иначе говоря, отца, и святейшества? Чья участь в целом мире была бы печальнее? Кто стал бы добиваться этого места всевозможными способами или, однажды добившись, посмел бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческих насилий?»².

Гениальный художник Рафаэль рисует своих мадонн с живых красавиц. Его картины сохраняют религиозную оболочку, но содержанием его творе-

¹ Э р а з м Р о т т е р д а м с к и й, Похвальное слово глупости, 1932 г., стр. 138.

² Там же, стр. 167.

ний является человек с его горестями и радостями.

В это время мы имеем развитие буржуазной культуры. Развиваются скульптура, живопись, архитектура.

Поэт Петрарка в своих сонетах, Бокаччио в своем произведении «Декамерон» едко высмеивают духовенство.

В области искусства и литературы появляются пасквили на духовенство, на их обман, распутство, на тунеядство рыцарей, которые только тем и занимались, что устраивали ссоры и грабили купцов.

Духовенство всемерно пытается удержать свою экономическую, политическую и духовную власть, учреждая инквизицию, в задачи которой входит борьба с малейшими проявлениями свободы мысли. Меч, яд, обман и коварство являются основными средствами борьбы против выдающихся представителей науки того времени.

Крупный ученый Бернардино Телезий (1508—1596 гг.) падает жертвой папской власти.

Другому поэту-мыслителю, Полигению, инквизиция отомстила посмертно, приказав в 1549 г. вырыть его труп, сжечь его и развеять прах по ветру.

Следует упомянуть также и Учило Ванини (1585—1619 гг.). Ванини учил, что мир вечен и не создан богом. Ванини был обвинен в атеизме и подвергнут жестоким пыткам. Перед сожжением за его дерзкие выступления палач отрезал ему язык. Вот что он говорил перед смертью: «Если бы существовал бог, я бы молил его о том, чтобы он метнул свою молнию в этот несправедный и мерзкий парламент, и если бы существовал дьявол, я молил бы его, чтобы он проглотил это судилище, но я этого не делаю, потому что ни бога, ни чорта нет»¹.

¹ Цитировано по статье т. Лукачевского, см. «Антирелигиозник» № 3, стр. 193.

На этом фоне выступает Д. Бруно.

Вот как характеризует Энгельс эпоху, в которой оформилась философия Бруно: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основывавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвееаны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и кроме того изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монталамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и кроме того первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI в. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени,

принимая участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это либо люди второго или третьего ранга, либо благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцев [как Эразм].

И естествознание развивалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно: ведь оно еще должно было завоевать себе право <свободного исследования> на существование. Вместе с великими итальянцами, от которых датируется новейшая философия, оно дало своих мучеников для костров и темниц инквизиции. И характерно, что протестанты предупредили католиков в преследовании свободного естествознания. Кальвин сжег Сервета, который был близок к открытию кровообращения, при этом заставил жарить его живым два часа; инквизиция удовольствовалась по крайней мере тем, что просто сожгла Джордано Бруно¹.

Революционность философии Бруно отмечает Гегель, хотя в сугубо идеалистической интерпретации.

Гегель пишет: «Основной характер произведений Бруно заключается... в прекрасном порыве самосознания, чувствующего в себе присутствие всеобщего духа и знающего о единстве своей сущности с сущностью всего. В обладании этим сознанием есть нечто вакхическое—оно выливается наружу, чтобы выразить свое богатство и сделаться, таким образом, предметом для себя. Лишь в таком знании дух может созреть как целое. Если же дух еще не достиг научного образования, то он хватается за

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 476.

все окружающие формы, не упорядочивая их соответствующим образом. Подобное неупорядоченное, многообразное богатство обнаруживает Бруно, и поэтому его изложение часто получает туманный, запутанный, аллегорический вид—мистические грезы. Великому внутреннему порыву приносит он в жертву свои личные отношения, иначе порыв этот не оставил бы его в покое... Откуда это беспокойство? Он не может примириться с конечным, дурным, обыденным, отсюда и беспокойство. Он возвысился до всеобщей субстанциальности, он уничтожил разрыв и приниженность как самосознания, так и природы»¹.

По выражению того же Гегеля, Бруно смело отбрасывает все основанные на авторитете католические верования.

Бруно требует участия буржуазии в управлении государством, распределения должностей не по родовитости, благородству, титулам, богатству, а по способностям и добродетели.

Бруно выдвигает идею просвещенного монарха, власти такого короля, который помогает развитию буржуазных производительных сил и науки. Он требует, чтобы «назначались и утверждались справедливые правители и цари, поощрялись республики, насилие не подавляло разум, невежество не презирало науку»²... «Дабы страх и почтение к невидимым силам, честь, почтение и страх к ближайшим живым правителям—держались»³.

Естественно, что нарождающаяся буржуазия боролась против церкви, за уничтожение экономической и политической мощи папской власти, за вытеснение духовенства как конкурента в получении при-

¹ H e g e l, Werke, Bd. 19, S. 226.

² Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 79.

³ Там же.

были, за безраздельную эксплуатацию трудящихся масс самой буржуазией.

Вот почему идеолог этой буржуазии Д. Бруно требует отстранения церкви от мирских дел, от занятия торговлей и ремеслами, вообще отстранения ее от участия в хозяйственной жизни страны, считая, что духовенство должно жить только духовной жизнью и «питаться только теми плодами, теми подаяниями и пособиями, которые приносят и приносят верующие, одобряющие и защищающие их мнение»¹. Бруно выступает против монастырских доходов, он сторонник секуляризации монастырских имуществ. Характерно, что во время допроса Бруно инквизицией одним из веских обвинений против него было указанное высказывание.

Не менее решительно Бруно выступает против личности папы как заместителя бога на земле. Он пишет, что папы «...по какой-то нелепой и глупой фантазии считают себя небесными царями и сынами божьими»².

Вот как он характеризует духовенство: «Они порочат нас... проклинают наши плодотворные дела, называя их недостатками и пороками... Они, ни для кого ничего не делая (ибо все их дело—злословить дела), несмотря на то, живут делами тех, кто работал вовсе не для них, кто для других основывал храмы, часовни, гостиницы, госпитали, коллегии и университеты: значит открыто действуют как воры и присвоители чужого добра, наследственного добра тех, кто, если и не так совершенны и не так добры, как им должно быть, все же не сделали настолько безнравственными и опасными для мира, как они»³.

Бруно критикует их, говоря, что религия в их

¹ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 86.

² Там же.

³ Там же, стр. 60.

руках, вместо того чтобы облагораживать людей, делает людей хуже зверей. «Законы, культы, жертвы и церемонии,—жалуется бог Юпитер,—которые я однажды через вестника моего Меркурия допустил, учредил и упорядочил, теперь нарушены или вовсе уничтожены; место их занято вредным и недостойным религии обманом и притом с таким успехом, что люди, которые благодаря нам стали подобны богам, теперь обратились в нечто худшее, чем звери»¹.

Отрицательное отношение у Д. Бруно также и к различным религиозным сектам. Вот что пишет он о кальвинистах: «Да искоренит герой будущего эту глупую секту педантов, которые, не творя никаких добрых дел, предписываемых божественным законом и природой, мнят себя избранниками бога только потому, что утверждают, будто спасение зависит не от добрых или злых дел, а лишь от веры в букву их катехизиса»².

Бруно высмеивает и критикует христианское учение о божественном промысле. Устами Меркурия он говорит: «Юпитер распорядился, чтобы сегодня в полдень в саду Францина две дыни из всех прочих совсем созрели, но чтобы их сорвали не раньше, как чрез три дня, когда, по общему убеждению, их можно станет есть. Воля Юпитера, чтобы в то же самое время из сада у подножья горы Чикала, в доме Ивана Бруно 30 ивиум были во-время собраны, 17—попадали от ветра на землю, 15—съедены червями. Чтобы Васта, супруга Альбанцио, подвивая себе волосы на висках и перегрев щипцы, спалила бы 57 волосинок, но головы не обожгла и, на этот раз, почуяв гарь, терпеливо перенесла ее, не влослова меня, Юпитера. Чтобы у нее от бычачьего

¹ Там же, стр. 38.

² Там же, стр. 48.

помета родилось 252 улитки, из коих 14 потоптал и раздавил на-смерть Альбанцио, 26 умерли опрокинувшись, 22 поселились в хлеву, 80 отправились в путешествие по двору, 42 удалились на жительство в соседний с воротами виноградник, 16 пошли, влача свой домик туда, где им удобнее, остальные—на счастье. Чтобы у Лауренцы, когда она станет чесаться, выпало 17 волос, 13 порвалось, и из них за 3 дня десять вновь отросли, а 7—никогда более»¹.

Бруно высмеивает также догмат христианства о сыне божьем Христе, высмеивает миф о триединстве Христа, учение церкви о том, что Христос одновременно является и богом и человеком. Бруно указывает, что это утверждение смахивает на изображение кентавра, который является одновременно и человеком и лошадыю. Бруно пишет: «Что же сделать нам с этим человеком, привитым к зверю, или с этим зверем, привитым к человеку? В нем одно лицо из двух природ, а два естества сливаются в одно ипостасное единство... Тут две вещи соединяются и творят третью единую, и в этом нет никакого сомнения. Но вот в чем трудность: есть ли такое третье единство лучшая вещь, чем та и другая порознь, и не есть ли это что-нибудь в роде одной из первых двух или поистине хуже их. Хочу сказать, что если присоединить к человеческому естеству лошадиное, то произойдет ли нечто божественное».

Гегель отмечает издевательства Бруно над духовенством. Он пишет, что Бруно «сделал иронические замечания частью о некоторых католических догматах, например о пресуществлении и беспорочном зачатии Марии, частью же о страшном невежестве и развратном образе жизни монахов».

На самом деле, Бруно очень едко издевается.

¹ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя. стр. 67.

Так он, высмеивая учение евангелия о божестве и в нем промысле и попутно феодальный уклад, пишет: «Неужели по-твоему, Юпитер,—начал Мом,—в доме досуга есть досуг; какой же тебе еще деятельной жизни надо там, где такое множество дворян и их слуг, которые встают рано утром, чтобы успеть умыться себе лицо и руки три или четыре раза в пяти или семи водах, которые тратят затем целых два часа, чтобы накаленными щипцами и смолами завить и раскудрявить свои волосы, подражая великому и высокому провидению, не забывающему ни единый волос на голове без того, чтобы определить ему свое место»¹.

По Бруно, слепая вера в авторитет является величайшим препятствием познанию природы.

Бруно отвергал обряды и систему верования католической церкви. И для Бруно вовсе не является характерными некоторые его вынужденные ответы, как например на вопрос инквизитора: «Что думает он о воплощении слова и его рождении?»—он отвечал: «Слово зачато святым духом и рождено от девы Марии». На вопрос: «Что необходимо для спасения души?»—отвечал: «Вера, надежда и любовь»². Эти вынужденные ответы идут в разрез со всеми его философскими воззрениями. Однако, высмеивая грубую обрядность и наивную веру простонародья, Бруно подобно Спинозе и всем философам буржуазии для широких народных масс проповедует веру в бога. «Ведь очень легко убедиться,—писал Бруно,—что нельзя жить без законов и религии»³. Только буржуазные историки философии вроде Рилья, используя эти ответы Бруно, превращают последнего в глубоко религиозного философа.

¹ Там же, стр. 94.

² Р и л ь, Д. Бруно, стр. 42.

³ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 80.

Будучи идеологом нарождающейся, слабой буржуазии, еще не достигшей власти и принужденной поэтому идти на компромиссы, Бруно формулирует это своим учением о двойственности истины, т. е. что философия и вера, наука и религия могут существовать рядом, и что одна другой не касается, и что каждая из них по-своему выражает истину.

Выступление Бруно против церкви, против схоластической философии есть политическое выступление, является нападкой на феодализм, ибо «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»¹. «В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, превратились в простые отрасли богословия, и в основу их были положены те же принципы, которые господствовали и в нем. Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона»². Понятно поэтому, что всякие нападки на церковь, как и на феодальные порядки, должны были быть рассматриваемы как ересь и строго наказаны. Нападки на феодализм в зависимости от обстоятельств и условий происходят в различных формах. По этому поводу Энгельс пишет: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»³.

2

Бруно хорошо знаком с историей древней и средневековой философии и философией своей эпохи. Он имел энциклопедические знания. Он с особенным

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 128.

² Там же.

³ Там же, стр. 129.

уважением говорит о Демокрите и Эпикуре, часто с любовью цитирует сочинения Лукреция, с которым сознает свое духовное родство. Про них он пишет, что они «все нетелесное принимают за ничто, считают в соответствии с этим, что одна только материя является субстанцией вещей»¹, хотя целиком и полностью не разделяет их воззрений. Бруно знаком с работами Николая Кузанского, Парацельса, Коперника, Телезио, Ванини, Кардана, Раймунда Луллия, которых он ставит высоко и многое приемлет от них.

Философия Бруно не есть единичное явление. Она принадлежит к разряду величайших натурфилософских систем итальянцев эпохи Возрождения. Эти мыслители выражают рост и победы нового капиталистического способа производства. Из итальянских мыслителей, предшествовавших Бруно, особо надо отметить Леонардо да Винчи, гениального художника, инженера и ученого, давшего прекрасные образцы искусства, ряд научных открытий и изобретений. Он считает, что истинные знания можно получить опытным путем; своим выдвижением опыта он выступает против церковного авторитета, теологии и мистифицизма.

Леонардо да Винчи пишет: «Мудрость есть дочь опыта». «Опыт не обманывает, обманывают нас только наши суждения, ожидающие от опыта того, чего он не может дать».

Он признает громадную роль чувств в познании вещей. Он пишет: «Утверждают, будто зрение препятствует внимательному и тонкому умственному познанию, при помощи которого происходит проникновение в божественные тайны науки, и будто препятствие это побудило одного философа лишиться

¹ Б р у н о, О причине, начале и едином, стр. 127.

себя зрения. На это отвечу, что глаз как владыка чувств исполняет свой долг, поставляя препятствие тем смутным и обманчивым рассуждениям—назову их научными,—которые при великом шуме и хлопаньи ладош происходят при диспутах. И если один философ лишил себя глаз, чтобы удалить препятствие к рассуждению такого порядка, то операция эта, нет сомнения, повлияла на его мозг и рассуждения, так как все это было безумством»¹.

Леонардо да Винчи находит, что вечным законом является механическая закономерность. Он пишет: «Необходимость—господствующее начало в природе. Необходимость—основная идея и движущее начало природы, в ней природа находит свое ограничение и вечный закон»².

Другой передовой мыслитель, Людвиг Вивес, требует опытного изучения природы, а не схоластических ухищрений и споров.

Бернардино Телезий считает предметом науки самую природу.

По учению Телезия, в природе имеются два активных начала—теплое и холодное. Теплое производит жизнь и движение, холодное же—неподвижность и покой. Оба эти начала находятся между собой в постоянной борьбе, причем ни одно из них не уничтожается. Из этой борьбы возникают в материи различные ее формы.

Влияние Телезия на Бруно выражается в том, что он убеждает Бруно в необходимости изучения природы, в необходимости опыта вместо схоластических рассуждений.

Другой крупный мыслитель, немец Николай Кузанский, являющийся одним из предшественников

¹ Лю б и м о в, История физики, ч. II, 1894 г., стр. 131.

² З о м б а р т, Техника эпохи раннего капитализма, 1925 г., стр. 8.

Бруно, оказал на него значительное влияние своим учением о «совмещении противоположностей». Кузанский также выступает против мировоззрения феодального общества, против схоластики. Он считает, что надо отказаться от схоластики и приняться за изучение природы. У всех этих мыслителей мы видим сильные материалистические стороны. В философии Бруно все эти элементы даны как грандиозная натурфилософская, пантеистическая, монистическая система.

Эти крупнейшие мыслители в большинстве своем являются пантеистами. Пантеизм в ту эпоху был по существу материалистическим и прогрессивным учением, противопоставленным феодально-богословскому мировоззрению.

Значительное влияние на Бруно имел испанский философ Раймунд Луллий, влияния которого не избегли некоторые философы нового времени. Лейбниц с удовольствием читал Луллия, мечтал о создании математической логики на манер проекта логической машины Луллия.

Решающим в формировании мировоззрения Бруно явилось его знакомство с учением Коперника. Последний, противник геоцентрической системы Птолемея, положил начало новому представлению о мире — гелиоцентрическому.

Бруно являлся горячим сторонником этой новой системы мирообъяснения, выступая резко против геоцентрического, антропоцентрического мировоззрения.

Он согласен с Коперником, что Земля является одной из планет солнечной системы, и признает, что само Солнце является звездой в системе неподвижных солнц.

Бруно высмеивает тех, которые этого не допускают. Он пишет: «Думать, что нет больше планет

кроме тех, которые нам известны, это немногим разумнее, как если бы кто-нибудь полагал, что в воздухе летают лишь птицы, которых он только что видел пролетающими мимо, когда смотрел в свое маленькое окошко».

Более того, он допускает существование живых существ на других планетах. «Только глупый может думать, что нет никаких существ, никаких чувств, никаких других способностей мышления, чем именно то, что дается в наших чувствах».

Бруно доказывает единство вселенной и то, что солнечная система только часть ее и что наша планетная система является только одной из единиц бесконечных солнечных систем.

Однако астрономическое учение Бруно не было просто популяризацией учения Коперника. Систему Коперника Бруно развил дальше.

Коперник придерживался мнения о существовании границ мира, признавал существование твердых сфер, к которым прикреплены неподвижные звезды.

Бруно, принимая утверждение Эпикура—Лукреция о бесконечности миров, отбрасывая мнение о «твердых сферах» Коперника, развил учение о множестве миров, учил о беспредельности и бесконечности вселенной, о бесконечности пространства.

Величайший поэт средневековья Данте (1265—1321 гг.) в своей «Божественной комедии» следующим образом систематизирует учение Аристотеля—Птолемея об устройстве мира: в центре находится неподвижная Земля, вокруг нее небесные тела располагаются в виде концентрических кругов в такой последовательности: сначала сфера Луны, потом Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Далее следует небо неподвижных звезд, затем кри-

стальное небо и эмпирей, которые получают свое движение непосредственно от бога, который у Данте отождествляется с первым двигателем Аристотеля. Бруно отвергает этот взгляд о прикреплении тел к небесному куполу. Бруно пишет: «Это нелепое представление, в которое могут верить только дети, которые, может быть, поверили, что если бы звезды не были прикреплены к своду неба, как пластинки, хорошим клеем или же прибиты крепкими гвоздями, то они падали бы на нас из соседнего воздуха подобно граду»¹. В противоположность этому средневековому мировоззрению Бруно высказывает целый ряд положений, которые полностью опровергают учение церкви о мире. Значительный круг мыслей Бруно впоследствии подтвержден наукой. Бруно считает, что Земля имеет приблизительно шарообразную форму, у полюсов она сплюснена; что Солнце движется вокруг своей оси, причем оно не неподвижно, а меняет свое место по отношению к другим солнечным системам; что неподвижные звезды суть также солнца и вокруг них вращаются, описывая неправильные круги, бесчисленные планеты, хотя мы их не видим вследствие их большого расстояния от нас.

3

Джордано Бруно, пламенный и страстный борец против церковной догмы за новое естествознание, родился в 1548 г. в небольшом итальянском городке Нола. Уже в четырнадцатилетнем возрасте он поступает в орден доминиканцев в Неаполе, в 1572 г. принимает сан священника. Бруно свою жизненную задачу не ограничивает исполнением таких обязанностей, он настойчиво стремится расширить свои знания. Бру-

¹ Б р у н о, О бесконечности, вселенной и мирах, стр. 124.

но желает всё читать и все знать. Бруно пробует писать на различные темы. Заслуживает внимания его комедия «Подсвечник», написанная в период его пребывания в неаполитанском монастыре. В этой работе Бруно живо и рельефно изображает современную ему действительность, едко и жестко хлещет духовных лиц. В своих писаниях он обнаруживает всесторонние и основательные знания, в особенности по философии. Сочинения Г. Коперника, по собственному признанию Бруно, тронули его душу в нежной юности. Уже в годы своего пребывания в монастыре Бруно замечает противоречия между учением церкви и, как он выражается, истинной религией. Так, Бруно выбрасывает из своей кельи все иконы святых, считая, что на место их полезнее иметь писание какого-либо отца церкви, выражает сомнение относительно догмата троицы. Своим поведением он вызывает подозрение и недовольство со стороны монастырского начальства. Бруно все же продолжает усиленно заниматься пополнением своих знаний. Он проявляет самостоятельность мысли и критически относится к общепринятой оценке науки, философии и различных религиозных сект. Бруно обвиняют в ереси. Против него выдвигают обвинение из 130 пунктов, сводящееся к тому, что он отступает от учения католической церкви. Полагая, что в Риме у прокурора ордена справедливее будут разбирать его дело, чем у него в монастыре, в атмосфере доносов и интриг, Бруно едет в Рим. Но он убеждается, что и здесь не найдет справедливого отношения к себе. Он сбрасывает свою монашескую рясу, отказывается от своего монашеского прозвища—Джордано—и бежит из «вечного города» в 1576 г.

С этого времени начинаются годы его скитаний. Уходя из монастыря, Бруно облегченно говорил, что в монастыре душу держат в путах и человека,

свободного для службы добру, превращают в ничтожного раба и обманщика. Бруно выступает против ограничения свободы мысли со страстной ненавистью.

Его шестнадцатилетние беспрерывные скитания из места в место, из страны в страну наглядно иллюстрируют его упорное стремление возвестить миру свое новое мировоззрение. Он исколесил почти всю Европу, все ее главные страны: Францию, Англию, Германию, Италию, побывал в следующих городах: Рим, Генуя, Савона, Турин, Венеция, Падуя, Бергамо, Милан, Шамбери, Женева, Лион, Тулуза, Париж, Лондон, Оксфорд, Майнц, Висбаден, Марбург, Виттенберг, Франкфурт, Прага, Гельмштадт, Цюрих и т. д. Во многих из этих городов он выступал то с устным, то с печатным словом и пламенно возвещал свое новое мировоззрение, едко и образно опровергая и порицая схоластику и папскую, церковную власть. Папская власть жестоко преследовала великого мыслителя, столь резко нападавшего на нее, и, овладев им при помощи обмана, сожгла его на костре, вписав еще одну позорную страницу в историю своих кровавых деяний. Преданный своим «покровителем» Могениго, Бруно был арестован в Венеции 23 мая 1592 г.

Венецианская инквизиция допрашивала Бруно, но не заканчивала процесса. Бруно сидел в тюрьме до 7 февраля 1593 г., когда по требованию римского папы Венецианская республика выдала его для суда над ним в Риме. Бруно был отправлен в Рим и заключен в тюрьму 27 февраля 1593 г.; начиная с 1593 по 1599 г. мы ничего не знаем о нем, кроме разве того, что он сидит в тюрьме и подвергается допросу папской инквизиции. Римская церковь, не добившись от Бруно отречения и осуждения им своих собственных взглядов как ужасной ереси, выносит приговор о его сожжении.

И действительно, 17 февраля 1600 г. его сжигают в Риме на Площади цветов. В 1889 г. 9 июня либеральная мысль Европы добилась того, что на месте сожжения Бруно был воздвигнут ему памятник.

Современная фашистская власть Италии увековечила свое примирение с папой между прочим и тем, что разрушила памятник великому борцу, тем самым еще раз доказав, что буржуазная мысль решительно повернула от науки к мистике и мракобесию.

Долгое время сочинения Бруно были под запретом католической церкви. Многие сочинения Бруно до нас не дошли, и мы знаем только их названия благодаря тому, что автор в других своих сочинениях упоминает о них.

Бруно был поэтической натурой, все его сочинения дышат воодушевлением и юношеским пылом.

Сочинение «Тени идей» насыщено луллиевым искусством. Испанский схоласт XIII в. Раймунд Луллий работал над изобретением логической счетной машины, задачей которой было получение истин механическим составлением комбинаций из понятий. Это «великое искусство» Бруно считал полезным для развития памяти и красноречия.

Бруно подобно Луллию полагал, что путем известной системы механического комбинирования слов можно притти к новым истинам, сделать научно-философское открытие. Наивные воззрения, коренящиеся еще в схоластической попытке Луллия, как и увлечение Бруно луллиевым искусством, являлись в известной мере уродливым теоретическим выражением развития новых буржуазных производительных сил, требующих изобретений и технических усовершенствований и новых методов для познания природы. Человеческое познание, по Бруно, есть отражение

природы. Книга «О причине, начале и едином» является основным философским сочинением Бруно. Здесь он разворачивает свою философскую систему; он разбирает проблемы материи и формы, возможности и действительности, доказывает, что принцип совпадения противоположностей является определяющим в существовании и изменении вещей и т. д. Книга написана в форме диалога. Если в сочинении «О причине, начале и едином» Бруно дает основы своего философского мировоззрения, то в другой основной своей работе, «О бесконечности, вселенной и мирах», он, оперируя преимущественно естественнонаучным материалом, опровергает схоластическое миропонимание.

В своем сатирическом произведении «Изгнание торжествующего зверя» он высмеивает лицемерие и пороки духовенства и нравы современного ему феодального общества и одновременно в остроумной форме набрасывает общие контуры своего учения о нравственности.

«Пусть всякий смотрит на эти диалоги,—пишет Бруно,—не иначе как на материю и предмет для будущего произведения, ибо, намереваясь трактовать нравственную философию согласно внутреннему свету, лучи которого бросило и бросает в меня божественное солнце разума, я считаю целесообразным прежде всего предпослать нечто в роде прелюдии, как то делают музыканты; набросать кое-какие неясные и темные контуры и тени, как то делают художники; набрать основу и протянуть некие нити, как ткачи, и заложить глубоко и невидимо внизу основание, как великие зодчие»¹.

Стиль его произведений вообще и в частности «Изгнания торжествующего зверя» довольно тяже-

¹ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 11.

лый. Чрезмерное пользование мифологией затрудняет чтение.

Критикуя догмы католической церкви, выступая против папства как против религиозного института, он все же считает необходимым сохранение религии для широких масс.

Для широких трудящихся масс, по Бруно, проповедь истины бесполезна. Для воспитания народа необходимо сохранение веры, а философия предназначена для образованных, т. е. правящего класса. В своей работе «Изгнание торжествующего зверя» Бруно особенно подчеркивает значение религии в жизни масс для удержания их в повиновении.

Диалоги Бруно страдают длиннотами, неуклюжими периодами, расплывчатостью формулировок. Умозрение и исследование, знание и поэзия даются в причудливом сочетании. Весьма важно отметить, что в противоположность средневековым схоластам, полагавшим, что науку можно излагать только полатами, только для монахов, Бруно свои лучшие сочинения написал на живом итальянском языке, обращаясь непосредственно к широким кругам образованной буржуазии. Бруно написано очень много книг. Самыми основными являются: «О причине, начале и едином», «Изгнание торжествующего зверя», «О бесконечности, вселенной и мирах»; заслуживает внимания его комедия «Подсвечник».

Чтобы дать некоторое общее представление о характере писаний Бруно, выступающем уже в его первой работе, показать тот сарказм, с каким он бичует духовенство, насмешливое и пренебрежительное отношение к католицизму, приведем некоторые извлечения из этой его комедии «Подсвечник»:

«Иди к дьяволу, ты найдешь его скорее, чем ангела Гавриила».

«Ангелы не так любезны, как дьяволы. В мире

созданы ты и тебе подобные, чтобы оправдать дьяволов».

«Скорее зайцы будут преследовать китов, дьяволы будут осенять себя крестным знаменем, скорее зритель Бреший будет человеком любезным, скорее сатана прочитает «Отче наш» и «Богородицу» для поминовения душ, которые находятся в чистилище, чем я когда-либо мог бы обойтись без любви к моей так любимой и так желанной синьоре».

«Творите справедливый суд, да поможет вам бог. Как правосудие одного папы,—не знаю, не был ли это папа Адриан, который продавал бенефиции, более быстро создавал из этого хороший рынок, чем насаждал веру. Целый день он бывал с весами в руке, чтобы проверить, имели ли они настоящий вес».

Б о н и ф и ц и о. Кто? Святой Христофор?

С к а р а м у р а. Я не говорю «самый великий и толстый», но один из их князей. Но довольно молебнов святым, которые я служил тогда, когда знал эту вещь; но вместо того чтобы говорить: «Моли за нас», я здесь послал им столько проклятий всем, за исключением св. Бернарда, милость которого мне нужна теперь. Что если за каждый грех я должен стоять по семи лет в чистилище, то только за мои грехи в течение двух часов здесь мне придется ждать дня страшного суда более десяти тысяч лет, пока он настанет».

Б о н и ф и ц и о. Я кроме того оставил им мой плащ и кольцо... И я думаю, что при вашем содействии они удовольствуются меньшим, так как за одно скуди они отрекутся от Христа и его матери и от матери его матери».

А с к о н и я. Кто хочет «агнца божия», кто хочет благословенного винограда, кто хочет воды св. мученика Петра, манны св. Андрея, масла из жира и мозга из костей тела св. Плантория, кто

хочет произнести обет, чтобы добиться счастья, пусть найдет госпожу Андже́ла Спинья».

4

Бруно выступает против средневековых схоластов, которые занимались не исследованием вещей, а только словопрениями. Английский поэт Сидней, друг Бруно, говорит об Оксфордском университете, что там в сущности «все четыре факультета составляют только один факультет словесных мудрецов, которые вовсе не заботятся об исследовании вещей и гонятся только за словами»¹.

Бруно решительно отстаивает науку, отбрасывает слепую веру в авторитет, борясь против подмены науки верой.

Весьма характерными для церковной философии являются слова Ансельма Кентерберийского: «Я верю, поэтому знаю. Вера—основа познания; разум должен подчиняться вере». Бруно отбрасывает лозунг, данный еще Фомой Аквинским, что стремление к познанию природы вещей является грехом, поскольку такое познание своей целью не имеет познание бога².

Бруно выступает против противопоставления неба и земли. По средневековому мировоззрению звездное небо—царство совершенства, а «подлунный мир»—царство несовершенства; первое якобы состоит из «эфира», а второй из «четырёх элементов». Бруно решительно отбрасывает такое различие неба и земли и учит об однородности вселенной во всех ее частях. И основным сочинением по этой

¹ Г р о т, Д. Бруно и пантеизм, 1885 г., стр. 39.

² Э й к е н, История и система средневекового мировоззрения, 1907 г., стр. 524.

линии является его «О бесконечности, вселенной и мирах».

Весьма смелым казалось в то время учение Бруно о бесконечности миров. Гениальный астроном Кеплер говорит, что он испытывал головокружение при чтении сочинений Бруно.

Бруно, выступая против духовенства, естественно выступает и против Аристотеля, извращенного схоластиками, которые клали его учение в основу феодального мировоззрения. Он резко борется против Аристотеля за его признание ограниченности мира.

У Аристотеля определители положения (низ и верх) являются абсолютными и мир имеет центр и периферию. Бруно доказывает, что все определения пространственных положений являются относительными.

Он призывает при изучении природы руководствоваться самими вещами, а не авторитетом. Он считает, что надо оставить идолопоклонство перед авторитетом Аристотеля при изучении природы. «Кто хочет судить как следует,—пишет Бруно,—тот должен уметь освободиться от привычки верить, считать, что каждое из двух противоречащих положений равно возможно, и перед действительностью оставить впитанные им с рождения чувства».

Бруно признает одну субстанцию. Различие вещей, по Бруно, заключается не в отношении их бытия, а в отношении их форм проявления, и та же субстанция облекается в различные формы. Вот почему, говорит он, законы природы единообразны и ненарушимы, ибо они суть законы этой единой вечной субстанции.

Бруно монист. Все явления природы, все многообразие ее он считает выражением и порождением единого принципа, который является как началом, так и причиной, и вот в какой поэтической форме

выразил он это основное положение и принцип своей философии:

«Единое, начало и причина,
Откуда бытие, жизнь и движение,
Земли и неба, ада порождения,
Все, что уходит вдаль и вширь, в глубины.
Для чувства, разума, ума—картина:
Нет действия, числа и измеренья
Для той громады, мощи, устремленья,
Что вечно превышает все вершины.
Слепой обман, миг краткий, доля злая,
Грязь зависти, пыл бешенства с враждою,
Жестокосердие, влюбные желанья
Не в силах, непрерывно нападая,
Глаза мои задержать пеленою
И солнца скрыть прекрасное сияние»¹.

Почему вселенная едина? Ибо она—выражение бесконечной субстанции и как в таковой в ней нет различий между целым и частью.

Сущее является единым в смысле того, что состоит из материального начала, единым в смысле своей цельности. Мы имеем эту основу везде, и она выступает как целое. Это единое есть большое (максимум), но отражается в каждом малом. Это есть то же единое, а не удвоение другого. Гете в годы своего страсбургского студенчества отмечает диалог Бруно «О причине, начале и едином», с основными мыслями которого он согласен; он защищает эту работу. Многие стихотворения Гете могут служить комментарием философии Бруно. Гете почти в тех же выражениях, что и Бруно, излагает свой пантеизм.

Картину высшей бесконечности миров Бруно дополняет своим утверждением внутренней бесконечности в виде своего учения о единстве материи и формы, о бесконечном образовании новых и новых

¹ Бруно, О причине, начале и едином, Соцэ-гив, 1934 г., стр. 55.

форм, о субстанции. Бруно выступает против признания первого двигателя.

Бруно учит, что имеется одна истинная единая субстанция, которая является одушевленной, и что ее способность к действию вытекает из динамических свойств этой самой субстанции. Вся природа есть единство силы, или индивидуальные монады, каждая из которых может стать всем.

Необходимо отметить также восхваление со стороны Бруно диалектики Гераклита. Бруно считает, что атомизм Демокрита страдает тем пороком, что не дает единого жизненноцельного понимания действительности, а только механическое мирообъяснение. Бруно считает, что признание атомов и пустого пространства недостаточно, необходимо еще, чтобы нечто их «склеивало».

Бруно в теологическом облачении выступает как материалист и примитивный диалектик.

Бруно против механического расчленения действительности, против того, как это говорится устами Мефистофеля в «Фаусте» Гете:

«Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его он умерщвляет,
Потом на части разнимает...»¹

Философия Бруно полна теологической непоследовательности, однако в ней ярко выступает ее материалистическая сторона. Бруно защищает идею о вечности материи. Бруно пишет:

«Знает Юпитер и то, что состав вечной вещественной субстанции (каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна и к разрежению, и к сгущению, и к изменениям формы, порядка, фигуры) разрушается, сложность колеблется, фигура переиначивается, судьба разнообразится,

¹ G o e t h e, Faust, Kroner Verlag, S. 48.

и только элементы всегда остаются теми же по существу, и тем же самым, как был всегда, остается вещественный принцип, который есть истинная субстанция вещей—вечная, нерождаемая, негибнущая»¹.

Он пантеист, считающий, что бог — внутренняя сущность вселенной, что бог действует в бесконечной природе как вездесущая творческая сила. Для Бруно бог и вселенная не различные и самостоятельные сущности, а бог слит с природой, он имманентен природе, а не трансцендентен ей. Своим пантеизмом Бруно вступает в резкую оппозицию с церковью и со схоластической философией, поскольку Бруно отбросил сверхъестественную, над миром стоящую силу.

Если схоластическая философия природу, материю «растворила» в боге, то, наоборот, Бруно «растворил» бога в природе. В этой форме его пантеистическое учение для своего времени было атеистическим учением, ибо отвергался бог и как личность и как трансцендентное существо. Кроме того Бруно отрицает творение мира богом. Для него мир не начался во времени, а есть вечное творение бога—природы. Мир составляет единство с богом: «Только в вере не понимающих, безрассудных представляется бог и мир противоположностями» (Бруно).

Бруно—гилозоист. Он утверждает, что нет вещи, не обладающей душой или по крайней мере жизненным началом. По Бруно, мир—это вечный процесс, вечное самотворчество *одушевленной* материи. Мышление рассматривается Бруно как изначальное и вечное свойство материи. «Я буду иметь случай пространно рассуждать относительно духа, души, жизни, ума, который во все проникает, во всем находится...»

Бруно учил о единстве души и тела, считал,

¹ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 13.

что различие между душой человека и животного состоит только в степени развития. Это положение для своего времени являлось атеистическим, поскольку отрицалась самостоятельная духовная субстанция.

Бруно стоит на точке зрения познаваемости мира; он учит, что познание природы достигается через чувство, разум и интеллект, составляющие три ступени познания. Соотношение их в деле познания таково: чувство составляет низшую, разум—вторую, а интеллект—последнюю ступень познания.

Посредством чувства, по Бруно, мы воспринимаем цвета, звуки, поверхностную форму вещей, но мы еще не в состоянии проникнуть в вещь в целом. Чувства дают только образ отдельных вещей и их свойств, но не дают глубокого, полного, идеального познания предмета; разум действует активно, он комбинирует воспринимаемое. Посредством познания через разум идет процесс познания от множества к единству. Только через разум постигается истина глубже и всестороннее, но еще не адекватно, не полностью.

Полное познание, по Бруно, достигается только через интеллект. Только посредством интеллекта мы поднимаемся к пониманию единого мира—вселенной—как совпадения противоположностей. Весь процесс познания, по Бруно, есть восхождение к всеобщему познанию через синтез многообразия единичных вещей.

Устанавливая три ступени познания, Бруно разрывает их друг от друга, не видит перехода от чувств к мышлению. В этом сказывается метафизичность теории познания Бруно. В теории познания Бруно—рационалист, хотя и не отрицающий громадного значения чувственного познания.

Несмотря на общий метафизический характер

философии Бруно, у него имеются яркие элементы диалектики. Элементы диалектики имеются у Бруно в его учении о круговороте вещества, переходе одних явлений в другие как проявления одной и той же субстанции.

Бруно пишет: «С необходимостью существует одна и та же вещь, которая по себе не есть ни камень, ни земля, ни труп, ни человек, ни зародыш, ни кровь и другое, но которая, после того как была кровью, становится зародышем, получая бытие зародыша; после того как была зародышем, получает бытие человека, становясь человеком...» По Бруно, вещи только теряют свою внешнюю и случайную форму.

Блестящие элементы диалектики выступают в философии Бруно, в его учении о совпадении противоположностей.

По мнению Бруно, истинное познание природы возможно только в том случае, если подойти к действительности, исходя из понимания тождества противоположностей. Он пишет: «Значит, если судить с физической, математической и нравственной точек зрения, то ясно, что не малого доискался тот философ, который проник в смысл совпадения противоположностей, и вовсе не глупый практик тот маг, который ищет, в чем состоит оно, это совпадение»¹.

По Бруно, существует вечный круговорот движения и все противоположности возвращаются опять к первоначальному единству. Из противоположности и различия возникает гармония вещей.

Учение Бруно о единстве противоположностей по существу есть смутная догадка о законе единства противоположностей. Гегель по этому поводу пишет: «Это великое слово—признать развитие идеи

¹ Б р у н о, Изгнание торжествующего зверя, стр. 28.

таким образом, что она оказывается необходимостью определений».

По Бруно, всеобщее познание отличается от частичного, как бесконечное от конечного. А всякая единичная вещь есть скрытая бесконечность, данная как совпадение противоположностей. А вселенная есть раскрытое единство. В наивной и пантеистической идеалистической форме он дает диалектику всеобщего и единичного.

Бруно пишет: «Разум познает единство, познает единое и число, познает конечное и бесконечное, конец и предел понимания и крайности всего, и он может соделать все не только в общем, но и в частности, ибо нет частности, не включенной во всеобщее, нет числа, в котором и подавно не было бы единства, каковое и есть само число. И постольку, стало быть, без всякого труда и затруднения промышленяет Юпитер обо всем, повсюду и всегда, поскольку с необходимостью бытие и единство есть во всех числах, во всех местах, во всех временах и атомах времени, места и числа и один и тот же принцип бытия—во всех бесконечных индивидуумах, которые были, есть и будут»¹.

Бруно—метафизический материалист с яркими элементами диалектики. Громадным недостатком его философии является то, что Бруно пантеист, в силу чего его философия выступает в плотной религиозной оболочке.

Все же он один из тех, кто подготовил теоретическую почву для борьбы с религией, заложил основы материалистической философии в условиях господства средневековой схоластики.

Издание основных сочинений Бруно является

¹ Там же, стр. 70.

важнейшей задачей в общем плане выпуска произведений материалистов прошлого.

5

Буржуазные историки философии подделывают Бруно под идеалиста-мистика, выхолащивая материалистический характер его философии. Так например Алоиз Риль пишет: «Если учение Коперника гелиоцентрично, то учение Бруно не только космоцентрично, но и теоцентрично...» «Бог есть основа природы—общая сущность всего бытия»¹.

Идеалист Риль истолковывает пантеизм Бруно как чистый теологизм. Природа, материя и дух у Бруно составляют единство, Риль же произвольно отбрасывает одну сторону, т. е. природу, материю, для того чтобы подделать Бруно под идеалиста. То же самое проделывает Н. Грот, считая, что основой философии Бруно является личный дух, сознание. Грот пишет: «Все философы нового времени оставили нетронутой именно основную посылку Бруно о личном мировом сознании»². И дальше Грот продолжает: «Отрицание взгляда на Землю как на центр вселенной естественно привело Бруно к отрицанию вообще всякого материального центра у бесконечной вселенной. Если вселенная бесконечна, то в ней материального центра и окружности быть не может: всякая точка в ней есть центр и часть окружности, а следовательно если у нее и есть центр, то только *духовный*. Этот центр и есть божество, сознание, дух вселенной. Вот каким путем Бруно доходит до отождествления космо- и теоцентрической точек зрения»³.

¹ Риль, Д. Бруно, 1903 г., стр. 24.

² Грот, Бруно и пантеизм, Одесса 1885 г., стр. 84.

³ Там же, стр. 61.

Для Бруно пространство—это объективная категория, а по Гроту—«психологическая идея»¹.

Работа Карсавина о Бруно эклектична и написана с позиций махрового идеализма, с позиций христианства и мистики. Он извращает философию Бруно, подводя ее под идеализм. По установке Карсавина, «философия—служанка богословия». «Со школьной скамьи мы привыкли считать эту идею нелепым символом чудовищного мракобесия. Но если выразить ее иными словами, она окажется нашей. Ведь схоластики хотели сказать лишь одно: истина едина... Если истина абсолютна, то и учение о ней, или богословие, должно лежать в основе всякого знания»².

Идеалист Гефдинг считает, что Бруно связал идеалистическую философию с естественнонаучным взглядом на вселенную его эпохи.

Совершенно неправильно интерпретирует философию Бруно Гегель, считая философию Бруно отзвуком александрийской философии, хотя и оригинальной. Гегель пишет: «Однако в самом деле это учение есть не что иное, как отзвук александрийской (философии.—*Авторы*), и Бруно меньше всего оригинален»³.

Подобно всем другим идеалистическим историографам также и Зигварт философию Бруно выдает за идеалистическую систему. По Зигварту, природа у Бруно есть не что иное, как сам бог, только в другой форме своего существования. Зигварт пишет: «Природа есть не что иное, как бог, который существует во всех вещах и себя там обнаруживает»⁴.

¹ Там же, стр. 73.

² Карсавин, Д. Бруно, Берлин 1923 г., стр. 78.

³ Hegel, Werke, Bd. XIX, S. 227.

⁴ Sigwart, Kleinere Schriften, 1889, S. 91.

Извращает философию Бруно и Мориз Карьер, подделывая ее под субъективный идеализм¹.

Идеалистически интерпретирует философию Бруно и Куно Фишер², считая, что материя, по Бруно, это другая форма выявления бога и что Бруно оригинален не по идеям, а только по своему характеру и индивидуальности.

Извращенно представляет философию Бруно и Ольшки, по которому у Бруно нет центральной идеи, его философия есть нечто расплывчатое и творения Бруно—продукт художественной фантазии и мечтаний. Ольшки изображает Бруно как фантаста-поэта, который подчас якобы боролся против подлинных представителей науки, даже якобы презирал науку. Под флагом научного исследования представитель современной буржуазной мысли Ольшки извращает историческую действительность, подделывает философию Бруно с целью оправдать схоластов и попов.

Ольшки пишет:

«Бесформенность эпических произведений Бруно уже сама по себе говорит о том, что им недостает формирующей и руководящей идеи. Бруно в своих работах дает выражение определенному настроению, а не развивает определенную теорию»³. Ольшки не видит, что разноречивость, гетерогенность, непоследовательность у Бруно выражают в основном черты мышления и практики его класса той эпохи.

Ольшки в основном научную философию Бруно подделывает под поповщину, превращает его философию в фантазию и в религиозную веру.

¹ M. Carrière, Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit, 1887, S. 173—174.

² К. Фишер, История новой философии, т. I, стр. 103.

³ Ольшки, История научной литературы на новых языках, т. III, 1933 г., стр. 10, 21.

«Бруно,—пишет Ольшки,—может быть бессознательно, стремился скорее защитить и осуществить свою веру, чем логически сформулировать ее. Поэтому научные и дидактические части его диалогов столь резки и столь неясны. Он презирал науку и питал отвращение к силлогистической логике, так как был одушевлен верой, которую он хотел внушить, а не доказать»¹.

«Не костер на Площади цветов уничтожил дело Бруно, а упорная работа тех, кто пытался разгадать тайны природы путем измерения, вычисления и взвешивания и на кого наш философ обрушивался с насмешками и ненавистью».

Под флагом научного исследования Ольшки проводит линию своего класса, который в нашу эпоху является сугубо реакционным классом, и с ужасом смотрит на всякое революционное выступление. В качестве идеолога класса, отказывающегося от собственного революционного прошлого—хотя он никогда не был и не мог быть последовательно революционным—Ольшки извращает историю.

Социал-демократические историки философии также подделывают философию Бруно под чистый идеализм, выхолащивая из его философии материалистические стороны. Так поступает официальный философ германской социал-демократии К. Форлендер.

Буржуазный историк философии Виндельбанд выставил Бруно как фантазера. Он пишет: «В этом вечном скитальчестве были виновны не одни только внешние обстоятельства, но и известное непостоянство его внутренних побуждений. Это была пылкая натура с южной страстностью и туманной мечтательностью, одаренная глубоким поэтическим чутьем и неудержимым стремлением к истине, но при этом

¹ Там же, стр. 24.

он не был способен обуздывать собственный дух и умерять свои бурные порывы... Ввиду этих фантастических и поэтических стремлений его мышления довольно странное впечатление производят бесчисленные методологические сочинения Бруно»¹.

6

В своем сочинении «О бесконечности, вселенной и мирах» Д. Бруно, шаг за шагом опровергая средисвековое теологическое мирообъяснение, вместе с тем излагает свое учение о природе, используя достижения современного ему естествознания. Как и большинство его произведений, и это сочинение написано в форме диалога.

В начале работы предпослано в форме введения довольно подробное конспективное изложение основных мыслей, проводимых Бруно в этом произведении. Поскольку это введение является излишним повторением текста и к тому же носит несколько схоластический характер, мы сочли нужным его опустить.

Через весь диалог красной нитью проходит основная мысль Бруно о том, что вселенная бесконечна и имеется бесконечное количество миров. Бруно мобилизует материал таким образом, чтобы рельефнее представить правильность этого своего положения. Характерным приемом Бруно является то, что он, с одной стороны, довольно подробно доказывает абсурдность старого мировоззрения, но в то же самое время он показывает, что некоторые положения его, будучи правильно развиты, подтверждают правильность нового мирообъяснения.

Так, согласно Бруно, из того обстоятельства, что мы не можем себе представить бесконечной вселенную, вовсе не вытекает, что она конечна, а толь-

¹ В и н д е л ь б а н д, История новой философии, 1908 г., стр. 56.

ко доказывається ограниченность наших чувств; даже, более того, эта ограниченность свидетельствует о бесконечности вселенной, ибо мы постоянно видим, что одна вещь ограничивает другую и граничит с другой, и стало быть сами чувства доказывают бесконечность этих рядов и беспредельность вселенной.

Бруно использует теологическую мысль о всемогущем боге для доказательства своей теории. Он говорит, что нет никакого основания и смысла верить в бесконечную, неделимую и внутренне совершенную сущность, если одновременно не считать, что эта сущность есть нечто бесконечное и телесное и в пространстве развивающееся, ибо, аргументирует он, бесконечная мощь создает в пространстве свое бытие, и поэтому это последнее необходимо является бесконечным. Далее Бруно говорит: если бог не создал бесконечный мир, стало быть он не мог его создать. Но так как бог всемогущ, то он и создал бесчисленные миры, поскольку он не есть над миром находящаяся сущность, а изнутри действующее начало его.

Бруно доказывает материальную однородность вселенной и то, что существует одно небо, одно общее пространство с бесчисленными мирами. Бесконечность вселенной есть выражение бесконечной силы материи. Эта мысль Бруно о тождественности состава материи земли и небесных тел подтвердилась спектральным анализом в XIX столетии.

Интересно отметить также, что Бруно движение рассматривает не как внешний акт сверхчувственной силы, а как внутренне присущую материи деятельность. Таким образом мы видим, что у Бруно имеется проблеск в высшей степени важной диалектической мысли о самодвижении материи, хотя эта мысль дана в пантеистической форме и еще не освобождена от теологических привесок.

Если физика и астрономия приспособлялись к телеологическому мировоззрению средневековья, то Бруно расчищает путь новому естествознанию. Это весьма рельефно выступает в данной работе. Базируясь на учении Галилея и Коперника, Бруно делает дальнейшие выводы и тем самым выходит за рамки их учений. Если Коперник ограничился системой Солнца и дальше звездного неба не шел, то Бруно объявлял солнечную систему песчинкой вселенной и признавал множественность миров. Он считал, что вселенная имеет характер солнечной системы, учил об универсальности законов Земли, признавал однородной космическую материю. В этой работе Бруно шаг за шагом разбирает все старое мирообъяснение и дает его опровержение, доказывает бесконечность вселенной, бесконечное число миров.

Выпуск этой работы облегчит советскому читателю непосредственное ознакомление с естественнонаучными взглядами Бруно.

Нужно отметить, что заглавие данного произведения Д. Бруно переводилось двояко: «О бесконечности вселенной и мирах» или «О бесконечности, вселенной и мирах». В одном случае не ставят запятой между «бесконечностью» и «вселенной», а в другом случае ставят знак препинания. Мы выбрали последний вариант, поскольку в этом диалоге Бруно речь идет о бесконечности вселенной и о бесконечном числе миров. Тем более, что в итальянском издании 1584 г., корреktированном самим Бруно, и в конце вступительного письма пишется «о бесконечности и вселенной и бесчисленных мирах». Следует обратить внимание также на то, что местом печатания диалога Бруно умышленно указана Венеция, а на самом деле диалог написан и издан в Лондоне в 1584 г.

В. ВАНДЕК и В. ТИМОСКО

ДЖОРДАНО БРУНО

О
БЕСКОНЕЧНОСТИ
ВСЕЛЕННОЙ
— и —
МИРАХ

GIORDANO BRUNO
NOLLANO

DE
L'INFINITO,
UNIVERSO
E
MONDI

ALL'ILLUSTRISSIMO
SIGNOR
DI MAUVISSIERO

STAMPATO IN VENEZIA
ANNO MDLXXXIII

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО,

НАПИСАННОЕ

ЗНАМЕНИТЕЙШЕМУ

СИНЬОРУ МИКЕЛЮ ДИ КАСТЕЛЬНОВО

СИНЬОРУ ДИ МОВИСЬЕРО, КОНКРЕСАЛЬТО И ДИ ЖАНВИЛЛЯ,

КАВАЛЕРУ ОРДЕНА ХРИСТИАННЕЙШЕГО КОРОЛЯ,

СОВЕТНИКУ ЕГО ЛИЧНОГО СОВЕТА,

КАПИТАНУ 50 СОЛДАТ

И ПОСЛУ СВЕТЛЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЫ

АНГЛИИ (1)

Если бы я, знаменитейший кавалер, владел плугом, пас стадо, обрабатывал сад или чинил одежду, то никто не обращал бы на меня внимания, немногие наблюдали бы за мной, редко кто упрекал бы меня, и я легко мог бы угодить всем. Но я измеряю поле природы, стремлюсь пасти души, мечтаю обработать ум и исправляю привычки интеллекта—вот почему кто на меня смотрит, угрожает мне, кто наблюдает за мной, нападает на меня, кто догоняет меня, кусает меня, и кто меня схватывает, пожирает меня; и это—не один или немногие, но многие и почти

все. Если вы хотите понять, откуда это, то я вам скажу, что причиной этого окружение, которое мне не нравится, чернь, которую я ненавижу, толпа, которая не удовлетворяет меня; я влюблен в одну, и благодаря ей я свободен в подчинении, доволен в муках, богат в нужде и жив во смерти; благодаря ей я не завидую тем, которые являются рабами в свободе, мучаются в наслаждениях, бедны в богатствах и мертвы в жизни; ибо в теле они имеют цепь, которая их связывает, в духе—ад, который их угнетает, в душе—заблуждение, которое их заражает, в мысли—летаргию, которая их убивает; и нет великодушия, которое их освободило бы, долготерпения, которое их возвысило бы, сияния, которое их осветило бы, знания, которое их оживило бы. Отсюда происходит то, что я не отступаю, подобно усталым, с крутого пути; ни, подобно тоскующим, не опускаю рук от дела, которое мне представляется; ни, подобно отчаявшимся, не поворачиваюсь спиной к неприятелю, который противостоит мне; ни, подобно ослепленным, не отворачиваю очей от божественного предмета; а между тем меня большей частью считают софистом, который больше стремится казаться тонким, чем быть правдивым; честолюбцем, который больше стремится основать новую и ложную секту, чем подтвердить старую и истинную; искусителем, который добывает блеск славы, распространяя тьму заблуждений; беспокойным умом, который опрокидывает здания здоровых дисциплин и создает орудия разврата. Пусть святые божества,

сеньор, уничтожат всех тех, которые несправедливо ненавидят меня, пусть будет ко мне всегда благосклонным мое божество, пусть будут ко мне благоприятными все правители нашего мира, пусть звезды приготовят такой посев для поля и такое поле для посева, чтобы из моего труда выросли полезные и славные плоды для мира, которые раскрыли бы ум и пробудили бы чувства лишенных света; я же, конечно, не измышляю чего-либо и, если и заблуждаюсь, то не думаю на самом деле, что заблуждаюсь; когда я говорю или пишу, то спорю не из любви к победе самой по себе (ибо я считаю всякую репутацию и победу враждебными богу, презренными и лишенными вовсе чести, если в них нет истины), но из любви к истинной мудрости и из стремления к истинному созерцанию я утомляюсь, огорчаюсь и мучаюсь. Это докажут убедительные аргументы, которые зависят от крепких оснований, которые происходят от упорядоченных чувств, которые получают сведения не от ложных образов, а от истинных, отделяющихся от природных предметов, подобно верным посланцам; они представляются наличными для тех, кто их ищет, открытыми для тех, кто на них смотрит, ясными для тех, кто их изучает, достоверными для тех, кто их понимает. И вот я вам представляю мои соображения о бесконечности, вселенной и бесчисленных мирах.

Мой путь уединенный к тем селеньям,
Куда ты помысл свой уже простер,
Уводит к бесконечности—с тех пор,
Как жизнь сравнял с искусством и уменьем.

Там возродись; туда влети парнем
Двух ревых крыл, меж тем как, вперекор
Тебе, надменный рок закрыл простор
Пред целью, милой вновь твоим стремленьям.

Ступай отсель; да обретешь приют
Достойнейший; да будет твой водитель
Тот бог, кого слепым слепцы зовут.

Да будут духи, коими обитель
Небес полна, приветливы с тобой!
Не возвращайся лишь—коль ты не мой!

Уйдя из тесной, сумрачной пещеры,
Где заблужденье век меня томило,
Там оставляю цепи, что сдавила
На мне рука враждебная без меры.

Низвергнуть в ночь отныне вечер серый
Меня не сможет—мощь, что покорила
Пифона, чьею кровью окропила
Поверхность вод, попрала власть Мегеры.

Тебя благодарю, мой свет небесный;
К тебе стремлюсь, мой голос благородный;
Тебе вручаю сердце я с любовью,

Рука, исторгшая меня из бедны,
Приведшая меня в чертог свободный,
Больной мой дух вернувшая вдоровью.

Кто дух важег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Века ль, года, недели, дни ль, часы ли
(Твое оружие, время!)—их потока
Алмаз, ни сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Но, вскрывши их, подъямлюсь в бесконечность.

И между тем как всё в другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу—другим—я оставляю Млечность*.

* Сонеты перевел В. А. Ещин.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

Собеседники:

Эльпин, Филотей, Фракасторий, Буркий (2)

Эльпин. Каким образом возможно, что вселенная бесконечна?

Филотей. Каким образом возможно, что вселенная конечна?

Эльпин. Думаете ли вы, что можно доказать эту бесконечность?

Филотей. Думаете ли вы, что можно доказать ее конечность?

Эльпин. Какова ее протяженность?

Филотей. Каков ее край?

Фракасторий. К делу, к делу, если хотите доставить удовольствие; вы слишком долго тянете.

Буркий. Начните скорей рассуждать, Филотей, потому что мне доставит развлечение выслушать эти басни или фантазии.

Ф р а к а с т о р и й. Будь скромней, Буркий; что ты скажешь, если истина в конце победит тебя?

Б у р к и й. Я не желаю верить, чтобы это оказалось истиной; ибо невозможно, чтобы моя голова поняла эту бесконечность, а мой желудок переварил ее; хотя, сказать правду, я бы желал, чтобы дело обстояло так, как говорит Филотей, ибо, если бы, к несчастью, я упал с этого мира, то я всегда попал бы на какое-либо место.

Э л ь п и н. Конечно, Филотей, если мы хотим сделать чувство судьей или уступить ему то, что ему подобает, а именно, что всякое познание берет начало от него, то мы найдем, что нелегко найти средство доказать то, что ты говоришь, а скорее наоборот. Но пожалуйста приступите к объяснению.

Ф и л о т е й. Чувство не видит бесконечности, и от чувства нельзя требовать этого заключения; ибо бесконечное не может быть объектом чувства; и поэтому тот, кто желает познавать бесконечность посредством чувств, подобен тому, кто пожелал бы видеть очами субстанцию и сущность; и кто отрицал бы эти вещи потому, что они не чувственны или невидимы, тот должен был бы отрицать собственную субстанцию и бытие. Поэтому должно быть известное правило относительно того, чего можно требовать от свидетельства чувств; мы их допускаем только в чувственных вещах, и то не без подозрения, если только они не входят в суждение, соединенное с разумом. Интеллекту подобает судить и отдавать отчет об отсутствующих вещах и отдаленных от нас как по

времени, так и по пространству. А относительно их мы имеем достаточно убедительные свидетельства чувства, что оно неспособно противоречить разуму, и кроме того оно очевидным образом сознается в своей слабости и неспособности судить о них ввиду ограниченности своего горизонта, в образовании которого чувство оказывается непостоянным. И вот, поскольку мы знаем по опыту, что оно нас обманывает относительно поверхности этого шара, на котором мы находимся, то тем более мы должны относиться к нему с подозрением, когда вопрос идет о пределе этого звездного свода.

Э л ь п и н. К чему же нам служат чувства? Скажите.

Ф и л о т е й. Только для того, чтобы возбуждать разум, подтверждать, указывать и свидетельствовать о нем частично; но они не могут подтверждать его целиком, а тем более судить или осуждать его. Ибо чувства, какими бы совершенными они ни были, не бывают без некоторой мутной примеси. Вот почему истина происходит от чувств только в малой части как от слабого начала, но она не заключается в них.

Э л ь п и н. А в чем же?

Ф и л о т е й. Истина заключается в чувственном объекте, как в зеркале, в разуме—посредством аргументов и рассуждений, в интеллекте—посредством принципов и заключений, в духе—в собственной и живой форме.

Э л ь п и н. Скажите ваши основания.

Ф и л о т е й. Я это сделаю. Если бы мир был конечным, а вне мира не было бы ничего, то я спрашиваю: где же мир? где вселенная? Аристотель отвечает: мир в себе самом. Выпуклость первого неба есть место вселенной; а оно, как первое содержащее, не заключается в другом объемлющем, ибо место есть не что иное, как поверхность и край объемлющего тела (3); вот почему то, что не заключается в объемлющем его теле, не имеет и места. Но что ты хочешь сказать, Аристотель, говоря об этом «месте в самом себе»? Что ты подразумеваешь под «вещью вне мира»? Если ты скажешь, что там нет ничего, тогда небо, мир, конечно, не находятся ни в какой части.

Ф р а к а с т о р и й. Мир, следовательно, не будет нигде. Ничего не будет ни в чем.

Ф и л о т е й. И мир будет некоторой вещью, которой нет. Если ты скажешь (ибо мне кажется достоверным, что ты хочешь иметь некоторую вещь для того, чтобы избежать пустоты и небытия), что вне мира имеется разумное и божественное существо (4), так что бог есть место всех вещей, то ты сам сильно запутаешься, чтобы заставить нас понять, каким образом бестелесная, умопостигаемая и не имеющая измерений вещь может быть местом измеримой вещи. Если ты скажешь, что она охватывает мир как форма, подобно тому как душа охватывает тело, то ты не ответишь на вопрос относительно «вне мира» и о том, что находится по ту сторону вселенной и вне ее пределов. Если ты хочешь извинить себя, сказав,

что там, где нет ничего, нет и никакой вещи, нет также и места «по ту сторону» и «вне», то ты меня этим не удовлетворишь, ибо это слова и извинения, которые не могут быть понятны. Ибо действительно невозможно, чтобы, опираясь на какое-либо чувство или фантазию (если бы даже оказались другие чувства и другие фантазии), ты мог заставить меня утверждать с действительным разумением, что имеется некоторая поверхность, некоторый край, некоторая конечность, за пределами которой нет ни тела, ни пустоты; также и бог, поскольку божество не существует для пустоты и, следовательно, не имеет отношения к ней, не может каким-либо образом ограничивать тело; ибо все, что ограничивает тело, есть или внешняя форма или содержащее его тело. И во всех смыслах приходилось бы считать, что вы наносите ущерб достоинству божественной и вселенской природы.

Б у р к и й. Конечно, я думаю, следовало бы сказать ему, что, если кто-либо протянет свою руку за пределы этой выпуклости ⁽⁵⁾, то она не будет в каком-либо месте или в какой-либо части и, следовательно, перестанет существовать.

Ф и л о т е й. Прибавлю к этому, что нет ума, который не считал бы, что это перипатетическое изречение не заключает в себе противоречия. Аристотель определил место не как содержащее тело и не как определенное пространство, но как поверхность содержащего тела; а затем, первое, главное и важнейшее место таково, что к нему меньше всего или же

совсем не подходит такое определение. Оно есть выпуклая поверхность первого неба или же поверхность тела, причем она является поверхностью такого тела, которое только содержит, но само не содержится ни в чем. Но если такая поверхность есть место, то она не объемлется телом, а объемлет собою тело. Если она поверхность объемлющего тела и не соединена и не составляет продолжения объемлемого им тела, то она есть место, в котором ничего не помещается, принимая во внимание, что первому небу не подобает быть местом, если не считать вогнутой поверхности, которая касается выпуклой стороны второго неба. Вот в какой степени это определение пусто, смутно и уничтожает само себя. К этой путанице присоединяется еще то неудобство, что Аристотель за пределами неба ничего не помещает.

Э л ь п и н. Перипатетики скажут, что первое небо есть тело объемлющее благодаря своей вогнутой поверхности, а не выпуклой и, следовательно, согласно этому, является местом.

Ф р а к а с т о р и й. А я прибавлю, что, следовательно, имеется поверхность объемлющего тела, которая не является местом.

Ф и л о т е й. В общем итоге, переходя прямо к предложению Аристотеля, мне кажется смешным утверждение, что вне неба не существует ничего и что небо существует в себе самом, причем оно занимает место акцидентально и является местом акцидентально, т. е. посредством своих частей. А под его

«акцидентальным» можно понимать все, что угодно; однако благодаря этому ему не удастся избежать того, что из одного получается два, ибо объемлющее всегда отличается от заключенного в нем; согласно ему самому, они отличаются друг от друга в такой степени, что объемлющее бестелесно, а заключенное в нем телесно, объемлющее неподвижно, а заключенное в нем подвижно, объемлющее имеет математический характер, а заключенное в нем физический. Пусть будет эта поверхность чем угодно, я все же буду постоянно спрашивать: что находится по ту сторону ее? Если мне ответят, что ничего, то я скажу, что там существует пустое и порожнее, не имеющее какой-либо формы и какой-либо внешней границы, а ограниченное лишь по сию сторону. И это гораздо более трудно вообразить, чем мыслить вселенную бесконечной и безмерной. Ибо мы не можем избежать пустоты, если желаем полагать вселенную конечной. Посмотрим теперь, подобает ли этому пространству быть таким, в котором не заключается ничего. В этом бесконечном пространстве находится эта вселенная (я не занимаюсь пока тем, происходит ли это случайно, или вследствие необходимости, или благодаря провидению). Я спрашиваю, более ли приспособлено содержать мир это пространство, которое содержит мир, чем другое пространство, которое находится вне его?

Ф р а к а с т о р и й. Мне кажется, что нет; ибо там, где нет ничего, нет никакого различия; там же, где нет различия, не может быть и различия спо-

способностей; и может быть, вообще нет никаких способностей там, где нет никакой вещи.

Э л ь п и н. И тем не менее там может быть нелепость. И из этих двух уж скорее нелепо первое предположение, чем второе.

Ф и л о т е й. Вы говорите правильно. Таким же образом и я утверждаю, что пустое и порожнее (которое необходимо утверждается этим положением перипатетиков) не приспособлено к тому, чтобы принять мир, а тем более отталкивать его. Но из этих двух способностей мы только одну видим в действительности, другую же мы не можем видеть в действительности, а только очами разума. И подобно тому как в этом пространстве, равном по величине миру (которое называется платониками материей)⁽⁶⁾, существует этот мир, так и другой мир может быть в другом пространстве и в бесчисленных других пространствах, равных этому и находящимся по ту сторону его.

Ф р а к а с т о р и й. Конечно, мы можем более уверенно судить по сходству с тем, что мы видим и познаем, чем по противоположности тому, что мы видим и познаем. Следовательно, поскольку мы видим и убеждаемся на опыте, что вселенная не кончается и не ограничивается пустым и порожним, о котором у нас нет никаких известий, мы должны заключать в согласии с разумом, что она бесконечна; ибо, если бы все другие доводы были одинаковы, мы видим, что опыт противоречит пустому, а не полному. Говоря это, мы всегда окажемся пра-

вами, но, утверждая противоположное, мы с трудом избежем тысячи обвинений и неудобств. Продолжайте дальше, Филотей.

Ф и л о т е й. Итак, рассматривая бесконечное пространство, мы познаем с уверенностью, что оно способно принять тело, и не познаем ничего иного. Для меня всегда будет достаточно того, что оно не питает отвращения к этому, по крайней мере по той причине, что там, где нет ничего, нечего и отвергать. Теперь остается рассмотреть, подобает ли всему пространству быть полным или нет. И здесь, рассматривая его как со стороны того, чем оно может быть, так и со стороны того, что оно может делать, мы всегда найдем, что не только разумно, но и необходимо, чтобы оно было полным. Для того чтобы это стало очевидно, я спрошу у вас, хорошо ли, что этот мир существует?

Э л ь п и н. Очень хорошо.

Ф и л о т е й. Следовательно, хорошо, чтобы это пространство, которое равно по объему миру (которое я могу назвать пустым, похожим и безразличным по отношению к пространству, которое, согласно твоему положению, есть ничто по ту сторону выпуклости первого неба), было также полным.

Э л ь п и н. Да, так.

Ф и л о т е й. Далее, я тебя спрашиваю: полагаешь ли ты, что подобно тому как в этом пространстве находится эта машина, называемая миром, она может существовать в другом пространстве, кроме этого?

Э л ь п и н. Я скажу да, ибо не вижу, каким образом мы можем утверждать различие между одним и другим в небытии и в пустом.

Ф р а к а с т о р и й. Я уверен, что ты видишь, но не осмеливаешься утверждать, ибо ты замечаешь, куда это тебя приведет.

Э л ь п и н. Утверждай это уверенно; ибо необходимо говорить и думать, что этот мир существует в пространстве; это пространство, если бы не было мира, было бы безразлично к тому, что находится по ту сторону вашего первого двигателя.

Ф р а к а с т о р и й. Продолжайте дальше.

Ф и л о т е й. Следовательно, подобно тому как это пространство, благодаря тому, что оно содержит это тело вселенной, может, могло и необходимо должно быть совершенным, как ты это утверждаешь, так может и могло быть не менее совершенным всякое другое пространство.

Э л ь п и н. Я согласен, но что из этого? «Может быть», «может иметь»: значит ли это, что оно есть? Значит ли это, что оно имеет?

Ф и л о т е й. Я сделаю так, что если ты захочешь чистосердечно признаться, то ты должен будешь сказать, что может быть и должно быть и есть. Ибо, подобно тому как было бы плохо, чтобы это пространство не было наполнено, т. е. чтобы не было этого мира, точно так же было бы не менее плохо, чтобы все пространство, поскольку оно не отличается от этого, не было бы наполнено; следовательно, все-

ленная будет бесконечна по размерам, и миров будет бесчисленное множество.

Э л ь п и н. Какова причина того, что их столько и что недостаточно одного мира?

Ф и л о т е й. Но если было бы плохо, чтобы не было этого мира или же полного, то это же рассуждение может быть применено не только к этому пространству, но и к другому пространству, подобному этому.

Э л ь п и н. Я говорю, что это было бы плохо по отношению к тому, что существует в этом пространстве, но которое могло бы безразлично находиться и в другом пространстве, подобном этому.

Ф и л о т е й. Это, если ты будешь внимательно рассматривать, сводится все к одному и именно к тому, что добротность этого телесного бытия, которое существует в этом пространстве или могло бы существовать в другом, подобном ему, служит основанием и относится к той добротности и совершенству, которые могут быть в таком же пространстве, как это, или в другом, подобном ему; но она не относится к тому, что может быть в бесчисленных других пространствах, подобных этому. Но на самом деле, если есть основание, чтобы существовало хорошее конечное и совершенное ограниченное, то гораздо больше оснований, чтобы существовало хорошее бесконечное; ибо, в то время как конечное хорошо лишь в условном смысле и согласно разуму, бесконечное хорошо согласно абсолютной необходимости.

Э л ь п и н. Бесконечное благое, конечно, есть, но оно бестелесно.

Ф и л о т е й. Мы согласны относительно того, что касается бесконечного бестелесного. Но почему не может быть в достойнейшем смысле хорошим и бытие телесное бесконечное? Что мешает тому, чтобы бесконечное, заключающееся в неразвернутом виде в простейшем и неделимом первом начале, скорее существовало в развернутом виде в этом своем бесконечном и беспредельном подобии, в высшей степени способном содержать бесчисленные миры, чем в этих столь тесных краях? Таким образом кажется достойным порицания тот, кто не думает, что это тело, которое нам кажется столь обширным и великим, в присутствии божества не более чем точка, нуль.

Э л ь п и н. Подобно тому как величие божества никоим образом не состоит в телесных измерениях (я допускаю, что мир ничего не прибавляет к нему), точно так же мы не должны думать, что величие его образа состоит в большем или меньшем объеме измерений.

Ф и л о т е й. Вы говорите очень хорошо, но не касаетесь самой сути моих рассуждений; ибо я настаиваю на бесконечном пространстве, и природа имеет бесконечное пространство не вследствие достоинства своих измерений или телесного объема, но вследствие достоинства самой природы и видов тел; ибо бесконечное превосходство несравненно лучше представляется в бесчисленных индивидуумах, чем в тех, которые исчислимы и конечны. По-

этому необходимо, чтобы существовало бесконечное подобие недоступного божественного лика, в каком подобии, подобно бесконечным членам, находятся бесчисленные миры, каковы суть другие миры. Поэтому ввиду бесчисленных степеней совершенства, в которых разворачивается в телесном виде божественное бестелесное превосходство, должны быть бесчисленные индивидуумы, каковы эти громадные живые существа (одно из которых эта земля, божественная мать, которая родила и питает нас и примет нас обратно), и для содержания этих бесчисленных миров требуется бесконечное пространство. Подобно тому, следовательно, как хорошо то, что может быть и существует этот мир, не менее хорошо и то, что могли и могут быть и существуют бесчисленные миры, подобные этому.

Э л ь п и н. Мы скажем, что конечный мир с этими конечными звездами содержит совершенство всех вещей.

Ф и л о т е й. Вы можете это сказать, но не доказать; ибо мир, который существует в этом конечном пространстве, содержит совершенство всех тех конечных вещей, которые существуют в этом пространстве, но не тех бесконечных, которые могут быть в других бесчисленных пространствах.

Ф р а к а с т о р и й. Помилуйте, остановимся и не будем поступать подобно софистам, которые спорят только для того, чтобы победить, и, в то время как они смотрят на пальму победителя, мешают себе и другим понять истину. Но я думаю, что нет такого

своенравного упрянца, который злобно отрицал бы, что ввиду бесконечного пространства и ввиду благодати известного числа индивидуумов этих бесконечных миров, которые могут быть не хуже постигнуты, чем познаваемый нами мир, каждый из них имеет основание существовать соответствующим образом. Ибо бесконечное пространство имеет бесконечную способность, а в этой бесконечной способности достойна восхваления бесконечная деятельность существования; благодаря ей нельзя считать недостаточной действующую бесконечность; благодаря ей эта способность не остается тщетной. Позвольте же, Эльпин, выслушать другие доводы, если они имеются у Филотея.

Э л ь п и н. Я вижу хорошо—если сказать правду,—что если считать мир беспредельным, как вы это утверждаете относительно вселенной, то это не влечет за собой никаких затруднений и только освобождает нас от бесчисленных трудностей, которые связаны с противоположным утверждением. В особенности я признаю, что мы вместе с перипатетиками часто говорим такие вещи, которые не имеют никакого основания в нашем разумении; так, например, после того как мы отрицали пустоту как вне, так и внутри вселенной, мы, тем не менее, желаем ответить на вопрос, где находится эта вселенная, и говорим, что она существует в своих частях, из боязни утверждать, что она не находится ни в каком месте; но это значит утверждать, что она нигде. Но нельзя отрицать, что таким образом необходимо утверждать,

что части находятся в каком-либо месте, а вселенная не находится ни в каком месте и ни в пространстве; но это утверждение, как всякий видит, не может иметь никакого разумного основания, но явным образом обозначает лишь упорную увертку для того, чтобы не признать бесконечности мира и вселенной или же бесконечного пространства; но из этих обоих положений следуют двойные затруднения для тех, кто их поддерживает. Я утверждаю, следовательно, что если все есть тело, притом сферическое тело, а следовательно, имеющее фигуру и ограниченное, то необходимо признать, что оно ограничено в бесконечном пространстве; и если мы желаем утверждать, что в нем существует ничто, то необходимо согласиться, что существует истинная пустота; пустота, если существует, имеет не меньше основания находиться во всем, чем в той части, которую мы считаем способной содержать этот мир; если же пустоты нет, то все должно быть полным, а вселенная, следовательно, бесконечна. И не менее нелепо утверждать, что мир должен быть где-либо, сказав, что кроме него нет ничего и что он находится в своих частях, как если бы кто-либо говорил, что Эльпин находится где-либо, так как кисть его руки находится в руке, глаз—в глазной впадине, ступня—в ноге, голова в туловище. Но, подходя к заключению и не желая вести себя подобно софисту, обращающему свое внимание на мнимые трудности и тратящему свое время в болтовне, я утверждаю то, чего не могу отрицать, а именно, что в бесконечном пространстве могут быть

бесконечные миры, подобные этому, или же, что эта вселенная способна содержать многие тела, подобные этим, называемым звездами; и еще, что (будут ли эти миры подобны нашему миру или нет) с неменьшим основанием бытие их было бы благом, чем бытие других; ибо бытие других имеет не меньше основания, чем бытие одних, бытие многих, чем бытие тех и других, и бытие бесконечных, чем бытие многих. Подобно тому как было бы злом уничтожение и небытие этого мира, точно так же не было бы благом небытие бесчисленных других.

Ф р а к а с т о р и й. Вы объясняете очень хорошо и доказываете понятным образом те доводы, согласно которым вы не являетесь софистом, ибо соглашаетесь с тем, чего нельзя отрицать.

Э л ь п и н. Но я хотел бы услышать, что остается от доводов относительно начала и вечной действующей причины: подобает ли ей подобного рода бесконечное действие и действительно ли существует подобного рода действие?

Ф и л о т е й. Это то, что я должен был добавить. Ибо после того как мы утверждали, что вселенная должна быть бесконечной благодаря способности и расположению бесконечного пространства и благодаря возможности и сообразности бытия бесчисленных миров, подобных этому,—остается теперь доказать, что действующая причина произвела такую вселенную или, говоря правильнее, всегда производит ее и из обстоятельств этой причины и из условий нашего способа познания.

Мы можем легче утверждать, что бесконечное пространство подобно этому, которое мы видим, чем утверждать, что оно таково, что мы не можем представить себе ни примера его, ни подобия, ни размеров; и не можем вообразить себе его каким-либо способом, который не разрушал бы самого себя.

Начнем теперь сначала: почему мы желаем или можем думать, что божественная деятельность пуста? Почему мы желаем утверждать, что божественная благодать, которая может сообщаться бесконечным вещам и может разливаться в бесконечности, желает быть скудной и ограничивается ничем, принимая во внимание, что всякая конечная вещь является ничем по отношению к бесконечности? Почему вы желаете, чтобы этот центр божества, который может бесконечным образом расширяться в бесконечный шар (если можно так выразиться), подобно завистнику, оставался скорее бесплодным, но не делал себя доступным для других, не становился плодотворным и прекрасным отцом? Почему вы желаете, чтобы он открывался, все уменьшаясь, или, говоря правильнее, совсем не открывался, что противоречит славному могуществу и бытию его?

Почему должна быть тщетной бесконечная способность, нарушена возможность бесконечных миров, которые могут быть? Почему должно быть ущемлено превосходство божественного образа, который должен блистать больше в бесконечном зеркале и по своему роду быть бесконечным и безмерным? Почему мы должны утверждать то, что,

будучи допущенным, влечет за собой столько затруднений и разрушает столько философских начал, не благоприятствуя ни в какой степени законам, религии, вере или нравственности? Каким образом ты хочешь, чтобы бог являлся ограниченным как по своему могуществу, так и по своей деятельности и по своему действию (что является в нем одной и той же вещью), чтобы он был пределом выпуклости шара, а не, если можно так выразиться, неограниченным пределом неограниченной вещи? Я говорю о пределе без границ для того, чтобы отметить разницу между бесконечностью бога и бесконечностью вселенной; ибо он весь бесконечен в свернутом виде и целиком, но вселенная есть все во всем (если можно говорить обо всем там, где нет ни частей, ни конца) в развернутом виде и не целиком; ибо один имеет смысл предела, а другая—определенного не вследствие разницы между конечным и бесконечным, но один бесконечен, а другая—завершающаяся вследствие того, что целокупное бытие во вселенной, будучи все бесконечным, тем не менее, не целокупно бесконечно; ибо бесконечность, имеющая измерения, не может быть целокупно бесконечной.

Э л ь п и н. Я желал бы это лучше понять. Поэтому вы мне сделаете удовольствие, если объясните, что такое «все во всем целокупно» и что такое «все во всем бесконечном» и «целокупно бесконечное».

Ф и л о т е й. Я называю вселенную «целым бесконечным», ибо она не имеет края, предела и по-

верхности; но я говорю, что вселенная не «целокупно бесконечна», ибо каждая часть ее, которую мы можем взять, конечна, и из бесчисленных миров, которые она содержит, каждый конечен. Я называю бога «целым бесконечным», ибо он исключает из себя всякие пределы и всякий его атрибут един и бесконечен; и я называю бога «целокупно бесконечным», ибо он весь во всем мире и во всякой своей части бесконечным образом и целокупно в противоположность бесконечности вселенной (7), которая целокупно во всем, но не в тех частях (если, относя их к бесконечному, их можно называть частями), которые мы можем постигнуть в ней.

Э л ь п и н. Я понимаю. Продолжайте дальше ваши рассуждения.

Ф и л о т е й. Согласно всем тем соображениям, благодаря которым мы говорим, что достойно, хорошо и необходимо принимать этот мир конечным, мы должны считать достойными и хорошими все другие бесчисленные миры; и бытию их, согласно тем же соображениям, всемогущество не завидует; без них всемогущество, оттого ли, что не желало, или оттого, что не могло их иметь, было бы унижено вследствие того, что допустило бы пустоту; или если не желаешь сказать пустоту, то необходимо было бы принять бесконечное пространство; принимая же пустоту, мы не только лишаем сущее бесконечного совершенства, но и отнимаем у действующей причины сотворенных вещей, если они сотворены, или зависящих, если они вечны, ее бесконечное дей-

ствительное величие. Согласно каким соображениям мы должны верить, что деятельное начало, которое может сделать бесконечное благо, делало лишь конечное? А если оно его делало конечным, то почему мы должны верить, что оно его могло сделать бесконечным, поскольку в нем совпадают возможность и действительность? Ибо оно неизменно, в его деятельности и силе нет случайности, но от определенной и известной деятельности неизменным образом зависит определенное и известное действие; вот почему это деятельное начало не может быть другим, чем оно есть; не может быть таким, каким оно не есть; не может быть другим, чем тем, чем оно может быть; не может желать иначе, чем оно желает, и необходимым образом не может делать иного, чем то, что оно делает, ибо только изменчивым вещам подобает иметь возможность, отличную от действительности.

Ф р а к а с т о р и й. Конечно, то, что всегда было, не есть и никогда не будет предметом, обладающим возможностью или потенцией; и, действительно, если первая действующая причина не может желать иначе, чем она желает, то она и не может делать другого иначе, чем она делает. И я не понимаю, каким образом некоторые говорят о бесконечной активной мощи, которая не соответствует бесконечной пассивной мощи, и что первая делает одним и конечным то, что она может делать в бесчисленном количестве, в бесконечном и в безмерном; ибо ее деятельность необходима, поскольку она происходит

от такой воли, которая, будучи в высшей степени неизменной, есть, вернее, сама неизменность и сама необходимость; вот почему в ней совпадают свобода, воля и необходимость, а кроме того деятельность с хотением, возможность с действительностью.

Ф и л о т е й. Вы соглашаетесь и говорите прекрасно. Таким образом необходимо признать одно из двух: или то, что действующее начало, от которого зависит бесконечное действие, будет признано причиною и началом безмерной вселенной, содержащей бесчисленные миры; это не влечет за собой никаких неудобств, наоборот, все вытекает соответствующим образом, согласно науке, законам и вере; или же действующее начало, поскольку от него зависит конечная вселенная с этими мирами (которые суть звезды) в определенном количестве, будет признано конечной, активной и определенной потенцией; подобно тому как ее акт конечен и неопределен, ибо каков акт, такова и воля и такова потенция.

Ф р а к а с т о р и й. Я, таким образом, дополню и расположу в порядке пару силлогизмов. Первое действующее начало, если бы оно желало делать другое, чем то, что оно желает делать, могло бы делать другое, чем то, что оно делает; но оно не может желать делать другое, чем то, что оно желает делать; следовательно, оно не может делать другое, чем то, что оно делает. Следовательно, кто говорит о конечном действии, полагает конечными и деятельность и потенцию. Кроме того (и это сводится к тому же самому), первое действующее начало может делать

только то, что желает делать; желает делать только то, что делает; следовательно, оно может делать только то, что делает. Следовательно, тот, кто отрицает бесконечное действие, отрицает бесконечную потенцию.

Ф и л о т е й. Эти силлогизмы, если и не являются простыми, зато доказательны. Во всяком случае я хвалю то, что некоторые достойные теологи их не допускают; ибо, предусмотрительно рассуждая, они знают, что грубые и невежественные народы, принимая эту необходимость, не понимают, каким образом с нею может совмещаться свободный выбор, достоинства и заслуги справедливости; откуда, слишком доверяя фатуму или отчаиваясь в нем, они с необходимостью становятся преступными. Как иногда известные совратители законов веры и религии, желая казаться мудрыми, заразили столько народов и сделали их более варварскими и преступными, чем они были раньше, презирающими добрые дела, уверенными в себе при всех своих пороках и злодействах благодаря заключениям, которые они извлекают из подобных предпосылок. Но утверждать противоположное перед мудрецами недостойно и наносит ущерб божественному величию и превосходству; ибо то, что истинно, опасно для гражданского обращения и противоречит цели законов не потому, что оно истинно, а потому, что оно бывает плохо понято как теми, которые злонамеренно его толкуют, так и теми, которые неспособны понять истины без ущерба для нравственности.

Ф р а к а с т о р и й. Правильно. Никогда не было философа, ученого и честного человека, который под каким-либо поводом и предложением пожелал бы доказать из такого предложения необходимость человеческих действий и уничтожить свободу выбора.

Так, между прочим Платон и Аристотель, полагая необходимость и неизменность бога, тем не менее, полагают моральную свободу и способность нашего выбора; ибо они хорошо знают и могут понять, каким образом могут совместно существовать эта необходимость и эта свобода. Поэтому, может быть, некоторые истинные отцы и пастыри народов отрицают это положение, и другие подобные им, для того чтобы не дать повода преступникам и совратителям, врагам гражданственности и общей пользы извлекать вредные заключения, злоупотребляя простотой и невежеством тех, которые с трудом могут понять истину и скорее всего склонны ко злу. Они легко простят нам употребление истинных предложений, из которых мы не хотим извлечь ничего иного, кроме истины относительно природы и превосходства творца ее; и они излагаются нами не простому народу, а только мудрецам, которые способны понять наши рассуждения. Вот почему теологи, не менее ученые, чем благочестивые, никогда не осуждали свободу философов, а истинные, нравственные и хорошо воспитанные философы всегда благоприятствовали религии; ибо и те и другие знают, что вера требуется для наставления грубых народов,

которые должны быть управляемы, а доказательства— для созерцающих истину, которые умеют управлять собой и другими.

Э л ь п и н. Относительно этого заявления мы сказали достаточно. Вернитесь теперь к нашему предмету.

Ф и л о т е й. Возвращаясь к нашим выводам, я говорю, что если в первом действующем начале есть бесконечное могущество, то оно является деятельностью, от которой зависит вселенная, имеющая бесконечную величину и заключающая миры в бесконечном числе.

Э л ь п и н. То, что вы говорите, если не содержит в себе истины, то является очень убедительным. Но то, что мне кажется весьма правдоподобным, я буду утверждать как истинное, если вы сумеете разрешить один важнейший аргумент, заставивший Аристотеля отрицать бесконечную божественную потенцию в интенсивном смысле, хотя он и признавал ее в экстенсивном смысле. Основание его отрицания было то, что, поскольку в боге совпадают потенция и акт, он, имея возможность двигать бесконечно, двигал бы бесконечно с бесконечной силой; а если бы это было верно, то небо должно было бы вращаться во мгновение; ибо если более сильный двигатель движет скорее, то сильнейший движет сильнее всего, а бесконечно сильный движет мгновенно. Основанием же его утверждения было то, что божество вечно и равномерно движет первое движимое ⁽⁸⁾ в соответствии с той пропорцией и ме-

рой, с которой оно его движет. Ты видишь теперь, вследствие каких соображений он приписывает божеству экстенсивную бесконечность, но не абсолютную и интенсивную (9). Из чего я хочу заключить, что, подобно тому как его бесконечная двигательная потенция ограничена в акте движения согласно конечной скорости, таким же образом та же самая потенция делать безмерные и бесчисленные миры ограничена его волею делать конечное и определенное число миров. Примерно то же утверждают некоторые теологи, которые, допуская экстенсивную бесконечность, с которою божество последовательно сохраняет движение вселенной, кроме того принимают интенсивную бесконечность, с которой оно может делать бесчисленные миры, двигать бесчисленные миры, двигать в одно мгновение каждый из них и все их вместе; но все же они считают, что оно ограничивает своей волей количество бесчисленных миров и качество интенсивнейшего движения. И подобно тому как это движение (10), которое происходит от бесконечной потенции, тем не менее признается конечным, точно так же и число мировых тел легко может быть признано определенным.

Ф и л о т е й. Этот аргумент в действительности являет вид большей убедительности, чем всякий другой; относительно него было сказано достаточно, когда доказывалось, что согласно ему божественная воля регулирует, модифицирует и ограничивает божественную потенцию. Но из этого вытекают бесчисленные затруднения, по крайней мере согласно

философии; я опускаю теологические принципы, которые также не допускают, чтобы божественная потенция была больше, чем божественная воля или доброта, и вообще чтобы один атрибут подходил к божеству в большей степени, чем другой.

Э л ь п и н. Но почему же в таком случае они говорят таким образом, хотя и не думают таким образом?

Ф и л о т е й. Вследствие недостатка терминов и убедительных соображений.

Э л ь п и н. Но вы, имеющие особые принципы, благодаря которым вы утверждаете одно, а именно, что божественная потенция бесконечна в интенсивном и в экстенсивном смысле, и что акт не отличается от потенции, и что вследствие этого вселенная бесконечна и имеются бесчисленные миры, в то же время не отрицаете другого, что в действительности каждая из звезд, или из сфер, как тебе угодно называть, движется во времени, а не во мгновение,—докажите нам, какими терминами и какими доводами вы можете подкрепить ваши убеждения или уничтожить убеждения тех, которые принимают обратное тому, что принимаете вы.

Ф и л о т е й. Согласно тому доводу, в силу которого вы должны обратить внимание, во-первых, на то, что, поскольку вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя. Во-вторых, бесконечные миры, содержащиеся в ней, каковы земли, огни и другие виды тел, называемые звездами, все движутся вследствие внутреннего принципа, ко-

торый есть их собственная душа, как мы это доказали в другом месте ⁽¹¹⁾, и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель. В-третьих, эти мировые тела движутся в эфирной области не прикрепленные или пригвожденные к какому-либо телу в большей степени, чем прикреплена эта земля, которая есть одно из этих тел; а о ней мы доказываем, что она движется несколькими способами вокруг своего собственного центра и солнца вследствие внутреннего жизненного инстинкта. Принимая подобного рода предпосылки, согласно нашим принципам, мы не должны доказывать ни активного движения, ни пассивного движения, обладающих бесконечно интенсивной силой; ибо движущееся и двигатель бесконечны, и движущая душа и движимое тело совпадают в едином предмете; это относится, утверждаю я, ко всякой из вышеназванных мировых звезд. Таким образом первое начало не то, которое движет; но оно, будучи спокойным и неподвижным, сообщает возможность двигаться бесконечным и бесчисленным мирам, большим и малым живым существам, расположенным в обширнейшей области вселенной, из которых каждый, согласно условиям собственной силы, имеет различные степени подвижности и другие признаки.

Э л ь п и н. Вы значительно укрепили свои позиции, но не отвергайте благодаря этому систему противоположных мнений. Они все исходят из общепринятого предположения, что наилучшее и наивеличайшее движет все. Ты же говоришь, что оно лишь сообщает

движение всему, что движется; и поэтому движение происходит согласно силе ближайшего двигателя. Конечно, мне кажется более разумным и подходящим твое утверждение, чем общее мнение; но всякий раз, когда вы говорите о душе мира и о божественной сущности, которая есть все во всем (12), наполняет все и находится более внутренним образом в вещах, чем их собственная сущность, ибо она есть сущность сущности, жизнь жизнью, душа душ,—мне, тем не менее, кажется, что мы можем в меньшей степени говорить, что она движет все, чем то, что она сообщает всему движение. Вот почему раз возникшие сомнения укрепляются в своих основаниях.

Ф и л о т е й. И в этом случае я могу вас легко удовлетворить. Я говорю, таким образом, что в вещах следует рассматривать, если вам так угодно, два активных начала движения: одно конечное, согласно основанию конечного предмета, и это движет во времени; другое бесконечное, согласно основанию души мира, или же божества, которое есть душа души, все во всем и заставляет душу быть всею во всем, и оно движет мгновенно. Земля, следовательно, имеет два движения. Таким образом все тела, которые движутся, имеют два начала движения; из них бесконечное начало это то, которое движет и двигало все вместе, откуда, согласно этому основанию, подвижное тело в не меньшей степени устойчиво, чем подвижно. Как это видно из настоящей фигуры (рис. 1), которая обозначает Землю, она дви-

жется мгновенно, поскольку имеет двигатель бесконечной силы. Она движется своим центром от A до E и возвращается от E до A ; это совершается в одно мгновение, причем она одновременно находится в A и в E и во всех промежуточных местах; она одновременно отправилась и возвратилась; и поскольку это всегда происходит таким образом, то и получается, что она всегда устойчива. Подобным же образом дело происходит относительно движения ее вокруг центра, где восток обозначен J , юг— V , запад— K , а север— O ; она описывает каждую из этих точек в силу бесконечного импульса, и поэтому она одновременно отправилась и возвратилась в каждой из них; вследствие этого она остается всегда неподвижной и есть там, где она была. Таким образом в заключение движение этих тел вследствие бесконечной силы то же самое, что и неподвижность их; ибо двигаться мгновенно и не двигаться—это одно и то же. Остается, следовательно, другое активное начало движения, которое происходит от внутренней силы и вследствие этого происходит во времени и в определенной последовательности; это движение отличается от покоя. Вот каким образом мы можем говорить, что бог движет все, и как мы должны понимать то, что он сообщает движение всему, что движется.

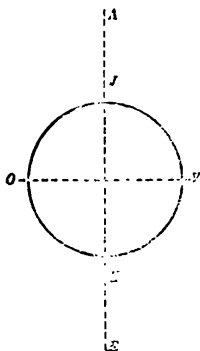

Рис. 1.

Э л ь п и н. Теперь, когда вы столь возвышенно и убедительно разрешили эти трудности, я соглашаюсь в действительности с вашим суждением и надеюсь, кроме того, всегда получать от вас подобного рода разрешения; ибо, хотя я до сих пор мало общался с вами и мало спрашивал вас, тем не менее, я достаточно воспринял и понял; и надеюсь в будущем иметь еще больше успеха; ибо, хотя я не понял полностью вашего духа, из света, который он излучает, я замечаю, что он заключает внутри себя Солнце или даже еще более крупное светило. И с сегодняшнего дня я предлагаю вам, не в надежде победить вас, а с намерением предоставить вам удобный повод для ваших разъяснений, удостоить нас приходить к нам в тот же час и в то же место в течение стольких дней, сколько необходимо для того, чтобы выслушать и понять ваши рассуждения, способные успокоить наши сомнения.

Ф и л о т е й. Я это сделаю.

Ф р а к а с т о р и й. Ты доставишь нам большое удовольствие, а мы будем весьма внимательными слушателями.

Б у р к и й. А я, будучи мало понятливым, если не пойму смысла, то послушаю, по крайней мере, ваши слова; если же не услышу слов, то я услышу хоть голос. До свидания!

Конец первого диалога

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

Ф и л о т е й. Так как первое начало наипростейшее, то если бы оно было конечным, согласно одному атрибуту, то оно было бы конечным также согласно всем атрибутам; если же оно, согласно известному внутреннему основанию, было бы конечным, а согласно другому—бесконечным, то его, по необходимости, надо было бы считать сложным. Если оно, следовательно, творец вселенной, то оно, конечно, бесконечный творец и вызывает бесконечное действие; действие, говорю я, поскольку все от него зависит. Кроме того, подобно тому как наше воображение может двигаться в бесконечность, воображая себе всегда измеримую величину за величиной и число за числом, согласно известной последовательности и, как говорится, в потенции, таким же образом мы должны считать, что бог актуально охватывает бесконечный объем и бесконечное число. А отсюда вытекают возможность, ответственность и уместность следую-

щего положения: там, где активная потенция бесконечна, с необходимою последовательностью и объект этой потенции бесконечен; ибо, как мы это показали в другом месте (13), возможность делать полагает возможность быть сделанным, измерительное полагает измеримое, измеряющее полагает измеренное. Прибавь к этому, что, подобно тому как реально имеются конечные измеренные тела, таким же образом первый интеллект постигает тело и объем. Но если он его постигает, он постигает его бесконечно; если он постигает его бесконечно и тело понято как бесконечное, то с необходимостью имеется такого рода интеллигибельная идея; будучи произведена такого рода интеллектom, каков божественный, она в высшей степени реальна; она в такой степени реальна, что обладает бытием с большей необходимостью, чем то, что действительно имеется перед нашими чувственными очами. Если ты хорошо вдумываешься, это приводит к тому, что, подобно тому как действительно имеется одно простейшее бесконечное неделимое существо, таким же образом имеется одно в высшей степени обширное по объему бесконечное измеримое существо; оно заключается в первом, а первое заключается в нем таким образом, что оно во всем и все в нем. Далее, если мы видим, что благодаря телесным качествам тело имеет потенцию увеличиваться до бесконечности, как мы это видим на огне, который, как всякий согласится, расширился бы до бесконечности, если бы ему доставляли материю и горючие вещества,—то какое

же основание требует, чтобы огонь, который может быть бесконечным и может, следовательно, действительно стать бесконечным, не мог в действительности стать бесконечным? Я, конечно, не знаю, каким образом мы можем вообразить, что в материи имеется какая либо вещь в состоянии пассивной потенции, которая не была бы в действующей причине в состоянии активной потенции, следовательно, в акте или же как сам акт. Конечно, утверждение, что бесконечное имеется в потенции в известной последовательности, но не в актуальной действительности, с необходимостью влечет за собой то, что активная потенция может полагать бесконечное в последовательном акте, но не в завершенном, ибо бесконечное не может быть завершенным. Отсюда следовало бы еще, что первая причина не обладает простой активной потенцией, абсолютной и единой, а одной активной потенцией, которой соответствует бесконечная возможность последовательности, и другой, которой соответствует возможность, не отличимая от акта. Не говоря уже о том, что если бы мир был ограничен, поскольку у нас нет никакого способа представить себе, каким образом телесная вещь может быть периферически ограничена бестелесной вещью, в таком случае этот мир обладал бы способностью и возможностью исчезнуть и превратиться в ничто: ибо, насколько мы понимаем, все тела разложимы. Оставим, говорю я, то, что не было бы оснований, которые препятствовали бы бесконечному пустому, хотя оно и не может быть понято как активная потенция,

поглотить в себе этот мир как ничто. Оставим, что место, пространство, или пустое, имеет сходство с материей, если не является самой материей; не без причины, видимо, думали так Платон и все те другие, которые определяют место как известное пространство. И вот, если материя обладает своим стремлением, которое не может быть тщетным, ибо такого рода стремление естественно и происходит из порядка первой природы, то необходимо, чтобы место, пространство и пустое обладали также таким стремлением. Оставим, что, как это указывалось выше, ни один из тех, которые говорят, что мир ограничен, утвердив предел, не знает, каким образом вообразить себе этот предел; все они, отрицая пустое и порожнее на словах, на деле принуждены признать их.

Если есть пустое и порожнее, то оно, конечно, способно вмещать мир; и этого ни в коем случае нельзя отрицать, принимая во внимание, что на основании тех же соображений, согласно которым мы считали невозможным, чтобы в пространстве, в котором находится этот мир, в то же время содержался другой мир, следует признать возможным, что в пространстве вне этого мира (или ни в чем, если так желает называть Аристотель то, чего он не хочет назвать пустым) может содержаться мир. Основание, исходя из которого Аристотель утверждает, что два тела не могут быть вместе, состоит в несовместимости объемов того и другого тела; с этим основанием вполне совместимо то, что там, где нет объемов одного

тела, могут быть объемы другого тела. Но, если имеется эта потенция, следовательно, пространство известным образом есть материя; если оно материя, то оно имеет способность; а если оно имеет способность, то на основании каких соображений мы можем отказать ему в действии?

Э л ь п и н. Очень хорошо. Но пожалуйста перейдите к другому и объясните мне, какое различие вы проводите между миром и вселенной.

Ф и л о т е й. Это различие широко распространено за пределами перипатетической школы. Стоики различают между миром и вселенной, ибо мир для них это все то, что заполнено и состоит из устойчивой телесной материи; вселенная же состоит не только из мира, но также из пустого, порожнего и пространства вне мира; поэтому они говорят, что мир конечен, но что вселенная бесконечна. Эпикур подобным же образом называет все и вселенную смесью тел и порожнего; он говорит, что в этом состоит природа мира, который бесконечен: и в емкости порожнего и пустого и, кроме того, во множестве тел, которые находятся в нем. Мы же называем пустотой не что-либо, которое есть простое ничто; но в соответствии с тем смыслом, согласно которому то, что не есть тело, оказывающее чувственное сопротивление, называется пустотой, если имеет измерение: ибо обычно именуют телом только то, что имеет способность сопротивления; вот почему говорят, что, подобно тому как не может быть плотью то, что неуязвимо, таким же образом не есть тело то, что

не оказывает сопротивления. Подобным образом мы говорим, что существует бесконечное, то есть безмерная эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде земли, луны, солнца, называемые нами мирами, и которые состоят из полного и пустого: ибо этот дух, этот воздух, этот эфир не только находится вокруг этих тел, но и проникает внутрь всех тел, имеется внутри каждой вещи. Мы говорим о пустоте еще в том смысле, согласно которому отвечаем на вопрос, где находятся бесконечные эфир и миры; мы отвечаем: в бесконечном пространстве, в некоем лоне, в котором существует и подразумевается все и которое само по себе не может ни быть, ни мыслиться в ином.

Но Аристотель смешивает оба эти значения с третьим, которое он сам себе вообразил и сам не знает, ни как назвать, ни как определить; отрицая пустоту, он впадает сам с собой в противоречие и думает, что подобного рода аргументами уничтожает в самом деле все мнения о пустоте. Но он опровергает их не в большей степени, чем тот, который, уничтожив название вещи, думал бы, что он уничтожил самую вещь; ибо если он даже и уничтожает пустоту, то он уничтожает ее в таком смысле, в котором, вероятно, ее никто не принимает; ибо и древние, подобно нам, считали пустотой то, в чем может находиться тело и что может содержать какую-либо вещь и в чем находятся атомы и тела; лишь он один определяет пустоту как то, что есть ничто, в котором нет ничего и не может быть ничего. Принимая пустоту

в таком смысле, в каком ее никто не понимает, он строит воздушные замки и уничтожает свою пустоту, а не ту, о которой говорят все остальные, которые пользуются этим словом. Не иначе поступает этот софист и при всех своих предположениях, например, о движении, бесконечности, материи, форме, доказательствах, сущем.

Он всегда строит на вере в свои собственные определения и в имена, имеющие новое значение. На самом же деле всякий, кто способен самостоятельно мыслить, может заметить, насколько поверхностно этот человек рассматривает природу вещей и насколько он привязан к своим ложным допущениям, которые никем не признаны и не могут быть признаны и которые в его философии природы еще более тщетны, чем это можно вообразить в математике. Вы увидите, что он столь доволен этими пустыми предположениями и так хвастает ими, что при рассмотрении природных вещей претендует, чтобы его считали особенно разумным или, как это обычно говорят, логичным; так что он в ругательном смысле тех, которые более ревностно, чем он, занимались природой, реальностью и истиной, называет «физиками» (14). Но возвратимся к нашим предметам; принимая во внимание, что в своей книге «О пустоте» (15) он не приводит ни прямых, ни косвенных доводов, которые могли бы достойно оспаривать наши воззрения, мы оставляем дело в таком виде, откладывая дальнейший спор с ним до более удобного времени. Итак, если тебе угодно, Эльпин, располагай

в порядке те доводы, благодаря которым наши противники не допускают бесконечного тела, а затем те, благодаря которым они не могут понять существование бесчисленных миров.

Э л ь п и н. Я это сделаю. Я приведу мнения Аристотеля по порядку (16), и вы ответите на них то, что сочтете нужным. «Надо рассмотреть,—говорит он,—существует ли бесконечное тело, как это утверждают некоторые древние философы, или же это невозможная вещь; далее нужно рассмотреть, существует ли один или множество миров. Разрешение этих вопросов в высшей степени важно, ибо то или иное решение вопроса имеет такое значение, что каждый из них служит принципом одного из двух видов философии, в высшей степени отличных и противоположных друг другу; так, например, мы видим, что те, которые принимают неделимые части, вследствие этой первой ошибки закрывали себе путь до такой степени, что блуждают в большей части математики. Мы должны разрешить таким образом предложения, имеющие очень важное значение для прошлых, настоящих и будущих трудностей; ибо небольшое отступление, которое делают вначале, увеличивается в 10 000 раз в течение пути; подобным же образом заблуждения, которые делают в начале пути, чем больше удаляются от начала, тем больше растут и увеличиваются, так что к концу пути приходят к совершенно противоположному пункту, чем тот, к которому намеревались притти. Причина этого та, что начала малы по величине, но в высшей степени

важны по результатам. Это служит основанием того, что мы должны разрешить эти сомнения».

Ф и л о т е й. Все, что он говорит, в высшей степени важно и могло быть так же хорошо сказано другими, как и им; ибо, подобно тому как он полагает, что этот плохо понятый принцип приводит противников к большим заблуждениям, так мы, наоборот, думаем и ясно видим, что, исходя из противоположного принципа, он извратил весь строй природы.

Э л ь п и н. Он продолжает: «Необходимо поэтому исследовать, возможно ли, чтобы простое тело имело бесконечную величину; это, во-первых, окажется невозможным для того первого тела, которое движется по кругу; далее, и для остальных тел; ибо, поскольку каждое тело должно быть простым или сложным, постольку сложное тело обладает свойствами тех простых тел, из которых оно состоит. Если, следовательно, простые тела не бесконечны ни по числу, ни по величине, то, с необходимостью, и сложное тело не может быть бесконечно».

Ф и л о т е й. Он очень много обещает; ибо, если он докажет, что тело, которое называется объемлющим и первым, будет объемлющим, первым и конечным, в таком случае будет излишним и напрасным доказывать это еще раз относительно объемлемых тел.

Э л ь п и н. Он доказывает, что круглое тело не может быть бесконечным. «Если бы круглое тело было бесконечным, то линии, исходящие из середины, были бы бесконечными, и расстояние между

одним радиусом и другим (так как, чем больше они удаляются от центра, тем дальше становится расстояние между ними) стало бы бесконечным; ибо благодаря тому, что линии все увеличиваются по длине, расстояние между ними становится все больше, и, следовательно, если линии бесконечны, то расстояние будет бесконечно. Но невозможно, чтобы движущееся тело могло пробежать бесконечное расстояние: и при круговом движении необходимо, чтобы радиус движущегося тела достиг места других радиусов».

Ф и л о т е й. Это доказательство хорошее, но оно ничего не говорит против мнения его противников. Ибо никогда не было еще столь грубого и плоского ума, который предполагал бы бесконечный мир, имеющий бесконечную величину и в то же самое время подвижный. Он здесь сам отрицает то, что он приводит в своей «Физике» (17): что все, которые принимают сущее и бесконечное начало, в то же самое время считают их неподвижными; и ни он, и ни кто другой вместо него не может назвать какого-либо философа, либо даже какого-нибудь обыкновенного человека, который принимал бы бесконечную подвижную величину. Но он, подобно софисту, берет часть своих аргументов из выводов противника и навязывает ему свой собственный принцип, что вселенная подвижна, что она движется и имеет сферическую фигуру. Но посмотрите, имеется ли между всеми аргументами, которые приводит этот духовный нищий, хоть один, который опровергал бы мнение тех, которые принимают бесконечное, неподвиж-

ное, неоформленное и весьма пространное единое, содержащее бесчисленные подвижные тела, эти миры, которые одни называют звездами, а другие сферами. Присмотритесь немного к этим и другим доводам, из которых он исходит, и вы увидите, что его предпосылки никем не признаны.

Э л ь п и н. Конечно, все шесть доводов основаны на том предположении, будто противник утверждает, что вселенная бесконечна, и будто он допускает, что эта бесконечная вселенная подвижна; это, конечно, глупость и абсурд, если только случайно мы не допустим совпадения в едином бесконечного движения и бесконечного покоя, как вы мне это вчера доказали относительно отдельных миров.

Ф и л о т е й. Но я не хочу этого утверждать относительно вселенной, которой ни на каком основании нельзя приписать движение; ибо оно не может и не должно быть приписано бесконечному и, как сказано, никогда не было ни одного человека, который вообразил бы себе это. Но этот философ за отсутствием твердой почвы строит свои замки в воздухе.

Э л ь п и н. Конечно, я у него не вижу аргумента, который опровергал бы то, что вы утверждаете; ибо и другие пять доводов, которые приводит этот философ, следуют по тому же пути и столь же хромают. Поэтому я нахожу излишним приводить их. Но после того как он привел те доводы, которые относятся к мировому и кругообразному движению, он переходит к тем, которые основаны на прямо-

линейном движении (18); он утверждает следующее: «Невозможно, чтобы какое-либо подвижное тело обладало бесконечным движением к центру или вниз или вверх от него». Это он доказывает, во-первых, относительно собственного движения таких тел как по отношению к крайним телам, так и по отношению к промежуточным.

«Движение вверх,—говорит он,—и движение вниз противоположны; и место одного движения противоположно месту другого движения. Но если одна из противоположностей определена и ограничена, то необходимо, чтобы и другая противоположность была определена и ограничена; то же самое относится к промежуточному месту, которое участвует в обеих противоположностях; ибо то, что доходит до центра, с необходимостью должно исходить из какой-либо определенной части, а не из любого места; ибо существует известный предел, где начинаются, и другой предел, где кончаются границы центра. Поскольку, следовательно, центр определен, постольку необходимо, чтобы были определены и края, и поскольку определены края, постольку необходимо, чтобы был определен центр; а если определены места, то необходимо, чтобы таковыми же были и помещающиеся там тела, ибо в противном случае движение было бы бесконечно. Что касается тяжести и легкости, то тело, которое движется вверх, может наконец достигнуть своего места, ибо ни одно природное стремление не бывает тщетным. Но поскольку мировое пространство не

может быть бесконечным, не может быть также бесконечно удаленного места и бесконечного тела. Что касается тяжести, то нет ни бесконечно легкого, ни бесконечно тяжелого, следовательно, нет и бесконечного тела; ибо если бы тяжелое тело было бесконечным, то его тяжесть была бы бесконечна. Этой трудности нельзя избежать. Ибо если бы ты желал утверждать, что бесконечное тело имеет бесконечную тяжесть, то отсюда возникали бы три затруднения. Во-первых, тяжесть или легкость конечного и бесконечного тел были бы теми же самыми; ибо к конечному тяжелому телу, поскольку оно меньше бесконечного тела, я бы мог кое-что прилагать или, наоборот, отнимать у другого до тех пор, пока они оба не достигли бы того же количества тяжести или легкости. Во-вторых, тяжесть конечной величины может быть больше, чем тяжесть бесконечной; ибо, по тому же основанию, по которому она может стать равной ей, она может стать и больше ее, ибо мы можем сколько угодно отнимать у бесконечного тела или прибавлять к конечному телу тяжести. В-третьих, тяжесть конечной и бесконечной величины может быть одинаковой; ибо, поскольку скорости относятся друг к другу в такой же пропорции, как и тяжести (19), отсюда следует, что в конечном и бесконечном теле могут быть те же самые скорости и медленности. В-четвертых, скорость конечного тела может быть больше, чем скорость бесконечного. В-пятых, эти скорости могут быть равны; или же поскольку тяжесть одного превосходит тя-

жесть другого, постольку же и скорость одного может превосходить скорость другого. Если существует бесконечная тяжесть, то необходимо, чтобы она двигалась через какое-либо пространство в меньшее время, чем конечная тяжесть; или же, чтобы она вообще не двигалась, поскольку быстрота и медленность зависят от величины тела. Но так как между конечным и бесконечным нет никакой пропорции, то в последнем счете необходимо принять, что бесконечная тяжесть не движется; ибо если бы она двигалась, то она все же двигалась бы не настолько быстро, чтобы нельзя было найти конечной тяжести, которая проделала бы тот же путь в то же время и через то же пространство».

Ф и л о т е й. Невозможно найти другого, который под именем философа измышлял более пустые предположения и приписывал своим противникам более глупые утверждения, для того чтобы приводить столь легковесные доводы, какие мы видим в доказательствах Аристотеля. Относительно того, что он говорит по поводу собственных мест тел и ограниченном верхе, низе и центре, я хотел бы знать—против кого он аргументирует? Ибо все те, которые принимают бесконечную величину тела, не принимают в ней ни центра, ни края. Ибо тот, кто говорит о порожном, пустом и бесконечном эфире, не приписывает ему ни тяжести, ни легкости, ни движения, ни верхней области, ни нижней области, ни середины; и все те, которые принимают в подобном пространстве бесконечные тела, каковы эта зе-

мля или какая-либо другая земля, это солнце или какое-либо другое солнце, заставляют их вращаться внутри этого бесконечного пространства через конечные определенные промежутки или вокруг их собственных центров. Таким образом мы, находясь на земле, можем говорить, что земля находится в центре, и все философы, как новые, так и древние, какого бы они ни были направления, могли бы утверждать, что она находится в центре, не противореча своим принципам; подобно этому мы можем говорить относительно большого горизонта этой эфирной области, которая нас окружает и представляется нам одинаково удаленной со всех сторон окружностью, что мы находимся в его центре. Но не в меньшей степени те, которые находятся на луне, могут считать, что имеют вокруг себя эту землю, солнце и другие звезды, которые кружатся вокруг их центра и образуют конец собственных радиусов их собственных горизонтов. Таким образом земля является центром не в большей степени, чем какое-либо другое мировое тело; и полюсы не в большей степени определены для земли, чем земля является определенным полюсом для какого-либо другого пункта эфира или мирового пространства. То же самое относится ко всем другим телам; они в различных отношениях все являются и центрами, и точками окружности, и полюсами, и зенитами и прочим. Земля, следовательно, не находится абсолютно в центре вселенной, но лишь относительно этой нашей области.

Этот наш спорщик, следовательно, начинает с ре-

titio principii и исходит из тех предпосылок, которые он должен доказать. Он считает предпосылкой, говоря я, прямую противоположность того, что утверждает противник; он заставляет принимать центр и край как раз тех, которые, утверждая бесконечность мира, с необходимостью отрицают этот центр и край, а следовательно, и движение к верхнему или высшему месту, или к нижнему и низшему. Правда, уже древние видели, и мы это замечаем, что некоторые тела опускаются на землю, а некоторые тела удаляются от земли или от того места, где мы находимся. Если о движении таких тел мы говорим, что они стремятся вверх и вниз, то это надо понимать относительно определенной области или в определенном отношении; таким образом если какое-нибудь тело, удаляясь от нас, приближается к луне, то, подобно тому как мы говорим, что оно поднимается так и жители луны скажут, что оно к ним спускается. Движение, следовательно, которое происходит во вселенной, не отличается по отношению к бесконечной вселенной в смысле верха или низа, по сю и по ту сторону, но эти определения относятся к конечным мирам, которые находятся во вселенной; или же мы сможем их принимать по отношению к амплитудам бесчисленных мировых горизонтов или по отношению к числу бесчисленных звезд, где то же самое тело может одновременно двигаться вверх и вниз по отношению к различным телам. Ограниченные тела, следовательно, не имеют бесконечного движения, но обладают конечным и опре-

деленным движением по отношению к своим собственным пределам. Но неопределенное и бесконечное не имеет ни конечного, ни бесконечного движения, и в нем нет различия места и времени.

Что касается аргумента по поводу тяжести и легкости, мы можем сказать, что он является одним из лучших плодов на древе тупого невежества. Ибо тяжесть, как мы это докажем в соответствующем месте, не находится в каком-либо теле целиком и не является его неизменным, естественным свойством⁽²⁰⁾; тяжесть поэтому не является различием, согласно которому мы могли бы отличать природу мест и степень движения. Мы, наоборот, докажем, что та же самая вещь может быть названа тяжелой или легкой, если мы будем рассматривать ее стремление и движение с различных центров, подобно тому как с различных точек зрения та же самая вещь может быть названа высокой или низкой, движущейся вверх или вниз. Это относится ко всем отдельным телам и мирам; ни один из них ни тяжел, ни легок, только их части могут быть названы легкими, если они удаляются и расширяются, или же тяжелыми, если они возвращаются к ним; подобно этому о частичках земли и земных веществах говорят, что они поднимаются, если они приближаются к окружности эфира, и что они падают, если они возвращаются обратно на землю. Но что касается вселенной и бесконечного тела, то нашелся ли хоть когда-нибудь хоть кто-нибудь, который назвал бы его тяжелым или легким? Кто бы мог принимать

такие принципы или фантазировать в такой степени, чтобы прийти к такому выводу, что бесконечность тяжела или легка, восходит вверх, подымается или опирается? Мы покажем, что ни одно из бесконечных тел ни тяжело и ни легко. Ибо эти качества относятся лишь к частям, поскольку они стремятся к своему целому и к месту своего сохранения; они не имеют поэтому отношения к вселенной, но лишь к отдельным и целым мирам; так, например, на земле части огня, освобождаясь и подымаясь к солнцу, всегда несут с собой некоторые части суши и воды, с которыми они соединены; эти последние, чем больше они удаляются вверх, тем больше стремятся по своей природе вернуться к своим естественным местам. Далее, необходимо принять, что великие мировые тела не могут быть сами по себе легки или тяжелы, поскольку вселенная бесконечна; по отношению к ней они не находятся ни в какой пропорции в смысле отдаленности или близости к окружности или к центру. На своем месте поэтому земля не более тяжела, чем солнце на своем, Сатурн на своем, Полярная звезда на своем. Подобно тому как части земли возвращаются к земле вследствие своей тяжести (тяжестью мы называем стремление частей к целому и чуждого к своему месту), так и части других тел возвращаются к своим телам, так как наверное существуют бесконечные другие земли подобной же природы, бесконечные другие солнца и другие огни подобной же природы. Все они движутся от окружающих мест к собственному целому как к центру.

Отсюда следует, что существует бесконечное число тяжелых тел, но не то, будто существует бесконечная тяжесть в каком-либо одном предмете в интенсивном смысле; она существует лишь в бесчисленных предметах и в экстенсивном смысле. Это следует из положений всех древних философов и наших; против них наш спорщик не может представить ни одного аргумента. То, следовательно, что он говорит о невозможности бесконечной тяжести, настолько просто и тривиально, что даже стыдно об этом упоминать; оно ни в коем случае не может опровергать другие мнения и подтверждать его собственную философию; это все пустые предложения и слова, брошенные на ветер.

Э л ь п и н. Ничтожество всех приведенных доводов более чем очевидно, и самое убедительное красноречие не могло служить их извинением. Но послушайте те доводы, которые он приводит ⁽²¹⁾ для того, чтобы притти к общему выводу о невозможности бесконечного тела. «Так как для тех, которые рассматривают частные вещи,—говорит он,—очевидно, что нет бесконечного тела, то остается рассмотреть в общих чертах, возможно ли оно. Ибо кто-либо мог бы утверждать, что, подобно тому как расположен окружающий нас мир, нет невозможности в том, чтобы существовали и другие небеса. Но, прежде чем мы придем к этому, будем рассуждать вообще о бесконечном. Необходимо, чтобы каждое тело было бесконечным или конечным; если оно бесконечно, то оно должно состоять или

из подобных частей или неподобных; если оно состоит из неподобных, то оно состоит или из ограниченного числа видов или из бесконечного числа видов. Невозможно, чтобы оно состояло из бесконечного числа видов, если мы будем придерживаться нашей предпосылки, а именно, что существуют различные миры, подобные нашему; ибо, подобно тому как этот мир расположен вокруг нас, расположены и другие миры, имеющие другие небеса. Ибо если определены первые движения, расположенные вокруг центра, то необходимо, чтобы были определены и вторые движения; подобно тому как мы определили пять родов тел (22), из которых два просто тяжелы и легки, два относительно тяжелы и легки, одно ни тяжело и ни легко, но свободно двигается вокруг центра, точно так же дело должно обстоять и в других мирах. Невозможно, следовательно, чтобы оно состояло из бесконечных видов. Но невозможно также, чтобы оно состояло из конечного числа видов». Он доказывает на основании четырех доводов, что оно не состоит из конечного числа неподобных видов, из которых первый заключается в том, «что каждая из этих бесконечных частей должна быть водой или огнем, а следовательно, тяжелой или легкой. Но мы доказали невозможность этого, когда показали, что не может быть ни бесконечной тяжести, ни бесконечной легкости».

Ф и л о т е й. Было достаточно сказано, когда мы отвечали на это.

Э л ь п и н. Я это знаю. Он прибавляет второй

довод и говорит, что «если каждый из этих видов будет бесконечным, то необходимо принять бесконечность места, в котором они помещаются; но отсюда следует, что движение каждого вида было бы бесконечно, что невозможно. Ибо не может быть, чтобы тело, которое падает вниз, пробегало бесконечную глубину. Это видно и подтверждается во всех движениях и переменах. Подобно тому как при порождении не пытаются сделать того, что не может быть сделано, так и в перемещении тело никогда не может искать места, которого оно никогда не может достигнуть; то, что никогда не может быть в Египте, не может также и двигаться по направлению к Египту, ибо природа никогда ни одной вещи не делает тщетно. Невозможно, следовательно, чтобы вещь двигалась туда, куда она не может дойти».

Ф и л о т е й. На это мы достаточно ответили; мы говорили, что существуют бесконечные земли, бесконечные солнца и бесконечный эфир; или, говоря словами Демокрита и Эпикура, существуют бесконечные полное и пустое, одно внедренное в другое. Существуют различные конечные виды, из которых одни расположены и упорядочены в других. Все эти различные виды объединяются и составляют целую и бесконечную вселенную; части бесконечного также бесконечны, поскольку из бесконечных земель, подобных этой, происходит на самом деле бесконечная земля, но не как сплошная масса, а как составленная из бесконечного множества земель. Подобным же образом надо себе представлять и другие

виды тел, будет ли их четыре, или два или три, или сколько угодно (я пока не определяю их числа); эти виды, будучи частями вселенной в том смысле, в котором это можно говорить о них, по необходимости должны быть бесконечными, согласно массе, которая возникает из их множества. И нет необходимости, чтобы тяжесть падала бесконечно в глубину. Но подобно тому как это тяжелое тело стремится к своему ближайшему телу, с которым оно имеет избирательное сродство, так и то тело стремится к своему, а другое к своему. Эта земля имеет части, которые принадлежат к ней, а та земля части, которые принадлежат к той. Подобным же образом это солнце имеет свои части, которые истекают из него и стремятся вернуться к нему обратно; точно так же и другие тела собирают свои части. И подобно тому как края одних тел удалены на конечное расстояние от других тел, так и их движения конечны; и подобно тому как никто не отправляется из Греции для того, чтобы двигаться до бесконечности, но лишь для того, чтобы достигнуть Италии или Египта, так часть земли или солнца не ставит себе в своем движении бесконечной цели, а лишь конечную цель. Так как вселенная бесконечна, а тела, составляющие ее, все изменчивы, то все они, следовательно, испускают из себя всегда известные части и опять принимают их в себя, высылают из себя свои части и поглощают в себя чужие. Я не считаю абсурдным и немислимым, а, наоборот, вполне естественным и подобающим, что каждый предмет подвержен определенному

возможному числу изменений; поэтому частички земли странствуют в эфирной области и пробегают безмерное расстояние, приближаясь то к одному телу, то к другому; подобным же образом мы видим, что те же самые частички, пока они находятся поблизости от нас, меняют место, расположение и форму. Если, следовательно, эта земля вечна и непрерывно существует, то она такова не потому, что состоит из тех же самых частей и тех же самых индивидуумов (атомов), а лишь потому, что в ней происходит постоянная смена частей, из которых одна растворяется, а другая заменяет их место; таким образом, сохраняя ту же самую душу и ум, тело постоянно меняется и возобновляет свои части. Это видно также и на животных, которые сохраняют себя только таким образом, что принимают в себя пищу и выделяют экскременты; таким образом, каждый, кто несколько призадумается, увидит, что юноши не обладают тем же телом, которые они имели в детском возрасте, а старики не обладают тем же телом, которым они обладали в юности. Ибо мы непрерывно меняемся, и это влечет за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже раньше. Так, около спермы соединяются различные атомы благодаря деятельности всеобщего интеллекта и души (как в мастерской, в которой они перерабатываются подобно материи), и таким образом растет тело, когда приток атомов больше, чем их истечение; это же самое тело сохраняет ту же самую консистенцию, когда исте-

чение равняется притоку, и, наконец, оно начинает клониться к упадку, когда истечение больше, чем приток. Я здесь, конечно, говорю не о притоке и истечении в абсолютном смысле слова, но об истечении подобающих и естественных частей, и о притоке чуждых и неподходящих частей, которые не может победить ослабленный принцип жизни или которые он не может извергнуть; это относится как к живым, так и к мертвым телам. Возвращаясь к сказанному, я говорю: нет ничего неподобающего в утверждении (наоборот, оно в высшей степени разумно), что благодаря этой перемене вещества части и атомы находятся в бесконечном течении и движении, испытывают бесконечные перемены как по форме, так и по месту (23). Немыслимо было бы бесконечное стремление какой-либо вещи, которая стремилась бы как к своей ближайшей цели к перемене места или к изменению формы. Этого не может быть, принимая во внимание то, что вещь не может двигаться с одного места, не находясь в другом месте, не может терять какого-либо качества, не принимая другого качества, не может принять какого-либо бытия, не теряя другого; это с необходимостью следует из понятия изменения качества, которое не может иметь места без перемещения. Сотворенный и оформленный предмет может двигаться только конечным образом, ибо он легко принимает другую форму, если меняет свое место. Творящий же и оформляющий принцип движется бесконечным образом как относительно пространства, так и относительно числа, в то время

как части материи притекают и истекают из одного тела в другое, из одного места в другое, от части к целому.

Э л ь п и н. Я это вполне понимаю. В качестве третьего довода он приводит следующее: «Если бы мы приняли дискретную и разделенную бесконечность, в таком случае должны были бы существовать бесконечные индивидуумы и бесконечные частные огни; в то время как каждый из них был бы конечным, тем не менее получилось бы, что тот огонь, который явился бы в результате всех этих индивидуумов, должен был бы быть бесконечным».

Ф и л о т е й. Я уже с этим согласился; но, чтобы знать это, он не должен был оспаривать того, что не представляет никаких затруднений. Ибо если тело разделяется на различные пространственные части, из которых одна весит сто фунтов, другая тысячу, а третья десять, то все тело будет весить тысячу сто десять. Но это относится лишь к отдельным дискретным весам, а не к сплошному весу. Но мы, подобно древним, не считаем неправильным, что дискретные части дают бесконечную тяжесть; ибо эти части составляют одну тяжесть лишь в логическом смысле, или в арифметическом, или геометрическом, но в действительности, по своей природе, они не составляют одной тяжести или бесконечной массы, но составляют бесконечное количество конечных масс и конечных тяжестей. Логическое утверждение и представление этих вещей и их реальное бытие не суть одна и та же вещь, но в высшей степени раз-

личны. Ибо отсюда не следует, что существует бесконечное тело одного вида, но что существует вид тел, имеющий бесконечное число конечно определенных тел; нет поэтому бесконечной тяжести, а существует бесконечное число конечных тяжестей, принимая во внимание, что эта бесконечность не сплошная, а дискретных тел; но они существуют в непрерывной бесконечности, которой являются пространство, место и протяженность, способная вместить их. Следовательно, нет ничего недопустимого в том, что существует бесконечное число дискретных тяжелых тел, которые не составляют одного тяжелого тела; подобно этому бесконечные воды не составляют бесконечной воды, бесконечные части земли не составляют бесконечной земли. Следовательно, существует бесконечное множество тел, которые в физическом смысле не составляют тела бесконечной величины. В этом заключается громадное различие. Подобное этому мы наблюдаем при движении судна, которое тянут десять человек, объединенных вместе, но которое не будет сдвинуто с места тысячью тысяч человек, если каждый из них будет тянуть отдельно.

Э л ь п и н. Этими и другими рассуждениями вы уже тысячу раз ответили и на четвертый довод; он гласит: «Когда мы мыслим бесконечное тело, то его необходимо принимать бесконечным, согласно всем измерениям; так что ни в каком направлении не может быть какой-либо вещи вне его. Следовательно, невозможно, чтобы в бесконечном теле было

множество разнородных частей, из которых каждая была бы бесконечной».

Ф и л о т е й. Это вполне правильно, но не опровергает нас, так как мы уже много раз утверждали, что существует множество разнородных конечных тел в бесконечном, и рассмотрели, каким образом это возможно (24). Подобным же образом, например, кто-нибудь мог бы говорить относительно жидкой грязи, что здесь множество различных веществ образует сплошное целое, ибо там повсюду и в каждой части вода соприкасается с водой, а земля с землей; благодаря незаметности связи мельчайших частей земли и мельчайших частей воды мы не можем говорить, что они прерывны или непрерывны, а можем говорить лишь об одном сплошном, которое не есть ни вода, ни земля, а грязь. Другой мог бы таким же образом утверждать, что здесь, собственно говоря, вода не соприкасается с водой, а земля с землей, но вода соприкасается с землей, а земля с водой; подобным же образом третий мог бы отрицать и то и другое и утверждать, что грязь соприкасается с грязью. Согласно этим доводам, вселенная может быть принята как бесконечная и непрерывная, которую не прерывает эфир, расположенный между большими телами, подобно тому как не прерывает грязи воздух, расположенный между частями воды и суши; различие между ними состоит только в том, что в грязи части малы и промежутки незаметны, в то время как части вселенной велики и промежутки заметны. Но и во вселенной различные

И противоположные движущиеся тела совпадают, составляя одно сплошное неподвижное; противоположности совпадают в нем и составляют одно, принадлежат к одному порядку и в конечном счете суть одно. Недопустимым и невозможным, конечно, было бы принимать две бесконечности, отличающиеся друг от друга; мы тогда ни в коем случае не могли бы вообразить, каким образом там, где кончается одна, начинается другая и каким образом они обе ограничивают друг друга. Кроме того в высшей степени трудно представить себе два тела, конечных на одном краю и бесконечных на другом.

Э л ь п и н. Он представляет два других довода в доказательство того, что бесконечность не может состоять из подобных частей. «Первый это тот, что в подобном случае этой бесконечности следовало бы приписать один из видов местного движения. Но тогда существовала бы бесконечная тяжесть, или бесконечная легкость, или бесконечное круговое движение; но мы уже доказали, что все это невозможно».

Ф и л о т е й. А мы уже выяснили, насколько ничтожны эти доводы и возражения; бесконечность в целом не движется, не тяжела и не легка; это относится как ко вселенной, так и ко всякому другому телу, когда оно находится в своем естественном месте, и к отдельным частям, когда они удалены от своего собственного места дальше известной ступени. Бесконечное тело, следовательно, согласно нашему взгляду, не движется ни потенциально, ни актуально; оно

ни тяжело и ни легко, ни потенциально, ни актуально. Согласно нашим принципам или принципам тех, против которых Аристотель возводит свои прекрасные укрепления, бесконечному телу недостает очень много для того, чтобы оно могло обладать бесконечной тяжестью или бесконечной легкостью.

Э л ь п и н. Столь же ничтожным оказывается и второй довод; ибо он тщетно спрашивает у того, который никогда не утверждал, что вселенная движется как потенциально, так и актуально, «движется ли бесконечность естественным образом или насильственным?» Он дальше доказывает, что невозможно бесконечное тело, доводами, взятыми из движения вообще, после того как он в своих предыдущих доводах исходил из движения в обычном смысле слова ⁽²⁵⁾. Он утверждает, следовательно, что бесконечное тело не может ни оказать воздействие на конечное тело, ни тем более претерпевать от него воздействие. Он приводит три основания: первое,—что «бесконечное не может претерпевать воздействие от конечного»⁽²⁶⁾; ибо каждое движение, а следовательно, и каждое претерпевание, существует во времени; а если это так, то может случиться, что тело меньшей величины может получить воздействие, пропорциональное бесконечной величине; ибо, подобно тому как существует пропорция между конечным страдательным и между конечным деятелем, может быть такая же пропорция между конечным страдательным и бесконечным деятелем. Мы это увидим, если предположим в качестве

бесконечного тела A , а в качестве конечного тела B ; и поскольку всякое движение существует во времени, мы назовем G время, в течение которого A движет другое тело или получает движение от него. Мы возьмем затем тело меньшей величины, чем B ; пусть оно будет D , и оно будет действовать на другое тело H , которое мы вводим для того, чтобы заполнить пропорцию в то же самое время G . Тогда мы увидим ясно, что между меньшим деятелем D и большим деятелем B существует такая же пропорция, как между конечным страдательным H и конечной частью A , которую мы назовем AZ . Если мы теперь заменим пропорцию первого деятеля к третьему страдательному на пропорцию второго деятеля к четвертому страдательному, то мы получим, что D находится в такой же пропорции к H , как B к AZ ; таким образом, B завершит свое действие в то же самое время G на конечную вещь и на бесконечную вещь, т. е. на часть бесконечного AZ и на само бесконечное A . Но это невозможно; следовательно, бесконечное тело не может быть ни деятельным, ни страдательным, ибо два одинаково страдающие тела одинаково страдают в то же самое время от того же самого деятеля, причем меньшее страдающее тело страдает от того же деятеля в меньшее время, а большее в большее. Далее, если два различных деятеля завершают свое действие в одинаковое время, то мы получим такую же пропорцию между деятелями, какую мы имеем между страдающими телами. Далее, каждый деятель действует на страдающее тело в ко-

нечное время (я говорю о том деятеле, который завершает свое действие, а не о том, движение которого непрерывно, что может быть только при движении перехода), ибо невозможно, чтобы конечная деятельность потребовала бесконечного времени. Следовательно, очевидно, что конечное не может завершить свое действие на бесконечное.

G—время

A—бесконечное страдательное *B*—большой конечный деятель

AZ—часть бесконечного *D*—меньший конечный деятель

H—конечное страдательное

Во-вторых, доказывается таким же образом, что «бесконечное не может воздействовать на конечную вещь»⁽²⁷⁾. Пусть *A* будет бесконечным деятелем, а *B* конечным страдательным; предположим, что бесконечное *A* действует на конечное *B* в определенное время *G*. Пусть затем конечное тело *D* действует на часть *B*, т. е. *BZ*, в то же самое время *G*. Мы, конечно, получим такую же пропорцию между *BZ* ко всему страдательному *B*, какая существует между деятелем *D* и другим конечным деятелем *H*. Если теперь вместо пропорции деятеля *D* к страдательному *BZ* поставим пропорцию деятеля *H* ко всему *B*, то мы получим, что *H* движет *B* в то же самое время, в какое *D* движет *BZ*, т. е. в то же самое время *G*, в течение которого бесконечный деятель *A* движет *B*; но это невозможно. Эта невозможность следует из того, что мы говорили, а именно из того, что если бесконечная вещь действует в ко-

ичное время, то необходимо, чтобы действие не происходило во времени, ибо между конечным и бесконечным не может быть никакой пропорции. Следовательно, если мы предположим два различных деятеля, которые оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то необходимо предположить, что это действие будет происходить в два различных времени: мы получим, что время одного относится ко времени другого, как один деятель к другому. Но если мы предположим, что два деятеля, из которых один конечен, а другой бесконечен, оказывают то же самое действие на то же самое страдающее тело, то нам необходимо будет сказать одно из двух: или то, что действие бесконечного происходит мгновенно, или то, что действие конечного деятеля происходит в бесконечное время. То и другое невозможно.

G—время

A—бесконечный деятель

H—конечный деятель

B—конечное страдательное

D—конечный деятель

BZ—часть конечного страдательного

В-третьих, очевидно, что «бесконечное тело не может воздействовать на бесконечное тело» (28). Ибо, как это утверждается в «Физике», невозможно, чтобы действие или страдание не были завершены. Но, поскольку было доказано, что действие бесконечного на бесконечное никогда не может быть завершено, можно заключить, что одно не может оказать действие на другое. Предположим два бесконечных,

из которых одно будет *B*, а другое будет *A*, оказывающее на него воздействие в определенное время *G*, благодаря чему конечное действие будет завершено в конечное время. Предположим дальше, что часть страдательного *BZ* терпит воздействие от *A*; тогда, конечно, будет очевидно, что оно терпит это воздействие в течение времени, меньшего, чем *G*; пусть эта часть будет обозначена через *Z*. Тогда, следовательно, между временем *Z* и между временем *G* будет такая же пропорция, какая существует между *BZ*, меньшей частью бесконечного страдательного, и *B*—большой частью бесконечного страдательного; пусть будет обозначена через *BDH* та часть, которая терпит воздействие от *A* в бесконечное время *G* ⁽²⁹⁾; но в это же самое время будет терпеть от него воздействие все бесконечное *B*; но это неправильно, ибо невозможно, чтобы два страдательных, из которых одно бесконечно, а другое конечно, терпели то же самое действие в то же самое время от того же самого деятеля, будет ли он конечным или, как мы раньше предположили, бесконечным.

	Конечное время		
<i>G</i>			<i>Z</i>
	А—бесконечный деятель		
	Бесконечное страдательное		
<i>B</i>	<i>D</i>		<i>H</i>

Ф и л о т е й. Все, что говорит Аристотель, может быть и правильно, если оно подходит к его предпосылкам; но, как мы уже заметили, нет ни одного философа, который, говоря о бесконечном, при-

нял бы те предпосылки, из которых вытекали бы подобного рода затруднения. Тем не менее, мы рассмотрим его рассуждения не для того, чтобы ответить им, потому что они не противоречат нам, а только для того, чтобы обсудить, какую важность имеют его доводы. Во-первых, в своих предпосылках он не исходит из естественных оснований, отнимая у бесконечного ту или другую часть; ибо бесконечное не может иметь частей (30), если только мы не будем утверждать, что каждая часть в свою очередь бесконечна; утверждение, что в бесконечном существуют бóльшие или меньшие части, или части, которые имеют бóльшую или меньшую пропорцию по отношению к нему, заключает в себе противоречие. Ибо ты не приблизишься к бесконечному больше, если произведешь увеличение в сто раз, чем если увеличишь в три раза, так как бесконечное число состоит в не меньшей степени из бесконечных троек, чем из бесконечных сотен. Бесконечная протяженность имеет не меньше бесконечных футов, чем бесконечных миль; и поэтому, когда мы говорим о частях бесконечной протяженности, мы не должны говорить о ста милях или о тысячах парасангов (31). Ибо они могут быть рассмотрены как части конечного и суть на самом деле лишь части конечного, к которому они имеют отношение; но они не могут и не должны считаться частями того, к чему они не имеют отношения. Таким же образом тысяча лет не составляет части вечности, поскольку она не имеет отношения к целому; но она часть некоторой

меры времени, подобно десяти тысячам лет или ста тысячам веков.

Э л ь п и н. Но объясните мне, что вы называете частями бесконечной длительности?

Ф и л о т е й. Пропорциональные части длительности это те, которые имеют отношение к длительности и ко времени, но не к бесконечной длительности и бесконечному времени; ибо в последнем самое большое время, т. е. самая большая пропорциональная часть длительности, равняется самому меньшему времени, принимая во внимание, что существует не меньше бесконечных веков, чем бесконечных часов. Я говорю, что в бесконечной длительности, которая есть вечность, не больше часов, чем веков. Так что всякая вещь, которая называется частью бесконечного, поскольку она часть бесконечного, постольку сама бесконечна, как относительно бесконечной длительности, так и относительно бесконечной массы. Из этой доктрины вы можете видеть, насколько неправильны предпосылки Аристотеля, когда, исходя из них, он принимает конечные части бесконечного, и какова убедительная сила доказательств некоторых теологов, когда они из вечности времени приходят к нелепому заключению, что существуют различные бесконечные, из которых одно больше другого, подобно тому как существуют различные виды чисел. Эта доктрина, говорю я, дает вам нить, для того чтобы выбраться из бесконечных лабиринтов.

Э л ь п и н. В особенности же из того, который

вытекает из положения о бесконечных шагах и бесконечных милях, которые должны составить большее или меньшее бесконечное в безмерности вселенной. Но продолжайте.

Ф и л о т е й. Во-вторых, Аристотель не убедителен в своих доказательствах. Ибо из того, что вселенная бесконечна и что в ней существуют бесконечные части (я говорю «в ней», а не о бесконечных «частях ее», ибо одно дело говорить о частях в бесконечном, а другое дело говорить о частях бесконечного) (32), которые все действуют и страдают и, следовательно, находятся во взаимодействии между собой, он хочет заключить, что бесконечное оказывает действие на конечное или же страдает от него, или же что бесконечное оказывает действие на бесконечное, и последнее страдает и изменяется от первого. Мы говорим, что этот вывод неправилен в физическом смысле, хотя бы он был правилен в логическом смысле. Ибо мы можем своим разумом сосчитать бесконечные активные части и бесконечные пассивные части, из которых одни составляют противоположность другим; но в природе и действительности, как мы видели, эти части отторгнуты и отделяются друг от друга и разделены посредством пределов и ни в коем случае не принуждают нас и не склоняют к заключению, что само бесконечное деятельно или страдательно, а только к тому, что бесчисленные конечные части деятельны или страдательны в бесконечном. Мы соглашаемся, таким образом, не с тем, что бесконечное подвижно и измен-

чиво, но с тем, что в нем имеются бесконечные подвижные и изменчивые части; мы не соглашаемся и с тем, что конечное терпит воздействие от бесконечного, или же бесконечное от конечного, или же бесконечное от бесконечного, согласно физической и естественной бесконечности, но подобного рода бесконечность страдания и действия составляет лишь логический и рассудочный прием, который считает все тяжелые тела одним тяжелым телом, хотя на самом деле все тяжести отнюдь не составляют одной тяжести. Бесконечное, таким образом, само по себе неподвижно, неизменно и нетленно; в нем могут быть и существуют бесчисленные и бесконечные движения и изменения, совершенные и завершившиеся. К этому можно прибавить еще и то, что если бы мы имели два тела, бесконечных в одном направлении, которые, с другой стороны, ограничивали бы друг друга, то из этого не следовал бы тот вывод, который делает Аристотель, а именно, будто бы их действия и страдания были бы бесконечны. Ибо, если бы из этих двух тел одно действовало на другое, оно не действовало бы согласно всему своему объему и величине, ибо оно находится в ближайшем соседстве, соединено и соприкасается с другим не согласно всей своей величине, а лишь согласно всем частям своей смежной стороны. Предположим, что существуют два бесконечных тела A и B , которые соприкасаются или соединяются вместе по линии или поверхности FG . Они, конечно, не будут действовать одно на другое согласно всей своей силе, ибо они

не приближаются друг к другу всеми своими частями, так как их соприкосновение может происходить только в некоей определенной и конечной границе. Я утверждаю дальше, что если мы даже будем принимать эту поверхность или линию бесконечною, тем не менее отсюда не будет следовать, что тела, соприкасающиеся в ней, оказывают друг на друга бесконечное действие или же испытывают бесконечное страдание; ибо их действие не интенсивно, а экстенсивно, так как их части экстенсивны. Вот почему происходит, что ни в одной части бесконечное не будет действовать согласно всей своей силе, а лишь экстенсивно, часть за частью дискретно и отдельно.

	10	1	<i>F</i>	<i>A</i>	<i>M</i>		
<i>A</i>	20	2	}	{	<i>B</i>	<i>N</i>	<i>B</i>
	30	3			<i>C</i>	<i>O</i>	
	40	4			<i>G</i>	<i>D</i>	

Так, например, из двух противоположных тел, которые могут находиться во взаимодействии, пусть будут соседними частями *A* и 1, *B* и 2, *C* и 3, *D* и 4 и т. д. до бесконечности. Отсюда никогда не получится бесконечно интенсивное действие, так как части этих обоих тел не могут воздействовать друг на друга за пределами известного определенного промежутка; поэтому *M* и 10, *N* и 20, *O* и 30, *P* и 40 не могут воздействовать друг на друга. Вот почему если мы примем два бесконечных тела, то отсюда не выте-

кает бесконечное действие. Я иду еще дальше; если даже мы, предположим, и согласимся, что эти два бесконечных тела могут воздействовать друг на друга интенсивно и согласно всей своей силе, отсюда все же не будет следовать ни бесконечное действие, ни бесконечное страдание; ибо в таком случае одно окажет другому не меньшие отпор и сопротивление, чем те натиск и воздействие, которые оно испытывает, и в нем поэтому не произойдет никакого изменения. Таким образом, противопоставляя друг другу два бесконечных противоположных тела, мы видим, что из этого следует конечное изменение или же что не произойдет никакого изменения.

Э л ь п и н. Но что вы скажете о противоположности одного конечного тела и другого бесконечного, например, если бы земля была холодным телом, а небо огнем; между землей и между всеми огненными звездами, между нею и безмерным небом, с его бесчисленными звездами? Не считаете ли вы, что отсюда следует вывод Аристотеля, а именно тот, что конечное должно быть поглощено бесконечным?

Ф и л о т е й. Конечно, нет, как это можно видеть из сказанного раньше. Ибо, поскольку телесная сила простирается по объему бесконечного тела, она не будет действовать на конечное тело с бесконечной силой, но лишь с той силой, которую она может излучать из конечных частей и согласно отдаленным расстояниям, так как она не может действовать всеми своими частями, а лишь только ближайшими частями. Это видно из следующего при-

мера; предположим, что имеется два бесконечных тела *A* и *B*, которые способны воздействовать друг на друга только теми частями, которые лежат в промежутке между *10*, *20*, *30*, *40* и *M*, *N*, *O*, *P*,—в таком случае действие, которое они окажут друг на друга, не станет более сильным, если бы даже тело *B* стало расти до бесконечности, а тело *A* оставалось конечным; таким образом, из противопоставления двух противоположных тел всегда будет следовать конечное действие и конечное изменение, все равно будем ли мы считать, что одно из этих тел бесконечно, а другое конечно, или же мы будем считать оба бесконечными.

Э л ь п и н. Вы меня вполне удовлетворяете, так что я считаю излишним приводить другие дикие доводы, которыми Аристотель хочет доказать, что вне неба не существует бесконечного тела, вроде следующего: «Каждое тело, которое занимает место, носит чувственный характер, но вне неба нет чувственных тел, следовательно, там нет места». Или следующий довод: «Всякое чувственное тело занимает место, вне неба нет места, следовательно, там нет и тела; там вообще не существует «вне», ибо «вне» обозначает различие между чувственными местами; но оно не обозначает различия между духовными умопостигаемыми телами, как это могли бы думать некоторые; но если нечто носит чувственный характер, то оно конечное».

Ф и л о т е й. Я верю и утверждаю, что по ту сторону воображаемого небесного свода всегда имеется эфирная область, где находятся мировые

тела, звезды, земли и солнца; все они имеют чувственный характер в абсолютном смысле слова как сами по себе, так и для тех, которые живут на них или около них, хотя они не могут быть воспринимаемы нами вследствие отдаленности их расстояния. Отсюда вы можете видеть, на каком фундаменте стоит Аристотель, когда из того, что мы не можем воспринимать ни одного тела за пределами воображаемой окружности, он заключает, что там нет никаких тел; и поэтому он упорно отказывается верить в существование каких-либо тел за пределами восьмой сферы, вне которой астрологи его времени не принимали никаких других небесных сфер. Они относили видимое вращение мира вокруг земли к первому движимому, находящемуся выше всех других. Исходя из таких предпосылок, они вынуждены были двигаться без конца все дальше и дальше и прибавлять сферу к сфере и в заключение додумались до таких сфер, которые не имеют звезд, а следовательно, и чувственных тел, так что это мнение опровергается даже астрологическими предпосылками и фантазиями. Но тем более оно осуждается теми, которые лучше понимают и знают, что тела, которые, согласно их воззрениям, принадлежат к восьмой сфере, тем не менее, в большей или в меньшей степени отдалены друг от друга и от земли, чем семь других сфер; единственное основание, приводимое в пользу их одинаковой отдаленности от земли, покоится на ложном предположении, что земля находится в неподвижном состоянии. Но против этого

восстает вся природа, возмущается всякий рассудок; это осуждают всякое правильное мышление и хорошо развитый интеллект. Но, как бы то ни было, утверждать, что вселенная находит свои пределы там, где прекращается действие наших чувств, противоречит всякому разуму, ибо чувственное восприятие является причиной того, что мы заключаем о присутствии тел, но его отсутствие, которое может быть следствием слабости наших чувств, но не отсутствия чувственного объекта, недостаточно для того, чтобы обосновать хотя бы малейшее подозрение в том, что тела не существуют. Ибо если бы истина зависела от чувственности, то все тела должны были бы быть такими и столь же близкими к нам и друг к другу, какими они нам кажутся. Но наша способность суждения показывает нам, что некоторые звезды нам кажутся меньшими на небе, и мы их относим к звездам четвертой и пятой величины, хотя они на самом деле гораздо крупнее тех звезд, которые мы относим ко второй или первой величине. Чувство не способно оценить взаимоотношение между громадными расстояниями; из наших взглядов на движение земли мы знаем, что эти миры не находятся на одинаковом расстоянии от нашего мира и не лежат, как это думают, на одном деференте.

Э л ь п и н. Вы хотите сказать, что они не являются как бы прикрепленными к одному и тому же небесному куполу. Это—нелепое представление, в которое могут верить только дети, которые, может быть, поверили, что если бы звезды не были при-

креплены к своду неба, как пластинки, хорошим клеем или же прибиты крепкими гвоздями, то они падали бы на нас из соседнего воздуха, подобно граду. Вы хотите сказать, что эти другие земли и другие громадные тела занимают свои области и сохраняют свои расстояния в эфирном поле, подобно тому как занимает свое место эта земля, вращение которой производит видимость, что все мировые тела движутся вокруг нее, как будто связанные вместе. Вы хотите сказать, что нет надобности принимать существование духовного тела за пределами восьмой или девятой сферы, но что тот же самый воздух, который окружает землю, луну и солнце, содержа их, распространяется до бесконечности и охватывает другие бесконечные созвездия и жизненные существа; что этот воздух является общим универсальным местом, бесконечное и обширное лоно которого содержит в себе всю бесконечную вселенную, подобно тому как видимое нами пространство содержит громадные и многочисленные светила. Вы хотите сказать, что в круговом движении находится не этот воздух и это объемлющее нас тело, которое в своем движении захватывает звезды, землю и луну и другие планеты, но что они движутся собственной душой, по своим собственным путям; что все они имеют свои собственные движения, независимые от того мирового движения, видимость которого вызывается движением земли,—независимые также от всех других движений, которые кажутся общими для всех звезд, как будто бы они были прикреплены к подвижному телу,

видимость которых вызывается различными видами движения звезды, на которой мы находимся, движение которой для нас незаметно. Вы хотите, наконец, сказать, что воздух и части, находящиеся в эфирной области, не имеют другого движения кроме сжатия и расширения, которые необходимы для развития этих твердых тел, в то время как одни кружатся вокруг других, и это духовное тело наполняет собою все.

Ф и л о т е й. Конечно, кроме того я говорю, что это бесконечное и безмерное тело есть живое существо, хотя оно не имеет определенной формы и чувств, которые относились бы к внешним вещам; ибо оно заключает в себе всю душу и охватывает все одушевленное и есть все это. Далее, я утверждаю, что из предположения двух бесконечных тел не вытекает никаких трудностей. Ибо мир является одушевленным телом, в нем имеются бесконечная двигательная сила и бесконечные предметы, на которые направлена эта сила, которые существуют дискретно, как мы это объяснили; ибо целое непрерывное неподвижно; в нем нет ни кругового движения, для которого необходим центр, ни прямолинейного движения, которое двигалось бы от одной точки к другой, так как в нем нет ни середины, ни конца. Мы утверждаем далее, что движение тяжелого и легкого не только не подобает бесконечному телу, но не подходит даже для всякого целого и совершенного тела, которое находится в бесконечном, а также для какой-либо части их, которая находится на своем месте

и наслаждается своим естественным положением. Я утверждаю далее, что ничто не может быть легким или тяжелым в абсолютном смысле слова, а только относительно, т. е. по отношению к тому месту, к которому рассеянные и разбросанные части возвращаются и собираются. Мы сегодня сказали достаточно относительно бесконечной громады вселенной. Завтра я вас буду ожидать, если вы пожелаете выслушать относительно бесконечных миров, которые находятся во вселенной.

Э л ь п и н. Хотя предыдущее меня достаточно подготовило к тому, чтобы дальше размышлять самостоятельно, я, тем не менее, вернусь завтра для того, чтобы услышать другие, особенные и достойные внимания объяснения.

Ф р а к а с т о р и й. Я, со своей стороны, буду только слушателем.

Б у р к и й. И я. Чем более я начинаю вас понимать, тем более я начинаю считать правдоподобным или даже, может быть, истинным то, что вы говорите.

Конец второго диалога

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

Ф и л о т е й. Небо, следовательно, едино, безмерное пространство, лоно которого содержит все, эфирная область, в которой все пробегает и движется. В нем—бесчисленные звезды, созвездия, шары, солнца и земли, чувственно воспринимаемые; разумом мы заключаем о бесконечном количестве других. Безмерная, бесконечная вселенная составлена из этого пространства и тел, заключающихся в нем.

Э л ь п и н. Таким образом нет сфер с вогнутой и выпуклой поверхностью, нет деферирующих кругов, но все есть одно поле, общее небесноеместилище.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. То, следовательно, что заставляло воображать различные небеса, было движением различных звезд: видели небо, наполненное звездами, которое вращается вокруг земли, причем ни одно из этих светил не отдалялось одно от другого, но все они всегда сохраняли между собой одно и то же рас-

стояние и один и тот же порядок; все они вращались вокруг земли, подобно тому как вращается вокруг своей собственной оси колесо, на котором прикреплены бесчисленные зеркала. Считали очевидным, как это кажется нашим глазам, что эти светящиеся тела не обладали своим собственным движением, благодаря которому они могли бы сами двигаться подобно птицам; полагали, что они движутся, прикрепленные к своим орбитам, которые получали свое движение от толчка некоей (божественной) интеллигенции.

Ф и л о т е й. Таково было общее воззрение; но кто понял движение этой мировой звезды, на которой мы обитаем, которая, не будучи прикреплена ни к какой орбите, вследствие внутреннего принципа, собственной души и своей собственной природы пробегает обширное поле вокруг солнца или вращается вокруг своего собственного центра,— тот освободится от этого заблуждения. Пред ним откроются врата понимания истинных принципов естественных вещей, и он будет шагать гигантскими шагами по пути истины. Эта истина была до сих пор скрыта под покровом стольких мерзких и скотских заблуждений; она доселе была скрыта вследствие неблагоприятных условий времени, когда вслед за светлым днем древних мудрецов наступила мрачная ночь безрассудных софистов (33).

Ничто не стоит, но движется и вращается
Все, что мы видим на небе и под небом.

Всякая вещь движется или кверху или книзу,

Близко ли она от нас или далеко,
Легкая ли она или тяжелая;
И может быть, все движется теми же шагами
К той же самой цели.
Оно пробегает все, пока соединится с целью.
Так кружится в море отдельная капля
Снизу вверх и сверху вниз,
И тот же самый удар волны
Наделяет каждого его судьбой.

Э л ь п и н. Нет никакого сомнения, что вся эта фантастика о звездоносцах, пламеносцах, осях, дифферентах, службе эпициклов (34) и других химерах обязана своим происхождением воображению, а не какому-либо другому принципу; благодаря ему нам кажется, что эта земля находится в центре и середине вселенной и что одна только она неподвижна и закреплена, а все другое вращается вокруг нее.

Ф и л о т е й. То же самое кажется тем, которые живут на луне и на других звездах—землях или солнцах,—которые находятся в этом же самом пространстве.

Э л ь п и н. Если мы отныне примем, что земля своим движением причиняет видимость ежедневного мирового движения и своими различными движениями причиняет видимость движения бесчисленных звезд, то нам придется утверждать, что луна (которая есть другая земля) (35) своею собственною силою движется по воздуху вокруг солнца. Таким же образом Венера, Меркурий и другие планеты, которые являются другими землями, совершают свои пути вокруг того же отца жизни.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. Собственные движения каждой из этих планет будут те, которые мы получим после того, как мы отнимем это мировое движение и движение так называемых неподвижных звезд (и то и другое движение относится к земле); эти движения не менее отличны, чем эти тела, так что никогда не может быть двух звезд, которые сохраняли бы тот же порядок и ту же меру движения; но если мы не замечаем никакого различия в их движении, то это происходит вследствие значительной отдаленности их от нас, но на самом деле звезды совершают свои круги вокруг солнечного огня и вокруг собственных центров, для того чтобы получить жизненную теплоту, хотя мы и не замечаем различия в их приближении и удалении к их солнцам.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. Существуют, следовательно, бесчисленные солнца, бесчисленные земли, которые кружатся вокруг своих солнц, подобно тому как наши семь планет кружатся вокруг нашего солнца?

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. Почему мы не замечаем, чтобы вокруг других светил, которые суть солнца, кружились другие светила, которые были бы их землями? Мы не замечаем никакого другого движения, и все другие мировые тела, за исключением так называемых комет, наблюдаются нами всегда в том же порядке и на том же расстоянии.

Ф и л о т е й. Это происходит вследствие того,

что мы видим солнца, которые более велики или даже бывают величайшими телами, но не видим земли, которые, будучи гораздо меньшими телами, невидимы для нас. Не противоречит разуму также, чтобы вокруг этого солнца кружились другие земли (36), которые незаметны для нас или вследствие большой отдаленности их, или вследствие их небольшой величины, или вследствие отсутствия у них больших водных поверхностей, или же вследствие того, что эти поверхности не могут быть обращены одновременно к нам и противоположно к солнцу, в каком случае солнечные лучи, отражаясь как бы в кристальном зеркале, сделали бы их видимыми для нас. Неудивительно поэтому и не противоречит природе, если мы иногда слышим, что солнце потерпело как бы некоторое затмение без того, чтобы луна вступила между нами и солнцем. Кроме видимых могут быть еще бесчисленные светящиеся водные тела (т. е. земли, часть которых составляют воды), кружащиеся вокруг солнца; но мы не замечаем их вращения вследствие их большой отдаленности; точно так же вследствие медленности движения тех тел, которые находятся за пределами Сатурна, мы не замечаем различия движения одних от других и не можем вывести закона их движения вокруг центра, все равно будем ли мы считать их центром землю или солнце.

Э л ь п и н. Но каким же образом все эти планеты, столь отдаленные от центра, т. е. от солнца, могут получать жизненную теплоту от него?

Ф и л о т е й. Так как они более отдалены, то они делают также большие круги; чем больше круги, которые они делают, тем медленнее они движутся вокруг солнца; чем медленнее они движутся, тем больше они подвергаются действию теплых и светлых лучей солнца.

Э л ь п и н. Вы считаете, следовательно, что эти тела, хотя они столь отдалены от солнца, могут получать от него достаточное количество теплоты; ибо, быстрее вращаясь вокруг своего собственного центра и медленнее вокруг солнца, они могут получать не только такое количество теплоты, но даже избыток, если понадобится; ибо благодаря более быстрому движению вокруг своего собственного центра каждая часть их выпуклой поверхности, не получившая достаточно теплоты, быстрее возвращается к тому же самому месту; благодаря же более медленному движению вокруг огненного центра их поверхность подвергается более длительному воздействию солнца и получает большее количество живительных и пламенных лучей.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. Вы, следовательно, полагаете, что если звезды, которые мы видим за пределами Сатурна действительно неподвижны, то они являются бесчисленными солнцами или огнями, которые для нас более или менее видимы, вокруг которых движутся, в свою очередь, невидимые для нас земли?

Ф и л о т е й. Так следовало бы утверждать, принимая во внимание, что все земли находятся

в одинаковых отношениях, точно так же, как и солнца.

Э л ь п и н. Вы полагаете, следовательно, что все эти неподвижные звезды суть солнца?

Ф и л о т е й. Нет, ибо я не знаю, все ли они неподвижны или же лишь бóльшая часть их и движутся ли одни из них вокруг других; ведь этого никто не наблюдал до сих пор, а кроме того, это и нелегко наблюдать; точно так же нелегко наблюдать развитие и движение отдаленной вещи, которая на большом расстоянии как будто не меняет своего места, как это мы видим на кораблях, находящихся в открытом море. Но как бы то ни было, поскольку вселенная бесконечна, необходимо, чтобы существовало множество солнц; ибо невозможно, чтобы теплота и свет одного единственного солнца могли излучаться по безмерной вселенной, как это воображал Эпикур, если верно то, что некоторые о нем сообщают. Поэтому нужно принять, что существуют еще бесчисленные солнца, из которых многие для нас заметны в виде маленьких тел; но некоторые могут нам казаться меньшими звездами, хотя на самом деле они гораздо больше тех, которые кажутся нам крупными.

Э л ь п и н. Все это нужно считать возможным и приемлемым.

Ф и л о т е й. Вокруг этих солнц могут вращаться земли, имеющие бóльшие или меньшие массы, чем наша земля.

Э л ь п и н. Но каким образом мы можем заме-

чать их отличия? Каким образом, говорю я, мы можем различать между огнями и землями?

Ф и л о т е й. Благодаря тому, что огни неподвижны, а земли подвижны, а также благодаря тому, что огни мерцают, а земли не мерцают; из этих признаков второй более заметен, чем первый.

Э л ь п и н. Говорят, что видимость мерцания происходит вследствие отдаленности светил от нас?

Ф и л о т е й. Если бы это было так, то солнце не мерцало бы больше всех, а меньшие звезды, которые более отдалены, мерцали бы больше, чем крупные звезды, которые ближе к нам.

Э л ь п и н. Думаете ли вы, что огненные миры так же обитаемы, как и водянистые?

Ф и л о т е й. Нисколько не меньше.

Э л ь п и н. Но какие животные могут жить на огне?

Ф и л о т е й. Вы не должны думать, что эти тела состоят из одинаковых частей, ибо в таком случае они не были бы мирами, а пустынными и бесплодными массами. Поэтому надо считать приемлемым и естественным, что они состоят из различных частей, подобно тому как эта земля и другие земли имеют различные собственные органы; но эти кажутся издали освещенными водами, а те пламенными светилами.

Э л ь п и н. Вы думаете, что по своему составу и плотности элементы солнца таковы же, каковы элементы земли? Ибо, я знаю, что вы не сомневаетесь в существовании первичной материи, из которой возникло все.

Ф и л о т е й. Конечно. Это понял Тимей, подтвердил Платон и утверждали все истинные философы; но лишь немногие сумели это объяснить, и в наши дни не нашлось никого, кто бы понял это; наоборот, многие старались тысячью способов затемнить сознание; все это произошло вследствие порчи умственных привычек и ошибочности принципов.

Э л ь п и н. Кажется, что к этому способу познания приблизился, если и не дошел до него, Николай Кузанский⁽³⁷⁾ в своем «Ученом незнании», когда он, говоря об условиях земли, утверждает следующее: «Из темноты и черного цвета земли вы не должны заключать, что земное тело плохо и менее благородно, чем другие тела; ибо если бы мы обитали на солнце, то мы бы его не воспринимали таким же светлым, каким теперь кажется солнце из этой окружающей его области. Далее, если мы будем внимательно наблюдать солнце⁽³⁸⁾, то мы заметим в середине его как бы землю, далее влажное тело и туманное тело, а затем как бы круг, излучающий ясный блестящий свет. Солнце, таким образом, составлено из тех же элементов, что земля».

Ф и л о т е й. До сих пор он говорит божественно, но скажите нам, что он говорил в дальнейшем?

Э л ь п и н. Судя по тому, что он говорил дальше, надо полагать, что он считал эту землю другим солнцем, и думал, что все другие звезды точно так же солнца. Он говорит: «Если бы кто-нибудь находился вне области нашего огня, то ему эта земля казалась бы светлой звездой, окруженной

огненной областью; точно так же и нам, находящимся на окружности области солнца, солнце кажется чрезвычайно блестящим; луна же нам не кажется столь же блестящей, ибо в ее области мы находимся ближе к средним частям или, как он говорит, центральным, т. е. мы находимся во влажной и водянистой области ее; вот почему луна, хотя и обладает собственным светом, нам не кажется таковой, ибо мы замечаем лишь тот свет, который получается вследствие отражения солнечных лучей от ее водной поверхности».

Ф и л о т е й. Этот превосходный человек много видел и понял и действительно является одним из самых замечательных умов, дышавших этим воздухом; но что касается познания истины, то он был подобен пловцу, которого бурные волны кидают то вверх, то вниз; ибо он не видел непрерывного, открытого, ясного света, он не плавал в спокойной, ясной воде. Он схватывал истину частично и через известные промежутки. Причина этого та, что он не сумел освободиться от всех впитанных им ложных принципов, от которых он отправлялся; вот почему его книга очень удачно названа «Об ученом незнании» или «О незнающей учености».

Э л ь п и н. Что это за принцип, от которого он не освободился, но от которого он должен был освободиться?

Ф и л о т е й. Он думал, что элемент не что иное, как воздух, вспыхнувший от движения неба, и что огонь является в высшей степени тонким веществом;

но это противоречит истине и природе, как мы это увидим, когда мы будем обсуждать этот предмет специально; мы тогда докажем, что необходимо существует материальное плотное и твердое начало как тепла, так и холода и что эфирная область и не является огнем и не состоит из огня, но освещается и согревается близостью твердого и плотного тела, каково солнце. Вот почему, когда мы говорим об естественных вещах, нам нет нужды прибегать к математическим фантазиям. Мы видим, что все части земли не светятся сами собой, но что некоторые части освещаются другими, например вода или туманный воздух, который воспринимает свет и теплоту от солнца, и могут их сообщать окружающим областям. Поэтому необходимо полагать, что существует первое тело, которое излучает из самого себя и свет и теплоту; этого не могло бы быть, если бы это тело не было устойчивым, твердым и густым; ибо разреженное и тонкое вещество не может быть носителем света и теплоты, как мы это докажем в своем месте. Необходимо, наконец, считать, что оба фундамента двух противоположных первых активных качеств одинаково устойчивы ⁽³⁹⁾ и что части солнца, которые излучают свет и теплоту, обладают прочностью скалы или прочного воспламененного металла; я не говорю о плавком металле, каковы свинец, бронза, золото и серебро, но о неплавком металле, каково не разогретое железо, а то железо, которое есть само огонь. В то время как звезда, на которой мы живем, сама по себе холодна и темна и не обла-

дает собственным светом и теплотой, а получает их от солнца,—солнце само по себе теплое и светящееся и причастно к холоду и темноте, лишь поскольку охлаждается окружающими телами и имеет частицы воды, подобно тому как земля имеет частицы огня. Поэтому, подобно тому как на этом холодном теле, которое само по себе холодно и темно, существуют животные, которые нуждаются в теплоте и свете солнца, точно так же на этом горячем светящемся теле существуют животные⁽⁴⁰⁾, которые живут благодаря холоду окружающих их холодных тел; и подобно тому как это тело некоторым образом причастно к теплу благодаря своим несхожим частям, так и то тело причастно к холоду благодаря своим холодным частям.

Э л ь п и н. Но что вы скажете о свете?

Ф и л о т е й. Я скажу, что солнце не светит солнцу, а земля не светит земле. Ни одно тело не освещает само себя, но каждое светящееся тело освещает окружающее его пространство. Поэтому, хотя земля светит благодаря солнечным лучам, отраженным ее кристалльной поверхностью, тем не менее, ее свет не заметен ни для нас и ни для тех, которые находятся на таковой поверхности, а лишь для тех, которые находятся против нее. Подобно этому, хотя вся поверхность моря освещена ночью светом луны, тем не менее для тех, которые едут по морю, кажется освещенной лишь известная часть, которая расположена против луны; но если бы им удалось подняться выше над морем, по воздуху, то

освещенная поверхность казалась бы им все больше. Отсюда очень легко заключить, что те, которые живут на светящихся или хотя бы освещенных звездах, не замечают света своей собственной звезды, а лишь свет окружающих их звезд, подобно тому как в общем пространстве каждое отдельное место получает свой свет от другого различного места.

Э л ь п и н. Вы утверждаете, следовательно, что для обитателей солнца причиной дня является не солнце, а другая окружающая звезда?

Ф и л о т е й. Да, так. Или вам это непонятно?

Э л ь п и н. Кто бы это не понял? Я понимаю еще и другие вещи, которые вытекают из этого. Существует, следовательно, два вида светящихся тел, а именно огненных, которые светятся первично, и водянистых и кристаллических, которые светят отраженным светом.

Ф и л о т е й. Да, так.

Э л ь п и н. Следовательно, причина света не должна быть отнесена к другому началу?

Ф и л о т е й. Каким образом может быть иначе, когда мы не знаем другого основания света? Зачем нам прибегать к пустым фантазиям там, где нас учит сам опыт.

Э л ь п и н. Итак, мы не должны думать, что эти тела светятся благодаря какой-нибудь случайной и непостоянной причине, подобно гнилому дереву, слизи и чешуе рыб, хрупким спинкам ящуров и светляков, о причинах света которых мы еще будем говорить.

Ф и л о т е й. Как вам угодно.

Э л ь п и н. Ошибаются, следовательно, те, которые говорят, что эти окружающие нас светящиеся тела являются известными пятыми сущностями, имеющими божественную природу, противоположную тем телам, которые находятся вблизи нас и вблизи которых мы находимся; они ошибаются подобно тем, которые утверждали бы это о свече или светящемся кристалле, видных нам издали.

Ф и л о т е й. Конечно.

Ф р а к а с т о р и й. Это на самом деле должно быть ясно всякому чувству, разуму и интеллекту.

Б у р к и й. Но это не ясно моему интеллекту, который считает эти ваши мнения софистическими.

Ф и л о т е й. Отвечай этому ты, Фракасторий, ибо я и Эльпин уже достаточно много рассуждали, а теперь мы будем вас слушать.

Ф р а к а с т о р и й. Мой дорогой Буркий, предположим, что ты находишься на месте Аристотеля, а я представляю собой идиота и деревенщину, который признается, что ничего не понимает из того, что утверждает Филотей, и из того, что говорит Аристотель, а вслед за ним и весь мир. Я верю большинству, верю во имя славы и величия перипатетического авторитета, восхищаюсь вместе с бесчисленной толпой божественностью этого демона природы ⁽⁴¹⁾; но именно благодаря этому я прихожу к тебе, чтобы ты меня обучил истине и освободил меня от мнений того, кого ты называешь софистом. И вот я тебя спрашиваю, на каком основании вы утвер-

ждаете, что существует такое колоссальное и, во всяком случае, большое различие или даже какое бы то ни было различие между небесными телами и теми телами, которые находятся вокруг нас?

Б у р к и й. Те божественны, а эти материальны.

Ф р а к а с т о р и й. Каким образом вы мне докажете и заставите верить, что те более божественны?

Б у р к и й. Ибо те непассивны и неизменны, нетленны и вечны, а эти, наоборот; те движутся круговым и совершенным движением, эти же прямолинейно.

Ф р а к а с т о р и й. Я бы хотел знать, на основании каких соображений вы считаете, что это единственное тело (которое ты считаешь состоящим из трех или четырех тел, но не считаешь организмом, членами которого являются эти тела) не движется, подобно другим подвижным звездам, принимая во внимание, что движение этих звезд для нас незаметно ввиду того, что они находятся за пределами известного расстояния. Если это тело движется, то движение его не может быть для нас заметно, ибо, как это заметили древние и современные наблюдатели природы и как это показывает тысячью способов чувственный опыт, мы можем заметить движение только посредством известного сравнения и соотношения с каким-либо неподвижным телом. Так, люди, находящиеся в середине моря на плавающем корабле, если они не знают, что вода течет, и не видят берегов, не заметят движения корабля. Ввиду этого

можно сомневаться относительно покоя и неподвижности земли. Я могу считать, что если бы я находился на солнце, луне или на других звездах, то мне всегда казалось бы, что я нахожусь в центре неподвижного мира, вокруг которого вращается все окружающее, вокруг которого вращается этот объемлющий меня мир, в центре которого я нахожусь. Вот почему я не уверен в различии между подвижным и устойчивым.

Что касается прямолинейного движения, о котором ты говоришь, то мы, конечно, не замечаем, чтобы это тело двигалось по прямой линии, как мы этого не видим и у других тел. Земля, если она движется, движется по кругу, подобно другим звездам, как это утверждали Гегезий, Платон и другие мудрецы и как это должен был признать и Аристотель и всякий другой. Когда мы замечаем, что на этой земле что-либо подымается или опускается, то это не относится ко всему шару, а лишь к известным частям его, и эти части не удаляются дальше пределов той области, которая заключает члены этого шара; в этой области, как в живом организме, происходят истечение и приток частей, их известное изменение и возобновление. Если то же самое происходит и на других звездах, то оно не должно быть для нас заметно; ибо если и на других звездах происходят испарения, перемены ветров, дождь, снег, гром и молния, засуха, плодородие, наводнение, рождение и смерть, то все эти явления,—если они происходят в других звездах,—не могут быть для

нас заметны. Ибо эти звезды заметны для нас только благодаря постоянному блеску, который излучают через громадное пространство их огненные, водные или облачные поверхности. Таким же образом и наша звезда заметна для тех, которые живут на других звездах, благодаря блеску, который излучает поверхность моря (а также и облачные тела, благодаря которым темные части луны нам кажутся не столь темными); поверхность нашей земли меняется только через большие промежутки эпох и столетий, в течение которых моря превращаются в континенты, а континенты в моря⁽⁴²⁾. Наше тело, следовательно, и те тела заметны только благодаря тому свету, который они излучают. Свет, который наша земля излучает на другие звезды, отличается не меньшим постоянством и неизменностью, чем свет подобных же звезд; и подобно тому как для нас незаметно прямолинейное движение и изменение частей звезд, так и для них незаметно всякое другое движение и изменение, которые происходят на нашей земле. И подобно тому как от земли, которая есть другая луна, различные части луны нам кажутся в различной степени освещенными, так и на луне, которая есть другая земля, различные части земли отличаются разнообразием форм своих поверхностей. И подобно тому как если бы луна была более удалена от нас, диаметр темных частей уменьшился бы, а светлые части соединились бы в одно и представили бы для нашего зрения маленькое светящееся тело, точно так же и земля, если бы была более удалена от луны, казалась бы

маленькой звездой. Отсюда мы можем заключить, что между бесчисленными звездами существует множество других лун, множество других земных шаров, множество других миров, подобных нашему; и их жителям кажется, что наша земля движется вокруг них, подобно тому как нам кажется, что они движутся и вращаются вокруг этой земли. Почему, следовательно, мы должны утверждать, что существует различие между телами и этой землей, когда мы всюду замечаем соответствие? Почему мы должны отрицать это соответствие, если ни разум и ни чувство не заставляют нас сомневаться в этом?

Б у р к и й. Вы следовательно, считаете, что тела не отличаются от нашего?⁽⁴³⁾

Ф р а к а с т о р и й. Я думаю—да; ибо то, что заметно у нас оттуда, заметно у них отсюда и наоборот. И там и здесь заметны маленькие тела, которые вблизи освещены лишь отчасти, а издали кажутся светлыми точками, которые тем меньше, чем дальше они друг от друга.

Б у р к и й. Но где же тот прекрасный порядок, та прекрасная лестница природы, по которой восходят от более грубого и плотного тела, какова земля, к менее плотному, какова вода, к тонкому, каков пар, к более тонкому, каков чистый воздух, к тончайшему, каков огонь, к божественному, каково небесное тело? От темного к менее темному, от ясного к более ясному и к самому ясному; от мрачного к светлому, от изменчивого и преходящего к тому,

что свободно от всякого изменения и разрушения; от наиболее тяжелого к тяжелому, от этого к легкому, от легкого к наиболее легкому, а от этого к тому, что не легко и не тяжело; от движущегося к центру к тому, что движется от центра, а от этих к тому, что движется вокруг центра?

Ф р а к а с т о р и й. Вы хотите знать, где этот порядок? Там же, где сны, фантазии, химеры и сумасбродства. Ибо, что касается движения, то все, что движется от природы, имеет круговое движение вокруг своего собственного центра или вокруг другого центра; я говорю круговое движение, рассматривая круг и круговое движение не просто в геометрическом смысле, а согласно тому правилу, которому следуют физические тела при перемене своих мест. Прямолинейное движение не свойственно по природе ни одному основному телу; ибо мы его замечаем лишь в тех частях, которые являются как бы выделениями, истекающими из мировых тел, в тех частях, которые притекают к родственным им сферам и составам. Это мы можем заметить на воде, которая в форме тумана, разреженного от жары, восходит вверх, но в своей собственной форме, сгущенной от холода, она спускается вниз, следуя законам движения, которые мы будем обсуждать на своем месте. Что же касается деления на четыре тела, которые называются землей, водой, воздухом, огнем, то я хотел бы знать, какая природа, какое искусство, какое чувство производит это деление, оправдывает его и доказывает?

Б у р к и й. Вы отрицаете, следовательно, это знаменитое деление на четыре элемента?

Ф р а к а с т о р и й. Я не отрицаю это деление, ибо я разрешаю каждому различать естественные вещи как ему угодно; но я отрицаю этот порядок, это расположение, а именно то, что земля окружена и покрыта водой, вода воздухом, воздух огнем, огонь небом. Ибо я утверждаю, что одно и то же охватывает и содержит все тела и великие сооружения, которые мы видим как бы рассеянными и разбросанными в этом обширном поле; каждое из этих тел, звезд, миров, вечных светил, составлено из того, что называется землей, водой, воздухом, огнем. Но поскольку в субстанции тела преобладает огонь, оно называется солнцем, которое само излучает свет; поскольку же преобладает вода, оно называется теллурическим телом, луной или другим подобным телом, которое получает свет от другого, как это было сказано выше. На этих, следовательно, звездах, или мирах, как мы их будем называть, эти различные части расположены, согласно разнообразным и различным составам, образуя скалы, пруды, реки, источники, моря, пески, металлы, пещеры, горы долины и тому подобные виды сложных тел, положений и фигур; им соответствуют у животных так называемые «разнородные» части, состоящие соответственно разнообразным и различным составам из костей, внутренностей, вен, артерий, мяса, нервов, легких,—органы, имеющие ту или иную фигуру которые образуют у животных свои горы и долины

ущелья, воды, жизненные духи, огни, где происходят события, соответствующие метеорологическим явлениям; таковы катарр, рожа, камни, головокружение, лихорадки и другие бесчисленные расстройства и привычки, которые соответствуют туману, дождю, снегу, зною, жаре, грому, молнии, землетрясению и ветрам, бурям на земле и на море. Если, следовательно, земля и другие мировые тела являются живыми существами не в меньшей степени, чем те, которые мы считаем таковыми, то они, конечно, существа, одаренные бóльшим и лучшим разумом. Каким образом хочет доказать Аристотель или другие, что воздух находится вокруг земли, а не внутри ее, когда нет ни одной части земли, в которую он не проникал бы; это, повидимому, подозревали древние мудрецы, когда они утверждали, что пустое охватывает все извне и проникает внутрь полного. Можете ли вы себе представить землю густой, плотной и твердой без воды, которая сочетает и соединяет части? Как вы можете считать, что земля тяжелее около центра, не признавая в то же время, что ее части там гуще и плотнее, каковое явление не может быть без воды, которая одна только способна склеивать части? Кто не видит, что повсюду из земли выступают острова и горы над водой? Они возвышаются не только над водой, но и над туманным и воздушным вихрем, заключенным между высокими горами, составляющим один из органов земли и придающим ей совершенную сферическую форму; отсюда ясно, что вода не в меньшей степени

входит во внутренность земли, чем соки и кровь в наши. Кто не знает, что в глубоких пещерах и впадинах земли скопляются главные массы воды? Если ты скажешь, что воды разливаются по берегам, то я отвечу, что они не составляют верхних частей земли, ибо все то, что ниже высочайших гор, должно считаться находящимся в углублении земли. Подобие этому представляют капли, рассыпанные по плоскости и сохраняющие свою форму; ибо внутренняя душа, которая все охватывает и заключается во всем, производит это действие, а именно: согласно свойству предмета она объединяет части, насколько она может. Предположение о том, что вода находится выше земли или вокруг нее, столь же неестественно, как если бы мы полагали, что соки нашего тела находятся вокруг тела или снаружи его. Ведь и скопления вод в середине кажутся более высокими, если глядеть на них от берегов и от тех мест, которые окружают их. Если бы части суши могли объединяться точно так же сами собой, то получилось бы то же самое; мы и замечаем, что они принимают сферическую форму, когда они склеиваются благодаря воде; ибо сухие части становятся соединенными и плотными лишь благодаря воде. Воды, следовательно, находятся во внутренности земли, и нет ни одной части земли, которая, будучи плотной и густой, не заключала бы больше частей воды, чем земли (ибо, чем плотнее какое-либо тело, тем теснее соединены его части и тем больше господствует в нем элемент, способный соединять в нем эти части).

Кто не согласится после этого, что скорее вода является основой земли, чем земля основой воды, что земля основана на воде, а не вода на земле? Я не говорю уже о том, что высота воды над поверхностью земли, на которой мы живем, называемая морем, не настолько велика, чтобы ее можно было сравнить со всею массою этой сферы; вода на самом деле не находится вокруг земли, как это думают неразумные, а внутри нее. Логика вещей или, может быть, привычка следовать за древними философами принудила Аристотеля признать в первой книге своей «Метеорологии», что обе нижние области беспокойного воздушного вихря прерываются и сжаты высокими горами и составляют как бы части или органы земли; земля же всегда окружена спокойным, прозрачным и ясным воздухом, сквозь который видны звезды и откуда можно видеть ветры, тучи, туманы и бури, приливы и отливы, которые происходят от жизни и дыхания этого великого живого существа и божества, которое мы называем землей; поэты⁽⁴⁴⁾ называют ее Церерой, Изидой, Прозерпиной или Дианой, которая на небе называется Люциной; они этим хотят указать, что она не отличается по своей природе от земли. Отсюда ты видишь, в какой степени добрый Гомер, когда он не спит⁽⁴⁵⁾, далек от того, чтобы утверждать, будто вода имеет свое естественное место сверху или вокруг земли, где нет ни ветров, ни дождей, ни туманов. И если бы он более внимательно наблюдал, он видел бы, что также и середина этого тела (если там имеется центр тяжести)

имеет больше воды, чем земли; ибо части земли обла-
дают тяжестью оттого, что они смешаны вместе с
частями воды; только вода дает им способность
и стремление спускаться по воздуху и находить свое
собственное место. Следовательно, какой урегулиро-
ванный опыт, какое истинное воззрение может согла-
ситься с таким разделением этих частей, которое
принимается грязной и слепой чернью, которое
одобряется теми, кто говорит без размышлений,
и проповедуется теми, которые много говорят и мало
думают. Кто может говорить, что это предложение
не истинно, но что оно сказано человеком без авто-
ритета и заслуживает насмешки, сообщено уважае-
мой знаменитой личностью в качестве мистерии или
параболы, которую надо истолковать метафорически,
что оно утверждается человеком, имеющим больше
смысла и разума, чем авторитета, в качестве скрытого
парадокса, которое вслед за Тимеем и Пифагором
и другими утверждает Платон, когда он говорит, что
мы живем в темных пещерах земли (46) и так же отно-
симся к животным, обитающим над землею, как рыбы
относятся к нам; ибо, подобно тому как рыбы жи-
вут в более густой и плотной влаге, чем наша, так
и мы живем в более туманном воздухе, чем те, кото-
рые живут в более чистой и спокойной области, и
подобно тому как океан является нечистой водой
по сравнению с воздухом, так и наш воздух является
туманом по сравнению с другим, действительно чи-
стым. Из всего этого я делаю следующий вывод: море,
источники, реки, горы, скалы и воздух, содержащий-

ся в них и заключающийся вплоть до средней области, как ее называют, суть не что иное, как части и различные органы того же самого тела, той же самой массы, аналогичные частям и членам организованных животных, которые мы обычно считаем таковыми; предел, выпуклость и крайняя поверхность этого тела ограничиваются крайними пределами гор и воздушными вихрями; так что океан и реки остаются в глубине земли, подобно тому как печень, которая считается источником крови, и разветвленные вены содержатся в наших внутренностях.

Б у р к и й. Следовательно, земля не является наиболее тяжелым телом и не образует середины, вокруг которой находится менее тяжелая вода, которая в свою очередь тяжелее воздуха?

Ф р а к а с т о р и й. Если ты судишь о тяжести по большей способности тела проникать в поры и стремиться к середине и центру, то я скажу, что воздух в одно и то же время наиболее тяжелый и наиболее легкий между всеми так называемыми элементами. Ибо, подобно тому как каждая часть земли, когда она получает свободное пространство, доходит до середины, так и части воздуха скорее движутся к середине, чем части какого-либо другого элемента; ибо воздух легче всего распространяется повсюду и заполняет пустоту. Не так быстро стремятся к своему месту части земли, которые обычно движутся лишь постольку, поскольку они проникают через воздух; ибо воздух, для того чтобы он проник куда-нибудь, не нуждается ни в земле, ни в воде, ни в ог-

не; ни один из этих элементов не предупреждает его и не превосходит его в скорости и в легкости, с которою он наполняет все промежутки какого-либо тела. Кроме того, если мы удалим землю, которая является твердым телом, воздух тотчас займет ее место; но земля не займет места воздуха, если мы удалим его. Следовательно, поскольку воздуху свойственно проникать в каждое место и в каждый уголок, постольку мы можем сказать, что нет тела более легкого, чем воздух, и что нет тела более тяжелого, чем воздух.

Б у р к и й. Но что ты скажешь о воде?

Ф р а к а с т о р и й. Я уже говорил о воде и повторяю, что она тяжелее земли, ибо мы видим, что она сильнее стремится спуститься вниз и проникать в землю, чем земля проникать в воду. Кроме того, земля, взятая сама по себе и без смешения с водою, плавает над водою и не способна проникать внутрь ее; она спускается только в том случае, если она пропитана водою и сгущена в одну массу и плотное тело; благодаря этой плотности и густоте земля приобретает способность проникать внутрь воды. Вода же, наоборот, никогда не спускается благодаря земле, но благодаря тому, что она уплотняется, сгущается и удваивает число своих частей, пропитывается сушей и соединяется с ней; вот почему мы видим, что ваза, полная совершенно сухой золы, наполняется бóльшим количеством воды, чем равная ей ваза, в которой ничего нет. Следовательно, суша как таковая остается наверху и плавает над водою.

Б у р к и й. Объясните мне это лучше.

Ф р а к а с т о р и й. Я повторяю: если бы мы удалили от земли всю воду, так что земля стала бы совершенно сухой, то отсюда с необходимостью следовало бы, что оставшееся тело было бы неустойчивым, разреженным, легко рассеивающимся по воздуху в форме бесчисленных мелких, не связанных между собою пылинок. То, что составляет непрерывное само по себе, это воздух; то, что составляет непрерывное благодаря связности, это вода, будет ли то, что связывается ею, прочным и сцепленным, или же оно будет иногда одним, а иногда другим. Если, следовательно, тяжесть есть не что иное, как связность и плотность частей, а части земли связываются между собой только благодаря воде, части которой, подобно частям воздуха, сами собою соединяются и обладают большею силою или даже исключительною силою соединять между собою части других тел,—в таком случае вода является наиболее тяжелым телом по сравнению с другими телами, которые лишь благодаря ей становятся тяжелыми и приобретают вес. Поэтому тех, которые говорят, что земля основана на водах⁽⁴⁷⁾, мы должны считать не безрассудными, а скорее очень умными.

Б у р к и й. Мы говорим, что в середине всегда надо принимать землю, как это утверждали многие в высшей степени ученые мужи.

Ф р а к а с т о р и й. И подтверждают безрассудные.

Б у р к и й. Что вы говорите о безрассудных?

Ф р а к а с т о р и й. Я говорю, что это утверждение не подтверждается ни опытом, ни разумом.

Б у р к и й. Разве мы не видим, что моря имеют свои приливы и отливы, а реки текут по поверхности земли?

Ф р а к а с т о р и й. Разве мы не видим, что источники, от которых берут начало реки и которые образуют пруды и моря, находятся во внутренности земли и выходят из внутренности земли? Вы должны с этим согласиться, если вы поняли то, что я вам много раз говорил.

Б у р к и й. Мы видим, что сначала вода спускается с воздуха и что эта вода образует источники.

Ф р а к а с т о р и й. Мы знаем, что вода, если она спускается с другого воздуха, чем тот, который составляет часть земли и принадлежит к ее органам, сначала, первоначально и целиком находится внутри земли и лишь производно, вторично и частным образом находится в воздухе.

Б у р к и й. Я знаю, ты настаиваешь на том, что действительную поверхность земли образует не море, а воздух, находящийся между высочайшими горами.

Ф р а к а с т о р и й. Это говорил и подтвердил ваш «князь философов», Аристотель.

Б у р к и й. Этот наш князь вне всякого сравнения более прославлен и знаменит и имеет больше последователей, чем ваш, о котором мы пока еще ничего не знаем. Вам поэтому может нравиться ваш князь, мне нравится мой.

Ф р а к а с т о р и й. Хотя бы он даже допустил вас умереть от холода и от голода, кормил вас ветром и заставил гулять босыми и нагими?

Ф и л о т е й. Помилуйте, не занимайтесь такими пустыми и бесплодными разговорами.

Ф р а к а с т о р и й. Мы так и сделаем. Что вы скажете, Буркий, относительно того, что вы слышали?

Б у р к и й. Я скажу, пусть будет что будет. Необходимо все же рассмотреть, что находится в середине этой массы, этой твоей звезды, этого твоего живого существа. Ибо если там находится чистая земля, то общепринятый порядок элементов является правильным.

Ф р а к а с т о р и й. Я изложил и доказал, что более разумно принимать там воздух или воду, чем землю; во всяком случае там не может быть земли без всякой примеси воды, которая образует ее основу; ибо мы видим, что части воды сильнее проникают в землю, чем части земли проникают в воду. Более, следовательно, правдоподобно и даже необходимо, чтобы внутри земли была вода, чем чтобы внутри воды была земля.

Б у р к и й. Что ты скажешь о воде, которая течет по поверхности земли?

Ф р а к а с т о р и й. Всякий может видеть, что это является благодетельным следствием самой воды; земля, после того как она уплотняется и сгущается благодаря воде, становится столь плотной, что она не может больше поглощать воды, которая в про-

тивном случае проникала бы до самых глубин сухой субстанции, как мы это видим на опыте. Необходимо, следовательно, чтобы в середине земли была вода, благодаря которой она приобретает прочность, соответствующую сначала воде, а не земле; ибо вода соединяет и скрепляет части земли и, следовательно, в большей степени обуславливает ее плотность, чем наоборот, земля является причиной связности и плотности частей воды. Если, следовательно, ты не считаешь середину земли составленную из земли и воды, то более правдоподобно и более соответствует разуму и опыту считать ее водою, чем землей. И если там имеется плотное тело, то больше оснований считать, что в нем преобладает вода, чем земля, ибо вода составляет причину плотности частей земли, в то время как жар разлагает землю (я не говорю о плотности, которая имеется в первом огне, которая разлагается от своего противоположного); вот почему, чем плотнее и тяжелее земля, тем больше в ней воды. Мы должны считать, что вещи, которые являются наиболее плотными, не только имеют больше воды, но, по существу, являются самой водой, как это видно при разложении наиболее тяжелых и плотных тел, каковы плавкие металлы. И действительно, в каждом твердом теле, которое имеет связанные между собою части, вода есть тот элемент, который соединяет и сцепляет эти части, начиная от самых мельчайших частей; так что земля, если она совершенно лишена воды, разлагается на атомы. Части воды соединены и без земли, в то время как

части земли не имеют никакой связи между собою без воды. Если, следовательно, среднее место предназначено для того элемента, который скорее всего стремится туда, то оно должно быть в первую очередь наполнено воздухом, проникающим повсюду, во вторую—водой, а в третью—землей. Если же это место предназначено для наиболее тяжелого, плотного и густого элемента, то оно должно быть в первую очередь наполнено водою, во вторую—воздухом, а в третью—землею. Если же будем считать землю сцепленную с водою, то оно в первую очередь будет наполнено землею, во вторую—водою, а в третью—воздухом. Таким образом среднее место будет наполнено различными элементами в соответствии с различными основаниями; но, согласно природе, ни один элемент не бывает без другого и нет ни одного члена земли, этого великого организма, в котором не были бы все четыре элемента или по крайней мере три.

Б у р к и й. Но подходите скорее к концу.

Ф р а к а с т о р и й. Я заключаю следующим: знаменитое общепринятое деление элементов и мировых тел есть сон, пустейшая фантазия, которая не подтверждается ни природою, ни разумом, которая не может и не должна быть. Достаточно знать, что существуют бесконечное поле и обширное пространство, которое охватывает все и проникает во все. В нем существуют бесчисленные тела, подобные нашему, из которых ни одно не находится в большей степени в центре вселенной, чем другое, ибо вселенная бесконечна, и поэтому она не имеет ни центра

ни края; ими обладают лишь отдельные миры, которые существуют во вселенной в таком виде, как я уже говорил, в особенности там, где доказал, что существуют некоторые определенные центры, каковы суть солнца и огни, вокруг которых вращаются все планеты, земли, воды, подобно тому как вокруг этого соседнего нам солнца вращаются эти семь планет. Также мы доказали, что каждая из этих звезд или этих миров, вращаясь вокруг собственного центра, кажется своим обитателям прочным и устойчивым миром, вокруг которого вращаются все звезды как вокруг центра вселенной. Так что нет одного только мира, одной только земли, одного только солнца; но существует столько миров, сколько мы видим вокруг нас сверкающих светил, которые в меньшей степени заключаются в этом небе, в едином всеохватывающем месте, чем этот мир, на котором мы обитаем. Но это небо, этот бесконечный и безмерный эфир, хотя и составляет часть бесконечной вселенной, тем не менее не является ни миром, ни частью миров, но оно есть лоно и вместительница, в котором эти тела суть, движутся, живут, прозябают, вступают во взаимодействие, производят, питают и поддерживают своих обитателей и животных и своим определенным расположением и порядком служат высшей природе, изображая лик единого бытия в бесчисленных изменчивых предметах. Так что каждый из этих миров является центром, к которому стремятся все его части и где расположены все родственные ему элементы, подобно тому как части

этой звезды стремятся к ее составу с известного расстояния с разных сторон и с разных областей. И так как каждая часть, которая вытекает из этого великого тела, притекает потом к нему обратно, то оно вечно, хотя и способно разлагаться; хотя, если я не ошибаюсь, необходимость этой вечности происходит от провидения, которое извне поддерживает его, а не вследствие его внутренней собственной достаточности. Но об этом я буду говорить в другой раз, приведя специальные доводы.

Б у р к и й. Другие миры, следовательно, так же обитаемы, как и этот?

Ф р а к а с т о р и й. Если не больше и не лучше, то во всяком случае не меньше и не хуже. Ибо разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесчисленные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей, подобных нашим или даже лучших; эти миры суть солнца или же тела, которым солнце посылает свои божественные и животельные лучи, обнаруживающие благоденствие своего носителя и источника тем, что приобщают к своей разлитой благодати все окружающие миры. Существует, следовательно, бесконечное множество бесчисленных и главных членов вселенной, имеющих тот же лик, образ, те же преимущества, силы и действия, как и наш.

Б у р к и й. Вы, следовательно, не находите никаких различий между одними и другими телами?

Ф р а к а с т о р и й. Вы уже много раз слы-

шали, что те, в составе которых преобладает огонь, обладают собственным светом и теплом. Те же, в составе которых преобладает вода и которые сами по себе темны и холодны, светят заимствованным светом. От этого различия и противоположности зависят порядок, симметрия, состав, мир, согласие, сочетание, жизнь. Следовательно, миры составлены из противоположностей⁽⁴⁸⁾, и одни противоположности, вроде земель и вод, живут и питаются другими противоположностями, а именно солнцами и огнями. Это, думаю, подразумевал тот мудрец, который говорил, что бог творит мир среди возвышенных противоположностей, и другой мудрец, который говорил, что все существует благодаря спору согласных между собой и любви спорящих⁽⁴⁹⁾.

Б у р к и й. Подобного рода утверждениями вы хотите перевернуть мир вверх дном.

Ф р а к а с т о р и й. Тебе кажется, что было бы плохо, если бы кто-нибудь захотел перевернуть вверх дном перевернутый мир?

Б у р к и й. Так вы желаете считать ничем все эти усилия, труды, занятия «о физических вопросах»⁽⁵⁰⁾, «о небе и мирах», относительно которых ломали себе головы столько великих комментаторов, парафрастов, глосаторов, составителей компендиев и сумм, схолиастов, переводчиков, составителей вопросов и теорем; на которых построили свои системы глубокие, тонкие, золоченые, великие, непобедимые, неопровержимые, ангельские, серафические, херувимские и божественные ученые?

Ф р а к а с т о р и й. Прибавь, ломающие скалы, разбивающие камни, вооруженные рогами и копытами⁽⁵¹⁾. Прибавь, глубоко видящие, палладоподобные, олимпийские, небесные, небесно-эмпирейские, гремящие.

Б у р к и й. Так мы должны, согласно вашему утверждению, всех их выбросить в нужник? Конечно, мир хорошо управлялся бы, если бы мы презрительно отбросили размышления столь великих и достойных философов!

Ф р а к а с т о р и й. Конечно, было бы несправедливо отнимать у ослов их сено и желать, чтобы их вкус был подобен нашему. Умы и интеллекты различаются не в меньшей степени, чем жизненные духи и желудки.

Б у р к и й. Так вы думаете, что Платон—невежда и Аристотель—осел и что их последователи—глупцы, дураки и фанатики?

Ф р а к а с т о р и й. Я не говорю, что эти жеребцы, а те ослы, что эти малые, а те большие обезьяны, как вы утверждаете обо мне; но, как я вам говорил сначала, я их считаю героями земли. Но я не хочу им верить без доказательств и соглашаться с их предложениями, неверность которых доказана ясно и отчетливо, как вы могли сами убедиться, если только вы не слепы и не глухи.

Б у р к и й. Но кто же будет судьей?

Ф р а к а с т о р и й. Каждый регулированный опыт и живое суждение, каждая скромная и менее упрямая личность, которая признает себя побежден-

ной и неспособной отстаивать доводы противников и противоречить нашим доводам.

Б у р к и й. Если даже я их и не сумею защитить, то это будет скорее следствием моих собственных недостатков, чем следствием недостатков их учения; но если вы их опровергнете вашими доводами, то это будет не следствием истины вашего учения, а благодаря вашим софистическим ухищрениям.

Ф р а к а с т о р и й. Если бы я считал, что я не понимаю причин явлений, я бы воздержался от суждения. Если бы я был настроен подобно вам, я бы считал себя ученым по вере, а не по знаниям.

Б у р к и й. Если бы ты был лучше настроен, то ты бы понял, что ты самонадеянный осел, софист, враг просвещения, палач души, любитель новостей, противник истины и подозрительный еретик.

Ф и л о т е й. До сих пор он выказал мало учености, теперь же он показал, что не обладает скромностью и лишен вежливости.

Э л ь п и н. Он имеет громкий голос и спорит более дерзко, чем обутые в башмаки с деревянной подошвой монахи⁽⁵²⁾. Мой дорогой Буркий, я очень хвалю твою твердость в вере. Ты уже с самого начала заявил, что если бы это было истиной, ты все же не желал бы верить.

Б у р к и й. Да, я предпочитаю быть невежественным со многими знаменитыми учеными, чем знать, быть ученым вместе с немногими софистами, каковыми я считаю этих твоих друзей.

Ф р а к а с т о р и й. Ты, повидимому, плохо

различаешь между учеными и софистами, если верить тому, что ты говоришь. Не бывают знаменитыми учеными те, которые невежественны, а те, которые знают, не бывают софистами.

Б у р к и й. Я знаю, что вы понимаете то, что я хочу сказать,

Э л ь п и н. Для нас было бы достаточно, если бы мы поняли то, что вы говорите, ибо вы сами с большим трудом понимаете то, что вы хотите сказать.

Б у р к и й. Идите, идите, более ученые, чем Аристотель; прочь, прочь, более божественные, чем Платон, более глубокие, чем Аверроэс, более рассудительные, чем большинство философов и теологов стольких эпох и стольких наций, которые комментировали Аристотеля, восхищались им и превозносили его до небес. Идите, идите, вы, о которых я не знаю, кто вы такие и откуда вы приходите и которые настолько дерзки, что плывете против течения, по которому плывет столько великих ученых.

Ф р а к а с т о р и й. Это еще лучший из всех доводов, которые вы приводите, если только это можно считать доводом.

Б у р к и й. Ты, конечно, был бы учнее, чем Аристотель, если бы только не был скотом, жалким человеком, нищим и несчастным, питающимся просом, умирающим с голоду, имеющим отцом своим портного, а матерью прачку, внуком сапожника Цекко, сыном Мома, почтальоном уличных девок, братом Лазаря, который делает подковы ослам. И вы, которые не на много лучше его, идите ко всем чертям!

Эльпин. Помилуйте, великолепный синьор, не утруждайте себя больше приходить к нам и ждите, пока мы придем к вам.

Фракасторий. Желать доказать истину разумными доводами подобного рода людям—это все равно, что мыть голову ослу различными сортами мыла и щелока; мыть его сто раз не приносит больше пользы, чем один раз. Употреблять тысячу сортов мыл все равно, что один, там, где безразлично быть ли мытым или немытым.

Филотей. Да, подобного рода голова после мытья более грязна, чем в начале мытья и до него; ибо чем больше воды и благовоний вы употребите на нее, тем больше будут подниматься пары из головы, и мы почувствуем зловоние, которого раньше не чувствовали; и это будет тем противнее, чем ароматнее будут жидкости, которые мы употребляли. Мы сегодня много говорили; меня радуют ваши способности, Фракасторий, и зрелость вашего суждения, Эльпин. Теперь, после того как мы говорили о бытии, числе и качестве бесконечных миров, хорошо будет, если мы завтра рассмотрим, существуют ли противоположные доводы и каковы они.

Эльпин. Мы так и сделаем.

Фракасторий. До свидания.

Конец третьего диалога

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ф и л о т е й. Бесконечные миры, следовательно, существуют не таким способом, каким воображают, что составлена эта земля, окруженная столькими сферами, из которых одни содержат одну звезду, а другие бесчисленное количество звезд; пространство таково, что через него могут пробежать все эти звезды, причем каждая из них такова, что она может двигаться самопроизвольно и вследствие внутреннего принципа, так что она всегда причастна подобающим вещам; каждая из этих звезд такова, что она достаточно велика и способна и достойна считаться миром; каждый из них обладает деятельным принципом и способом существовать, который обеспечивает непрерывное рождение и жизнь бесчисленных и превосходных индивидуумов. Если только мы поймем, что видимость мирового движения вызвана истинным ежедневным движением земли (подобное которому имеется также и в других подобных звезд

дах), то не будет оснований, которые принуждали бы нас считать все звезды одинаково далеко отстоящими от нас, как это думает чернь, которая полагает, что они пригвождены и прикреплены к восьмой сфере; никто не сумеет упрекать нас за наше убеждение, что расстояния этих бесчисленных звезд различаются в бесконечной степени, по длине радиуса. Мы тогда поймем, что круги и сферы не расположены во вселенной таким образом, что одни входят в другие, причем меньшие входят в большие, наподобие того как расположена кожура в луковице; мы поймем, что в эфирном поле тепло и холод, излучаемые небесными телами, умеряют друг друга, согласно различным степеням, так что в этих взаимодействиях мы можем усматривать ближайшие причины различных форм и видов бытия.

Э л ь п и н. Но, помилуйте, обратитесь теперь к опровержению противоположных доводов, в особенности Аристотеля, которые слепая толпа считает более прославленными и знаменитыми, чем совершенные доводы. Для того чтобы не опустить ни одного из них, я вам приведу все доводы и мнения этого жалкого софиста, и вы рассмотрите их по порядку.

Ф и л о т е й. Мы это сделаем.

Э л ь п и н. Надо рассмотреть, говорит он, в первой книге своего «О небе и мире» (53), существует ли другой мир кроме этого.

Ф и л о т е й. Относительно этого вопроса вы знаете, что он применяет понятие мира в другом смысле, чем мы; ибо мы прибавляем мир к миру и

звезду к звезде в этом обширнейшем эфирном лоне, что, по общему признанию, утверждали все те мудрецы, которые считали, что существуют бесчисленные и бесконечные миры. Он применяет название мира к агрегату различным образом расположенных элементов и фантастических кругов вплоть до выпуклости первого движимого, которое обладает совершенной круглой формой и увлекает все в своем быстром движении вокруг центра, около которого мы обитаем. Поэтому было бы пустым и детским препровождением времени, если бы мы хотели разобрать по порядку все эти фантазии; но будет хорошо и необходимо, если мы разберем те его доводы, которые противоречат нашим взглядам, и не обратим внимания на те доводы, которые им не противоречат.

Ф р а к а с т о р и й. Но что мы ответим тем, которые упрекают нас, что мы употребляем в своих спорах двусмысленные понятия?

Ф и л о т е й. Мы ответим следующее: во-первых, в этом виноват и тот, который применяет понятие мира не в собственном смысле слова, воображая себе фантастическую телесную вселенную. Во-вторых, наши ответы будут правильны, все равно будем ли мы употреблять понятие мира в смысле наших противников или же согласно истине. Ибо там, где они предполагают точки последней окружности этого мира, центром которого является наша земля, там мы можем предполагать точки других бесчисленных земель, которые находятся по ту сторону этой воображаемой окружности; ибо они там существуют в дей-

ствительности, хотя и не в согласии с воображаемым представлением наших противников, которое, каково бы оно ни было, ничего не прибавляет и не отнимает от количества вселенной и числа миров.

Ф р а к а с т о р и й. Вы говорите хорошо! Продолжайте дальше, Эльпин.

Э л ь п и н. «Всякое тело,—говорит он,—или движется или стоит на месте; это движение или покой может быть или естественным или насильственным. Далее, всякое тело к тому месту, где оно покоится по своей природе, а не вследствие насилия, движется по своей природе, а не вследствие насилия; и туда, куда оно не движется вследствие насилия, там оно покоится по своей природе; таким образом, все то, что насильственно движется вверх, по своей природе движется вниз и наоборот. Отсюда вытекает, что не может быть множества миров; ибо, если земля, которая находится вне этого мира, будет двигаться к центру этого мира насильственно, тогда земля, которая находится в этом мире, будет двигаться к центру того мира естественно; а если ее движение от центра этого мира к центру того мира будет насильственно, то ее движение от центра того мира к центру этого мира будет естественно. Причина этого следующая: если существует множество земель, то необходимо признать, что сила одной подобна силе другой; точно так же сила этого огня подобна силе того огня. В противном случае части тех миров были бы подобны частям этого мира только по имени, но не по бытию; следовательно, тот мир не был бы подобен

нашему миру, а имел бы с ним общим только название. Далее, все тела, которые имеют одну и ту же природу и принадлежат к одному и тому же виду, имеют одно и то же движение; ибо каждое тело естественно движется в каком-либо направлении. Если, следовательно, там существуют земли, подобные нашей и принадлежащие к тому же виду, что и наша, то они будут иметь то же самое движение, как и, наоборот, там, где существует то же самое движение, существуют и те же самые элементы. Но если дело обстоит так, то с необходимостью земля того мира будет двигаться к земле этого мира и огонь того мира к огню этого мира. Отсюда следует, что земля не менее естественно движется вверх, чем вниз, и огонь не менее естественно вниз, чем вверх. Но поскольку это невозможно, постольку следует считать, что существует лишь одна земля, один центр, одна середина, один горизонт, один мир».

Ф и л о т е й. На это мы ответим, что, подобно тому, как в этом бесконечном пространстве вселенной наша земля движется по своему пути и занимает свою область, так и другие звезды движутся по своим путям и занимают свои области в безмерном поле. И подобно тому как эта земля состоит из своих членов, имеет свои изменения, свои приливы и отливы в своих частях (как мы это видим у животных, соки и части которых непрерывно меняются и движутся), так и другие звезды состоят из своих собственных, подобным же образом расположенных членов. И подобно тому как эта земля, если она движется со-

гласно своей природе, обладает круговым движением, движется вокруг своего собственного центра и вращается вокруг своего солнца, точно так же и все эти остальные мировые тела обладают подобным же движением. И отдельные части их, которые случайно удаляются от своего места (поскольку они не являются главными частями или членами их), естественно возвращаются по своему собственному импульсу обратно, подобно тому как здесь части суши и воды, которые под влиянием солнца и земли удаляются в форме выделенных паров к верхним областям этого тела, возвращаются обратно, как только они получают свою собственную форму. Таким же образом части тех тел не в большей степени удаляются за пределы известной области, чем наши; это станет очевидно, если мы рассмотрим материю комет, не принадлежащих к нашему шару. Таким же образом и части одного животного, хотя бы они относились к тому же виду, что и части другого животного, тем не менее, поскольку они принадлежат к различным индивидуумам, никогда не чувствуют склонности обмениваться местами: так, например, моя рука никогда не будет подходить к твоему плечу, а твоя голова к моему туловищу. В этом смысле мы можем сказать, что существует подобие между всеми звездами, между всеми мирами и что наша земля имеет такое же соотношение к другим землям. Отсюда ни в коем случае не вытекает, что там, где существует этот мир, должны быть и другие миры и что они должны быть расположены в том же месте; можно очень хорошо

предполагать, что, подобно тому как эта земля существует в своем месте, так и все другие существуют в своих местах; и подобно тому как эта не движется к месту других, так и другие не движутся к месту этой; подобно тому как эта отличается по своей материи и другим индивидуальным свойствам от других, так и другие отличаются от этой. Точно так же и части этого огня движутся к этому огню, как части того огня к тому огню; а части этой земли движутся к этой всей земле, как части той земли к той всей земле. Подобным же образом части земли и воды, находящиеся на луне, двигались бы против своей природы и насильственно к нашей земле, как и наоборот, части нашей земли к луне. Та земля столь же естественно вращается по своему пути и остается в своей области, как и наша; части той земли относятся к той земле, как наши к нашей; так же обстоит дело и с частями воды и огня. «Низ», нижнее место, этой земли не является какой-либо точкой эфирной области, находящейся вне земли (как это бывает с частями, находящимися вне своей собственной сферы), а он находится в центре своей собственной массы или округленности или тяжести. Таким образом «низ» этой земли не является каким-либо местом вне ее, но он ее собственная середина, ее собственный центр. «Верх» для этой земли есть все то, что находится на ее окружности и за пределами этой окружности; поэтому части той земли так же насильственно удаляются за пределы ее окружности и естественно стремятся к ее центру, как и части этой земли насиль-

ственно от нее удаляются и естественно стремятся к своему собственному центру. Вот каким образом надо понимать истинное подобие между этой и другими землями.

Э л ь п и н. Вы говорите прекрасно; ибо, подобно тому как невозможно, чтобы какое-либо из этих живых существ, вместо того чтобы сохранить свое собственное существование в соответствующем месте и в соответствующих обстоятельствах, стремились и пребывало в том месте, где находится другое, точно так же невозможно, чтобы части земли стремились и двигались к месту, где находятся части другой земли.

Ф и л о т е й. Это, конечно, подразумевается только относительно тех частей, которые являются действительно частями; ибо что касается первых неделимых тел, из которых все составлено, то надо полагать, что они претерпевают изменения в безмерном пространстве, вследствие которых они вытекают из одного места и притекают в другое место. И если они вследствие божественного провидения в действительности не образуют новых тел и не разлагают старых, то все же они обладают этой способностью. Ибо на самом деле мировые тела способны разлагаться⁽⁵⁴⁾; но они могут оставаться вечно теми же самыми вследствие внутренних сил или вследствие внешних обстоятельств, ввиду того что атомы притекают к ним в таком же количестве, в каком они из них вытекают; таким образом они остаются постоянно в том же самом количестве, подобно тому как и мы сохра-

няем свою телесную форму, хотя мы и возобновляем в каждый момент, час и день разные части нашего тела, поглощая и переваривая разные вещества.

Э л ь п и н. Об этом мы будем говорить в другой раз. Но теперь я вполне понимаю, что, подобно тому как всякая другая земля должна была бы насильственно двигаться к этой земле для того, чтобы достигнуть ее места, так и наша земля лишь насильственно могла бы двигаться к одной из тех земель. Ибо, подобно тому как от каждой части нашей земли можно двигаться вверх к ее окружности или к гемисферическому горизонту эфира, так и от каждой части поверхности другой земли можно двигаться вверх к нашей, ибо наша земля находится в окружности той земли, как и та земля в окружности нашей. Я признаю, что хотя те земли имеют ту же природу, что и наша, тем не менее отсюда не следует, что они относятся к тому же самому центру; ибо центр той земли не является центром нашей и окружность той земли не является окружностью нашей, подобно тому как моя душа не является вашей, тяжесть моих частей тела не является тяжестью ваших частей тела; хотя все эти тела, тяжести и души имеют то же самое название и принадлежат к тому же самому виду.

Ф и л о т е й. Хорошо. Но если бы части той земли приблизились к этой земле, то не надо считать невозможным, что они получают импульс к этой земле; хотя обычно мы не наблюдаем подобного явления в животных и в различных индивидуумах,

принадлежащих к тому же самому виду, за исключением того случая, когда одно из них питается другим и увеличивается за счет другого и когда одно превращается в другое.

Э л ь п и н. Это хорошо. Но что ты скажешь, если вся та сфера приблизится к нашей столь близко, что от нее станут удаляться те ее части, которые имеют склонность возвращаться обратно к ее составу?

Ф и л о т е й. Если мы примем, что значительные части земли удалятся за пределы той окружности ее, вокруг которой находится чистый и прозрачный воздух, то я охотно соглашусь, что они могут естественно вернуться к своему месту; но они не могут вступить целиком в любую сферу, точно так же как и части другой сферы не могут естественным образом спускаться, а лишь насильственно подниматься; точно так же и части нашей земли не могут естественным образом спускаться к той земле, а лишь насильственно подниматься от нашей. Ибо для всех мировых тел нахождение вне их окружности есть «верх», а их внутренний центр есть «низ», и понятие центра, к которому естественным образом стремятся их части, определяется не внешним пунктом, а внутренним. Этого не поняли те, которые представляют себе некоторый предел вселенной и, неправильно ее определяя, считают, что центры мира и нашей земли совпадают. Знаменитые математики нашего времени показали противоположное: они нашли, что центр земли не отстоит одинаково далеко от воображаемой окружности мира. Другие, еще более

мудрые ученые, признав движение земли, нашли, не только благодаря разумным доводам своей науки, но также и вследствие известного естественного основания, что земля столь же удалена от центра, как и солнце, по крайней мере от центра мира и вселенной, которые мы видим нашими глазами; это воззрение более разумно, связано с меньшими затруднениями и образует теорию, которая в большей степени согласна с фактором регулярного движения блуждающих тел вокруг центра. Таким образом, исходя из их собственных принципов, можно было бы легко открыть неправильность утверждений Аристотеля о тяжести нашей земли, различии этого места от других, одинаковой отдаленности бесчисленных миров, которые мы видим за пределами так называемых планет, и о высшей степени быстром движении всех мировых тел вокруг нашей земли; исходя из его принципов, можно было бы доказать, что правильнее принимать вместе с нами, что земля вращается вокруг себя; во всяком случае, значительные трудности, которые вытекают из предпосылок Аристотеля, должны были бы сделать подозрительным его мировоззрение для его сторонников. Возвращаясь к нашему исходному положению, повторяю, что ни целое, ни часть целого не движутся к центру другого целого, хотя бы одна звезда приблизилась к другой столь близко, что поверхности или точки их окружности касались бы между собою.

Э л ь п и н. Заботливая природа позаботилась о противоположном, так как в противном случае

одно тело разрушило бы другое, холодное и влажное уничтожились бы теплым и сухим, в то время как при правильном распределении их расстояния одно живет и питается другим. Кроме того, подобное тело мешало бы другому подобному получать от него соответствующее полезное действие, которое несходное дает и получает от несходного: так, мы видим, что промежуточное положение другой земли, называемой луной, между нашей землей и солнцем, угрожает нам немалую опасность. Но что же было бы, если бы луна была еще ближе к земле и могла бы нас лишать тепла и жизненного света на еще более продолжительный срок?

Ф и л о т е й. Вы говорите хорошо. Продолжайте дальше относительно Аристотеля.

Э л ь п и н. Аристотель приводит дальше мнимый ответ противников, который гласит, что отдаленные тела не могут двигаться друг к другу, ибо, поскольку они удалены друг от друга, постольку они получают другую природу. Против этого он возражает, что большее или меньшее расстояние не может менять природы тел.

Ф и л о т е й. Это, если понимать как следует, вполне правильно. Но мы отвечаем другим образом и приводим другие соображения, почему одна земля не может двигаться к другой, как бы она ни была близка к ней или далека от нее.

Э л ь п и н. Я это понял. Но мне кажется, кроме того, правильным то, что, повидимому, утверждали древние, говоря, что тело становится менее

дейтельным вследствие увеличения расстояния (они это называли на своем языке обычно свойством или природой тела); ибо части должны преодолевать большее сопротивление воздуха и поэтому менее способны преодолевать окружающую их среду и спускаться вниз.

Ф и л о т е й. Конечно, наблюдения подтверждают это относительно частей нашей земли, ибо последние, отдалившись на известное расстояние, стремятся обратно к своему составу; и чем больше они к нему приближаются, тем с большей скоростью они движутся⁽⁵⁵⁾. Но мы говорим теперь о частях другой земли.

Э л ь п и н. Но, поскольку эти земли подобны друг другу, что случилось бы, если бы они стали еще ближе? Не будут ли привлечены их внешние части с одинаковой силой той и другой землей и не начнут ли они вследствие этого подниматься или опускаться?

Ф и л о т е й. Из неправильных предпосылок вытекает неправильное следствие. Но, не говоря об этом, я утверждаю, что части, находящиеся на одинаковом расстоянии от различных земель, или остаются в покое, или решаются приблизиться к одному месту, по отношению к которому можно сказать, что они спускаются, в то время как по отношению к другому они поднимаются.

Э л ь п и н. Но каким образом части одного основного тела будут двигаться к частям другого основного тела, если они одинаковы по виду? Ведь

мы видим, что части и члены одного человека не могут включаться и прикрепляться к частям другого человека.

Ф и л о т е й. В основном и первичном смысле это верно, но в производном и вторичном смысле часто бывает противоположное. Ибо мы сами видели, что мясо одного человека было прикреплено к тому месту, где был нос другого (56). Я убежден, что и ухо одного человека можно легко прикрепить к тому месту, где было ухо другого.

Э л ь п и н. Такого рода хирургическая операция производится, наверное, не часто.

Ф и л о т е й. Конечно.

Э л ь п и н. Я возвращаюсь к предмету нашего исследования. Если бы камень был подвешен в воздухе на расстоянии, одинаково далеко отстоящем от двух земель, то что бы с ним случилось? Оставался ли бы он на месте, или же он скорее решился бы двинуться к одному месту, чем к другому?

Ф и л о т е й. Я говорю: если бы камень находился в одинаковом положении к обоим телам и то и другое относились бы к нему одинаково и были бы к нему одинаково расположены, то решение оставалось бы сомнительным; равновесие обеих сил было бы причиной того, что он оставался бы на месте и не мог бы решиться двинуться скорее к одному, чем к другому, и он не испытывал бы большего стремления к одному, чем к другому. Но если одно тело имеет более родственную природу с ним и более соот-

ветствует его стремлению к самосохранению, то он решится спуститься к нему кратчайшим путем. Ибо основным мотивом является не собственная сфера и не собственный состав, а стремление к самосохранению; так, мы видим, что пламя стелется по земле, склоняется вниз и подбирается к соседнему месту, где оно может получить питание, но потом оно подымается вверх, к солнцу, к которому оно не могло бы подняться, если бы не окрепло по дороге.

Э л ь п и н. Но что ты скажешь относительно утверждения Аристотеля, что части и родственные тела, как бы далеко они ни отстояли друг от друга, все же стремятся к своему целому и подобному?

Ф и л о т е й. Кто не видит, что это противоречит всякому разуму и опыту? Это ясно из того, что сказано. Конечно, части, находящиеся за пределами своего собственного шара, движутся к подобным им веществам, хотя бы они не находились с ними в первоначальной и основной связи; они движутся также и к другим, которые различаются от них по виду, лишь бы они способствовали их сохранению и питали бы их. Ибо внутренний основной импульс происходит не от отношений, которое тело имеет к определенному месту, определенной точке и сфере, но от естественного импульса искать то место, где оно может лучше и легче сохранить себя и поддержать свое настоящее существование; ибо к этому одному стремятся все естественные вещи, каким бы неблагодарным ни было это стремление. Так, мы видим,

что больше всего стремятся жить и боятся умереть те люди, которые не обладают светом истинной философии, не знают иного бытия, кроме настоящего, и думают, что за этой жизнью не может следовать иная, которая бы к ним относилась. Ибо они не дошли до понимания того, что жизненный принцип не является случайным событием (57), происходящим от известного состава тела, но что он является неделимой и неразложимой субстанцией, которой (если она не терпит расстройств) не подходит ни стремление к самосохранению, ни страх гибели; такого рода стремление подходит лишь к составным телам, поскольку их состав является случайным, согласно известной симметрии. Ибо ни духовная субстанция, которая объединяет, ни материальная субстанция, которая объединяется, не могут претерпеть какие-либо изменения или страдания и, следовательно, не стремятся к самосохранению; поэтому таким субстанциям не соответствует какое-либо движение, а только сложным. Вы согласитесь с этим, если поймете, что тяжесть или легкость не относятся к мирам, или к частям их, ибо эти различия являются не абсолютными, а только относительными. Далее, из изложенного нами выше, что вселенная не имеет предела и края, но безмерна и бесконечна, вытекает, что основные тела по отношению к какой-либо середине или краю не могут двигаться прямолинейно, ибо они находятся в одном и том же отношении ко всем краям, находящимся вне их окружности; поэтому прямолинейным движением обладают

лишь их собственные части, но не по отношению к какой-либо другой середине или центру, а по отношению к их собственному содержанию, составу и совершенству; но об этом я буду говорить в свое время и в своем месте.

Возвращаясь к нашему спорному положению, я утверждаю: Аристотель, исходя из своих собственных положений, не может доказать, что всякое тело, как бы оно ни было отдалено, имеет склонность вернуться обратно к своему составу и подобному веществу; так, он думает, что кометы состоят из телесной материи, которая в форме испарений подымается вверх ⁽⁵⁸⁾ и достигает зажигающей области огня; там ее части теряют свою способность спуститься к земле и, будучи подхвачены силою первого движимого, движутся вокруг земли, хотя они и не состоят из пятой сущности, но являются земными телами, в высшей степени тяжелыми, плотными и густыми. Это видно из того, что кометы появляются после долгих промежутков и оказывают длительное сопротивление крепкому и сильному жару огня, так что они горят часто больше одного месяца; так, в наши дни видна была комета в течение 45 дней ⁽⁵⁹⁾. Но если бы расстояние не уничтожило силы тяжести, то вследствие какой причины такое тело не только не падает вниз и не стоит на месте, но даже кружится вокруг земли? Он говорит, что оно кружится не само по себе, но потому, что оно подхвачено первым движением; но я возражаю на это, что таким же образом и каждое из его небес и звезд

(которые, согласно ему, не тяжелы, не легки и не состоят из какой-либо подобной материи) также подхватывается первым двигателем. Я не говорю уже о том, что именно кометы обладают особенным движением, которое не соответствует ни ежедневному движению земли, ни движению других звезд.

Эти доводы являются наилучшими для того, чтобы опровергнуть Аристотеля, исходя из его собственных принципов. Мы не будем говорить сейчас об истинной природе комет; об этом будем говорить в другом месте, где докажем, что подобного рода вспышки не происходят в сфере огня, ибо в таком случае кометы должны были бы вспыхнуть со всех сторон, так как они находятся во вспыхнувшем воздухе, как они говорят, или в сфере огня, всей своей окружностью и всей поверхностью своей массы; но мы видим, что они вспыхивают лишь с одной стороны. Отсюда мы можем заключить, что так называемые кометы являются видами звезд, как это утверждали и понимали древние ⁽⁶⁰⁾; будучи такого рода звездой, комета вследствие своего собственного движения приближается к нам и отдаляется от нас, и, по мере того как она приближается, нам кажется, что она растет и как бы вспыхивает, по мере же того как она отдаляется, нам кажется, что она уменьшается и как бы гаснет. Подобного рода комета не движется вокруг земли, но обладает своим собственным движением, которое не имеет отношения к ежедневному движению земли, в силу поворота которой все эти светила, находящиеся за пределами земной окружности, вос-

ходят на востоке и заходят на западе. Невозможно, чтобы земное и столь большое тело могло быть подхвачено и удержано жидким воздухом и тонким эфиром, который не оказывает никакого сопротивления; это противоречило бы природе кометы; кроме того, движение кометы, если бы оно зависело только от первого движимого, подхватывающего комету, не было бы похожим на движение планет; а между тем движение комет в такой степени похоже на движение планет, что их считают имеющими иногда природу Меркурия, иногда луны или Сатурна, или же других планет. Но об этом мы будем говорить подробнее в своем месте. Но и сказанного достаточно, чтобы опровергнуть следующий аргумент Аристотеля. Он утверждает, что от большего или меньшего расстояния какого-либо тела нельзя заключать о большей или меньшей способности его к движению, которое он называет собственным или естественным движением тел. Но это не соответствует истине; нельзя утверждать, что собственное или естественное движение тела состоит в такой способности, которая ему не соответствует. Поэтому, если части какого-либо тела, находясь за пределами известного расстояния от него, никогда не движутся к нему обратно, то нельзя утверждать, что для них было бы естественно подобного рода движение.

Э л ь п и н. Кто над этим подумает, тот увидит, что все принципы Аристотеля противоречат истинным принципам природы. После этого он приводит следующее возражение: «Если движение про-

стого тела естественно для него, то все простые тела, находящиеся в разных мирах и принадлежащие к одному и тому же виду, будут двигаться к одному и тому же центру или к одному и тому же краю».

Ф и л о т е й. Вот этого ему никогда не удастся доказать, а именно будто бы все они должны двигаться к одному и тому же особенному и индивидуальному месту. Ибо из того, что тела принадлежат к одному и тому же виду, можно выводить лишь то, что они стремятся к месту того же самого вида и к центру того же самого вида, который является их собственным центром; но нельзя и не нужно отсюда выводить, что они стремятся к одному и тому же месту по числу.

Э л ь п и н. Он как будто сам предчувствовал возможность этого ответа; и поэтому он изо всех сил стремится доказать, хотя и тщетно, что численное отличие не может быть причиной отличия мест.

Ф и л о т е й. Вообще мы наблюдаем противоположное. Но скажите, каким образом он это доказывает?

Э л ь п и н. Он говорит: если бы численное отличие тел было причиной различия мест, то каждая из частей этой земли, различных по числу и по тяжести, должна была бы стремиться в том же самом мире к своему собственному центру. Но это невозможно и не соответствует порядку природы, так как в таком случае земля имела бы столько

же центров, сколько существует индивидуумов и частей ее.

Ф и л о т е й. Но посмотрите, что это за жалкое доказательство! Посмотрите, могут ли они вас хотя бы на йоту сдвинуть с противоположной позиции или, наоборот, они вас лишь укрепят в ней! Кто сомневается в том, что нельзя принять одного центра для всей массы, для всего тела и организма, к которому относятся все части, благодаря которому они объединяются и который служит их основанием; возможны бесчисленные центры, соответственно бесчисленному множеству частей, каждая из которых предполагает свой центр? Так, в человеке мы имеем один общий центр, который называется сердцем; кроме того, мы имеем множество других центров, согласно множеству частей, из которых сердце имеет свой центр, легкие—свой, печень—свой, голова, рука, нога, каждая кость, каждая вена, каждый орган и каждая частичка, составляющие различные органы и занимающие различные и определенные места, имеют свои центры как внутри целого организма, так и по отношению к отдельному члену его.

Э л ь п и н. Обратите внимание, что его можно понять и таким образом, что он не хочет утверждать просто, будто каждая часть имеет свой центр, но что каждая часть имеет центр, к которому она движется.

Ф и л о т е й. В конечном счете это сводится к одному и тому же; ибо не требуется, чтобы все части

животного стремились к одному и тому же центру— это невозможно и несообразно,—но лишь то, чтобы они относились к нему благодаря единству частей и организации целого. Ибо жизнь и связь делимых частей состоят не в чем ином, как в надлежащем объединении частей, которые всегда относятся к одному конечному пределу, который можно считать их серединой или центром. Части благодаря организации целого относятся к одному центру; благодаря же организации отдельного члена частички его относятся к своему частному центру; так, например, печень в такой же степени состоит из объединения своих частей, как легкие, голова, ухо, глаз и другие органы состоят из своих частей. Вот почему существование многих центров, согласно многим частям и частичкам частей, если тебе угодно, не только не представляет ничего несообразного, но вполне соответствует природе; ибо каждая из этих частей существует и организована благодаря существованию и организации других частей. Но, право, не стоит так долго заниматься таким пустым вздором, какой приводит этот философ.

Э л ь п и н. Приходится им заниматься ввиду той репутации, которую он приобрел, правда, не столько благодаря тому, что его поняли, сколько благодаря тому, что его не поняли. Но помилуйте, посмотрите, как этот прекрасный человек доволен своей аргументацией! Посмотрите, с каким триумфом он заключает следующими словами: «Если, следовательно, противник не может противоречить этим до-

казательствам и доводам, то отсюда с необходимостью вытекает, что есть только один центр и один горизонт».

Ф и л о т е й. Прекрасно сказано, продолжайте дальше.

Э л ь п и н. После этого он доказывает, что простые движения конечны и определены, ибо на этом было основано его утверждение, что есть только один мир и что простые движения имеют свое особое место. Он говорит: «Все движущееся движется от одного известного предела к другому известному пределу; и всегда бывает видовое отличие между пределом, откуда начинается всякое изменение, и пределом, где оно кончается, так как всякое изменение конечно; таковы болезнь и здоровье, малое и большое, туда и сюда; ибо то, что выздоравливает, стремится не куда угодно, а к здоровью. Земля, следовательно, и огонь не могут двигаться до бесконечности, но лишь к определенным пределам, отличным от тех мест, от которых они движутся; ибо движение вверх не есть движение вниз, а оба эти места образуют границы движений. Следовательно, прямолинейное движение определено. Не менее определено и круговое движение; ибо и оно движется от определенного предела к определенному пределу, от противоположного к противоположному, если будем рассматривать различие движения, заключающееся в диаметре окружности; ибо в движении всей окружности нет противоположности (поскольку оно заканчивается в той же точке, где начинается), но противополож-

ность заключается в движении частей, поскольку оно совершается от одного диаметра к другому, противоположному ему».

Ф и л о т е й. Нет никого, кто бы оспаривал или сомневался в том, что движение определено и конечно, согласно этим основаниям; но неверно то, что оно просто определено как движение кверху или книзу, как мы это уже говорили и доказывали несколько раз. Ибо всякая вещь движется безразлично туда или сюда, к месту своего самосохранения. Кладя в основу даже принципы Аристотеля и ему подобные, мы скажем: если бы ниже земли было другое тело, то части земли оставались бы там насильственно, а по своей природе подымались бы оттуда вверх. И Аристотель не будет отрицать, что, если бы некоторые части огня находились над его собственной сферой, например, там, где думают, что находится небо или купол Меркурия, то они по своей природе спустились бы вниз. Вы видите, следовательно, насколько естественно определяются верх и низ, тяжесть и легкость, после того как вы убедились, что все тела, где бы они ни были и куда бы они ни двигались, стремятся по возможности к месту своего самосохранения, где и остаются. Если, следовательно, и верно, что всякая вещь движется к своей середине, от своего предела и к своему пределу и что всякое движение, прямолинейное или круговое, определено от противоположного к противоположному,—то отсюда все же не следует, что вселенная конечна по своей величине или что мир один; его бесконечность не нару-

шается простым движением всякого частного акта, в силу которого этот дух, как мы его назовем, входящий в этот состав, объединяет и оживляет его, может бесконечно переходить от одного тела к другому, приводя частицы в бесконечное движение. Вполне возможно, следовательно, что всякое движение конечно (говоря о настоящем движении, но не в абсолютном смысле слова, о движении всех частей и в целом), но что миров бесконечное множество, причем каждый из этих бесконечных миров конечен и имеет конечную область, каждый из них имеет определенные пределы как для своего движения, так и для движения своих частей.

Э л ь п и н. Вы говорите хорошо. Что ваши рассуждения не доставляют никаких затруднений для нас и ни в каком смысле не благоприятны для Аристотеля, доказывает он сам, говоря: «Что движение не может быть бесконечным, видно из того, что земля и огонь, чем больше они приближаются к своим сферам, тем скорее они движутся; поэтому если бы движение было бесконечным, то быстрота, легкость и тяжесть стали бы бесконечными».

Ф и л о т е й. На здоровье!

Ф р а к а с т о р и й. Да. Но мне это кажется проделками фокусника; ибо атомы имеют бесконечное движение, занимая последовательно различные места в различное время, притекая к одному месту и вытекая из другого, присоединяясь к тому или другому составу, образуя различные конфигурации в безмерном пространстве вселенной, и таким образом

совершают бесконечное местное движение, пробстают бесконечное пространство и претерпевают бесконечные изменения. Но из этого не следует, что они приобретают бесконечную тяжесть, легкость или скорость.

Ф и л о т е й. Не будем говорить о движении первых частей и элементов, а будем рассматривать движение только тех частей, которые принадлежат к определенным видам бытия, т. е. субстанции, например, частей земли как земли. О них можно действительно сказать, что в тех мирах, в которых они существуют, в тех областях, в которых они вращаются, и в той форме, которую они имеют, они движутся от определенного предела к определенному пределу. Но отсюда заключение, что вселенная конечна, а мир один, вытекает с такой же необходимостью, с какою вытекают предложения вроде следующих: следовательно, обезьяны рождаются без хвоста, совы видят ночью без очков, летучие мыши прядут шерсть. Когда мы говорим об этих частях, то нельзя делать и такого заключения: вселенная бесконечна и существует бесконечное множество земель,—следовательно, часть земли может двигаться бесконечно и должна иметь к бесконечно отдаленной земле бесконечный импульс и обладать бесконечной тяжестью. Такого заключения нельзя делать по двум причинам: во-первых, так как вселенная состоит из противоположных тел и принципов, то такого перехода не может быть—такая часть не сумеет пробежать через эфирную область, так как она раньше

будет побеждена противоположностью и потеряет способность дальнейшего движения; такая субстанция не будет больше землей, ибо, будучи побеждена противоположностью, она изменит свой состав и облик. Во-вторых, опыт нас учит, что при бесконечном расстоянии тело не может быть тяжелым или легким; как говорят, части не могут получить такого импульса, если они не находятся внутри области, принадлежащей к их собственному составу; если же они будут в этой области, то они не будут больше двигаться, подобно тому как жидкие соки (которые в животном организме движутся от внешних частей к внутренним, от верхних к нижним, подымаясь и опускаясь и передвигаясь от одной части к другой), находящиеся за пределами своего собственного состава, теряют свои силы и естественный импульс, как бы близко они ни были расположены к нему. Такое отношение имеет силу лишь в пределах того пространства, которое измеряется радиусом, протянутым от центра этой частной области к ее окружности; около ее окружности тяжесть тела будет наименьшая, а около центра наибольшая; в промежутках, в зависимости от разных степеней близости к центру или окружности, тяжесть будет больше или меньше. Я это разъясню следующим образом: пусть *A* обозначает центр той области, где, согласно обычному словоупотреблению, камень не будет ни тяжелым и ни легким; пусть *B* обозначает окружность той области, где он точно так же не будет ни тяжел и ни легок, а останется в покое (отсюда мы

видим совпадение максимума и минимума, как это было доказано в конце книги «О причине, начале и едином»⁽⁶¹⁾. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 обозначают различные промежуточные области:

- В** 9 не тяжелое, не легкое
- 8 наименее тяжелое, легчайшее
- 7 тяжелое не в столь малой степени, легкое не в столь большой степени
- 6 менее тяжелое, более легкое
- 5 тяжелое, легкое
- 4 более тяжелое, менее легкое
- 3 значительно более тяжелое, значительно менее легкое
- 2 самое тяжелое, легкое в наименьшей степени
- А** 1 не тяжелое, не легкое

Отсюда вы видите, сколь многого недостает для того, чтобы одна земля с необходимостью двигалась к другой,—даже части земли, находящиеся за пределами собственной окружности, не имеют такого импульса.

Э л ь п и н. Вы считаете, следовательно, что эта окружность определена?

Ф и л о т е й. Да, поскольку вопрос идет о наибольшей тяжести, которая может быть в наибольшей части или, если тебе угодно (ибо весь шар не тяжел и не легок), во всей земле. Но что касается промежуточных различий тяжести и легкости, то я скажу, что они могут принимать столько же различных ступеней, сколь различны веса различных частей, находящихся между наиболее тяжелым и наименее тяжелым.

Э л ь п и н. Значит, эту лестницу надо принимать в особом смысле?

Ф и л о т е й. Каждый обладающий рассудком, может сам понять, в каком смысле ее надо принимать. Этим сказано достаточно по поводу приведенных доводов Аристотеля. Теперь посмотрим, приведет ли он еще какие-либо другие, кроме разобранных выше.

Э л ь п и н. Позвольте этот вопрос обсудить в следующий день, ибо меня ждет Альбертин, который хочет притти сюда завтра. Я думаю, он сумеет привести все наиболее смелые доводы в пользу противоположного мнения, так как он основательно изучил господствующую философию.

Ф и л о т е й. Как вам угодно.

Конец четвертого диалога

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

Альбертин (62),

Новый собеседник

Альбертин. Я хотел бы знать, какой призрак, какое неслыханное чудовище, какой ненормальный человек, какой необычайный ум вновь преподнес миру эти открытия, или, может быть, он принес уже отжившие старые вещи, которые должны сойти за новинки, срезанные корни, которые должны дать в нашу эпоху новые ростки?

Эльпин. Да—это срезанные корни, которые вновь произрастают, это старые вещи, которые снова возвращаются, это скрытые истины, которые вновь раскрываются, это новый свет, который после долгой ночи вновь восходит на горизонте нашего познания и мало-помалу приближается к меридиану нашего интеллекта.

Альбертин. Если бы я не знал Эльпина, то я не знал бы, что ему ответить.

Э л ь п и н. Говорите все, что вам угодно. Но если вы обладаете такими же способностями, как я, то вы должны быть с ним согласны, так же как и я. Но если ваши способности лучше моих, то я уверен, что вы с ним еще скорее и охотнее согласитесь, чем я. Что же касается тех, для которых обыкновенная наука и вульгарная философия трудны и которые являются еще учениками, и притом мало разбирающимися в философии (хотя они таковыми себя обычно не считают), то их трудно привлечь на нашу сторону, ибо они находятся под властью всеобщей веры и прославленных авторов, с трудами которых они никогда не расстаются. Репутация толкователей и комментаторов этих авторов ставится ими также очень высоко.

Наоборот, те, для которых названная философия ясна, которые достигли того, что они больше не тратят всего остатка своей жизни на то, чтобы научиться понимать то, что сказал другой, а имеют собственный разум и пользуются глазами своего собственного активного духа⁽⁶³⁾, для того чтобы проникнуть во все затаенные углы и рассмотреть ее обнаженную всеохватывающими глазами Аргуса через тысячу дверей, — эти люди способны, приблизившись вплотную к предмету, проводить различие между тем, что составляет предмет веры и считается истинным — только потому, что человек смотрит издали и следует силе привычки и ходячему мнению, — и между тем, что истинно и признается достоверным вследствие его соответствия истинной сущности вещей. Едва ли, думаю я, эта философия

может быть одобрена теми, кто не одарен природным умом и кто, по крайней мере, не получил хотя бы посредственного образования в различных отраслях науки и таким образом не способен пользоваться интеллектуальной рефлексией, позволяющей устанавливать различие между тем, что основано на вере, и тем, что установлено на основе очевидности истинных принципов, ибо некоторые предметы обычно основываются на таких принципах, которые, если их хорошо разобрать, приводят к невозможным и противоречащим природе выводам.

Оставим эти грязные и продажные головы, которые мало заботятся или совсем не заботятся об истине и довольствуются знанием того, что считается общепринятым, которые очень мало являются друзьями подлинной науки, но жаждут славы и хорошей репутации, которые стремятся казаться учеными, но не быть таковыми. Очень плохо, говорю я, сделает свой выбор среди различных мнений и противоречивых утверждений тот, кто не может составить себе твердое и правильное суждение относительно их. И очень трудно иметь какое-либо суждение тому, кто не в состоянии сравнить между собой это и то, одно и другое. А сделать сравнение между различными вещами будет стоить громаднейшего труда тому, кто не в состоянии установить различие между ними, одним и другим. Но различие невозможно установить до тех пор, пока бытие и сущность каждой вещи скрыты. Но бытие и сущность не могут быть выявлены до тех пор, пока не вскрыты при-

чины и начала, составляющие их основу. И только тогда, когда вы посмотрите очами разума и оцените правильным мышлением основы, принципы и причины, на которых базируются различные и противоположные философии, вы увидите, какова природа, сущность и особенность каждой из них; только взвесив их на весах разума, вы сможете установить, каково различие между одной и другой, сравнить, насколько истинна та или другая, и без колебаний сделать выбор и примкнуть к истинной философии.

А л ь б е р т и н. Вести борьбу с нелепыми и глупыми воззрениями—это дело пустых и глупых людей, сказал князь философов Аристотель.

Э л ь п и н. Превосходно сказано. Но если вы внимательно посмотрите, то увидите, что это мнение и совет могут быть применены также к его собственным воззрениям, которые оказываются глупыми и пустыми. Кто хочет правильно рассуждать, должен, как я сказал, уметь освободиться от привычки принимать все на веру, должен считать равно возможными противоречивые мнения и отказаться как от тех предубеждений, которые он впитал со дня рождения, так и от тех, которые он воспринял вследствие взаимного общения, или же которые возрождаются при посредстве философии,—одним словом, он должен умереть для толпы и для тех ученых, которые считаются мудрыми большинством какой-либо эпохи. Я этим хочу сказать, что, для того чтобы вынести правильное суждение относительно споров ученых двух эпох, которые высоко чтятся большинством

народа своего времени, следует вспомнить то, что сам Аристотель сказал, а именно: если мы не всесторонне рассматриваем вопрос, то нередко может случиться, что мы легкомысленно судим, а, с другой стороны, сила привычки может укоренить в нашем сознании предубеждение, которое приведет к тому, что мы признаем необходимым то, что невозможно, и, наоборот, найдем невозможным то, что безусловно истинно и необходимо. И если это может иметь место относительно совершенно очевидных вещей, то что же мы должны сказать о таких проблемах, которые сами по себе сомнительны и зависят от того, насколько хороши и устойчивы лежащие в их основе принципы?

А л ь б е р т и н. По мнению Аверроэса ⁽⁶⁴⁾ и других комментаторов, нельзя ничего знать того, чего не знал Аристотель.

Э л ь п и н. Аверроэс и его приверженцы имели, повидимому, столь слабый разум и пребывали в столь глубокой темноте, что Аристотель казался им наиболее возвышенным и ясным умом. Если бы этот философ и другие, делавшие аналогичные утверждения, хотели бы выразиться наиболее точно, то они могли бы сказать, что Аристотель в их глазах—бог. Но этим самым они не столько возвеличили бы Аристотеля, сколько показали бы свое собственное ничтожество. Ибо их мнение имеет не больше ценности, чем мнение обезьяны, что ее дети—самые приятные создания на свете, а ее муж—самый красивый самец в мире.

А л ь б е р т и н. «Мучаются родами горы»...⁽⁶⁵⁾.

Э л ь п и н. Вы увидите, что родится не мышь.

А л ь б е р т и н. Многие бросали свои стрелы в Аристотеля и возводили против него укрепления; но их укрепления разрушены, их стрелы притушились, их луки сломались.

Э л ь п и н. Возможно. Где одно ничтожество с другим ведет войну—одно из них может оказаться сильнее другого. Но от этого оно не перестает быть ничтожеством и в конечном счете оно должно быть равноблочно и побеждено истиной.

А л ь б е р т и н. Я утверждаю, что невозможно опровергнуть доводы Аристотеля.

Э л ь п и н. Это слишком поспешное суждение.

А л ь б е р т и н. Я это заявляю лишь после того, как я очень основательно рассмотрел учение Аристотеля и достаточно в него углубился. Я не только не нашел ни одной ошибки, но, наоборот, убедился, что его учение полно божественной мудрости. Я уверен в том, что на всякого человека это учение должно произвести такое же впечатление, как на меня.

Э л ь п и н. Вы, следовательно, судите о желудках и мозгах других людей по аналогии с вашим желудком и мозгом, и то, что невозможно для вас, вы считаете невозможным и для других. На свете есть некоторые несчастные люди, которые помимо того, что они лишены всего хорошего, кроме того еще, по велению рока, сопровождаются в качестве вечных спутников эриниями и адскими фуриями, которые заставляют их добровольно набрасывать себе на глаза мрачное покрывало разъедающей за-

висти, для того чтобы они не видели своей собственной наготы, бедности и нужды и не заметили блеска, богатства и блаженства других; они предпочитают скорее гордо зачехнуть в грязной и надменной нужде и быть погребенными под мусором упрямого невежества, чем признать правоту нового учения и сознаться в своем прежнем невежестве.

А л ь б е р т и н. Итак, вы хотите, чтобы я, так сказать, стал учеником этого человека? Я, доктор, признанный многими академиями, читавший в качестве профессора публичные лекции в первых академиях мира, должен теперь отречься от Аристотеля и начать учиться философии у подобных субъектов.

Э л ь п и н. Что касается меня, то, не будучи доктором, а невеждой, я стремлюсь учиться. Не будучи тем, чем я должен был бы быть, а являясь тем, чем я есть, я желал бы овладеть знаниями. Но я готов признать своим учителем не только этого человека, но и любого другого, которого боги для этого назначили, дав ему понимать то, чего я не понимаю.

А л ь б е р т и н. Итак, вы хотите меня снова сделать школьником?

Э л ь п и н. Наоборот, я хочу, чтобы вы были не школьником, а взрослым.

А л ь б е р т и н. Очень благодарен за ваше вежливое предложение содействовать моему продвижению вперед и привести меня в восторг от его ума, сделав меня слушателем этого беспокойного человека, который, как каждый знает, является противником общепризнанных доктрин, презираем

в академии, очень немногими хвалим, никем не признан и всеми преследуется.

Э л ь п и н. Всеми людьми преследуем—конечно, но что это за люди! Немногими хвалим—да, но лучшими и благороднейшими! Противник общепринятых доктрин, но не потому, что они доктрины, и не потому, что они всеми приняты, а потому, что они ложны. Академией презираем—по той причине, что там, где есть расхождение во взглядах, там нет любви. Смутьян—ибо толпа ненавидит тех, кто от нее отделяется и над нею возвышается, и именно поэтому он является мишенью всеобщих нападков. Я вам лучше всего опишу состояние его ума, если скажу, что, поскольку речь идет о спекулятивных вопросах, он не столько стремится обучать, сколько обучаться, предпочитает узнавать новое и больше радуется, когда узнает, что вы хотите обучить его (ибо это дает ему надежду на успех его дела), чем если бы вы желали учиться у него; ибо он больше хочет учиться, чем учить, и чувствует себя более призванным к первому, чем ко второму. Да вот как раз идет и он сам вместе с Фракасторием.

А л ь б е р т и н. Добро пожаловать, Филотей.

Ф и л о т е й. Здравствуйте, в добрый час.

А л ь б е р т и н.

После того как я был в лесу и жевал сено⁽⁶⁶⁾

С быками, баранами, козлами, ослами и лошадьми,

Я теперь желаю жить лучше и без ошибок

И прихожу сюда, чтобы стать вашим учеником.

Ф р а к а с т о р и й. Добро пожаловать!

А л ь б е р т и н. До сих пор я считал вашу философскую позицию столь слабой, что полагал ниже своего достоинства даже выслушать ваши доводы, не то что возражать на них.

Ф и л о т е й. Точно так же рассуждал я в первые годы, когда я занимался Аристотелем, но только до определенного момента. Теперь же, после того как я его лучше узнал и изучил и с более зрелым умом могу судить о предмете, возможно ли думать, что я растерял свои знания и свой разум? Однако, поскольку эта болезнь такова, что ее меньше всего чувствует сам больной, я, подозревая, что перехожу от учености к незнанию, могу быть очень доволен, что нашел такого врача, который способен излечить меня от моей болезни.

А л ь б е р т и н.

Природа ничего не может сделать, и я не могу ничего сделать,
Поскольку болезнь проникла до самых костей (67).

Ф р а к а с т о р и й. Сделайте одолжение, синьор, пощупайте сначала его пульс и посмотрите его мочу, и, если после того мы убедимся, что ничем не можем помочь, тогда составим консилиум.

А л ь б е р т и н. Наилучший способ проверить пульс—это посмотреть, как вы сможете справиться с теми отдельными аргументами, которые я вам приведу и из которых с необходимостью вытекает невозможность существования многих миров в их бесконечности.

Ф и л о т е й. Я буду вам немало обязан, если вы нам это докажете. Но если вам это не удастся, то я все же окажусь вашим должником, поскольку вы тем самым будете содействовать укреплению моих собственных убеждений. Ибо я уверен, что благодаря вам я могу почувствовать всю силу противоположного мнения; поскольку вы сведущи в науках, вы легко сможете мне показать значение ваших оснований и построений и в чем их отличие от наших принципов. Но, для того чтобы не прервать нити наших рассуждений и дать возможность каждому спокойно все объяснить, будьте любезны привести все доводы, которые вы считаете наиболее важными и основными и которые кажутся вам наиболее убедительными.

А л ь б е р т и н. Я готов это сделать ⁽⁶⁸⁾. Итак, во-первых, Аристотель доказал, что пространство и время немислимы вне этого мира. Поэтому говорят, что на самом отдаленном расстоянии от нас имеется первое небо и первое тело, являющееся первым движимым; мы имеем обыкновение называть небом высший горизонт мира, где все вещи неподвижны, устойчивы и спокойны и где находятся движущие духи сфер. Если, следовательно, делить мир на небесные и элементарные тела, то последние надо считать ограниченными и объемлемыми, а первые ограничивающими и объемлющими.

Строй вселенной таков, что, поднимаясь от более грубых тел к наиболее тонким, мы, выйдя за пределы огня, к которому прикреплены солнце,

луна и другие звезды, достигаем пятой сущности. Но последняя не может быть бесконечной, ибо в таком случае невозможно было бы дойти до первого движимого, а первое движимое не могло бы действовать на другие элементы, как потому, что они были бы объемлющими, так и потому, что нетленное божественное тело было бы включено и содержалось внутри тленных. А это является абсурдом, ибо божественной сущности приличествуют форма и активность и, следовательно, способность быть объемлющей, охватывающей, ограничивающей, а не ограниченной, включенной и охватываемой материей.

Вследствие этого я прихожу вместе с Аристотелем к следующему выводу: «Если вне этого неба имеется какое-либо тело, то оно либо простое, либо сложное; в том и другом случае я ставлю, далее, следующий вопрос: находится ли оно там на своем естественном месте или же оно попало туда случайно, насильственным путем? Мы можем доказать, что там не имеется простого тела, так как невозможно, чтобы сферическое тело переменило свое место; подобно тому как невозможно, чтобы оно переменило центр, точно так же невозможно, чтобы оно изменило положение; последнее может произойти только в результате внешнего принуждения, которое однако не может быть в нем ни активным, ни пассивным. Равным образом невозможно, чтобы вне неба было простое движущееся тело, находящееся в состоянии прямолинейного движения. Будь оно тяжелым или легким телом, оно по своей при-

роде не может быть там, ибо места этих простых тел отличаются от мест, находящихся вне мира. Но оно не может быть там и случайно, ибо тогда там должны были бы находиться другие тела, как в своих естественных местах. Но поскольку доказано, что нет других простых тел, кроме тех, которые входят в состав этого мира и которые движутся согласно трем видам местного движения, то из этого вытекает, что вне мира нет другого простого тела. Но если так, то невозможно также, чтобы там было какое-либо сложное тело, ибо таковое составляется из простых тел и на простые тела разлагается.

Таким образом совершенно очевидно, что не имеется многих миров, ибо небо единственно, совершенно и конечно и нет и не может быть другого неба, ему подобного. Отсюда вытекает, что вне этого тела не может быть ни полного, ни пустого места, ни времени. Там не может быть пространства, ибо если бы оно было заполнено, то должно было бы содержать либо простое тело, либо сложное, но мы уже сказали, что вне неба нет ни простого, ни сложного тела. Там не может быть пустоты, ибо, согласно определению ее, которое гласит, что пустота есть пространство, в котором может находиться тело, там могли бы быть тела; между тем мы доказали, что вне неба не может быть тела. Там не может быть времени, ибо время есть число движения, мера движения, движение же присуще только телу; но где нет тела, там нет движения, там нет ни числа, ни меры движения, а где нет последней, там нет

и времени. А мы доказали, что вне мира нет тела, следовательно, нами также доказано, что там нет ни движения, ни времени. А если так, то там нет ни временного, ни подвижного и, следовательно, мир—один.

Во-вторых, из единства движущего начала с необходимостью выводится единство мира. Общепризнано, что круговое движение есть действительно единое, однообразное без начала и конца. А если оно единое, то оно может быть лишь действием, истекающим от единой причины. Но если есть только одно первое небо, под которым находятся и которому соподчинены все другие небеса, то необходимо, чтобы был единый правитель и двигатель. Этот последний, будучи нематериальным, не может быть численно умножен посредством материи. Но если двигатель один, и один двигатель может дать только одно движение, и одно движение (будь оно сложное или несложное) может быть присуще только одному подвижному телу—простому или сложному,—то отсюда вытекает, что подвижная вселенная—одна. Следовательно, нет больше миров.

В-третьих, рассматривая места подвижных тел, мы приходим к заключению, что мир—один. Имеются три вида подвижных тел: тяжелые вообще, легкие вообще и нейтральные, т. е. земля и вода, воздух и огонь и небо. Точно так же существует три рода мест подвижных тел: низшее и срединное место, куда направляется наиболее тяжелое тело; высшее—наиболее отдаленное от низшего—и среднее место

между низшим и высшим. Первое место—тяжелое, второе—не тяжелое, не легкое, третье—легкое. Первое принадлежит центру, второе—окружности, третье—пространству между тем и другим. Таким образом есть нижнее место, к которому движутся все тяжелые тела, в каком бы мире они ни находились; есть высшее место, к которому устремляются все легкие тела, к какому бы миру они ни принадлежали. Следовательно, есть одно место, в котором движется небо всякого мыслимого мира. Но если есть одно такое место, то существует только один, а не много миров.

В-четвертых, предположим, что существует несколько центров, к которым движутся тяжелые тела различных миров, и что имеется несколько горизонтов, к которым устремляются легкие тела; предположим, что эти места различных миров не различаются по качеству, а только по числу. Тогда отсюда будет следовать, что один центр будет более удален от другого центра, чем от горизонта. Но центры совпадают по своему виду, в то время как центр и горизонт противоположны. Следовательно, получится так, что расстояние между совпадающими по качеству центрами будет больше, чем между противоположностями.

А это противоречит природе противоположностей. Ибо, когда говорится, что первые противоположности больше всего отдалены друг от друга, то под этим главным образом подразумевается пространственное удаление, которое должно иметь место

между чувственно воспринимаемыми противоположностями. Итак, вы видите, что получается, когда мы допускаем множественность миров. Следовательно, такая гипотеза не только ложна, но даже невозможна.

В-пятых, если есть миры, сходные по виду, то они должны и в количественном отношении быть либо равны, либо пропорциональны (что сводится к одному и тому же). Но если так, то не может быть больше 6 миров, смежных этому миру, ибо без взаимного проникновения друг с другом могут граничить не более 6 шаров, точно так же как не более шести равных окружностей могут касаться друг друга без взаимного пересечения (см. рис. 2).

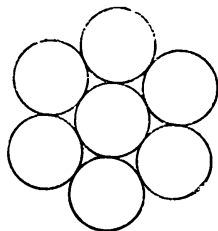

Рис. 2.

Отсюда следует, что, поскольку шесть миров касаются нашего мира в шести пунктах, столько же будет и горизонтов вокруг одного общего центрального пункта. Но так как сила двух первых противоположностей должна быть одинакова, а при этом допущении получается неравенство, то вы должны будете признать высшие элементы более сильными, чем низшие. Но в таком случае высшие элементы победят низшие, и вся масса нашего мира разложится.

В-шестых, поскольку круги различных миров касаются друг друга только в одной точке, то из этого с необходимостью вытекает, что между выпук-

лостями соседних кругов остается пространство. Это пространство либо чем-нибудь заполнено, либо ничем. Если там что-нибудь есть, то оно, конечно, не может иметь ту природу, которую имеет элемент, удаленный от выпуклости окружности, ибо, как это видно, такое пространство имеет форму треугольника, ограничено тремя дугowymi линиями, составляющими часть окружности трех миров; центр, как это вполне очевидно, более удален от частей, прилежащих к углам, и наиболее удален от углов. Чтобы заполнить это пространство необходимо, следовательно, измыслить новые элементы и новый мир, отличающиеся по своей природе от элементов этого мира. Или же следует предположить пустоту, что мы считаем невозможным.

В-седьмых, если есть еще миры, они либо конечны, либо бесконечны. Если они бесконечны, то эта бесконечность должна быть завершенной, что по многим основаниям считается невозможным. Если же количество миров конечно, то должно быть определенное число миров, но тогда нужно исследовать, почему именно их столько, а не больше или меньше, почему нет еще других миров, что является причиной того, почему одних миров больше, чем других, равны они или неравны между собою и почему они отличаются между собой; или почему вся эта материя, которая разделена на много миров, не сконцентрировалась в одном мире, ибо при прочих равных условиях единство ведь лучше множества; почему материя, которая распределена между че-

тырьмя, шестью или десятью землями, не представляет собой одного большого, совершенного и единственного шара. Итак, подобно тому как, исходя из соображений о возможном и невозможном, необходимо признать скорее конечное число миров, чем бесконечное, так, исходя из принципов соответствия и несоответствия, более разумно и более соответствует природе единство, чем множество или многочисленность.

В-восьмых (69), мы видим, что природа соблюдает меру во всех явлениях. Поэтому нигде не находим ни недостатка в необходимом, ни изобилия в отношении излишнего. Полагая далее, что все может быть осуществлено в действительности посредством тех действий, которые имеют место в нашем мире, нет никаких оснований полагать, что существуют еще и другие миры.

В-девятых, если бы существовало бесконечное число миров или больше чем один мир, то это могли бы главным образом объяснять либо тем, что бог их создал, или же, что они находятся в зависимости от божьей воли. Но если даже это и в высшей степени истинно, то из этого не следует, что именно так и было. Ибо, помимо активной потенции бога, необходима еще пассивная потенция вещей. И от абсолютной божественной потенции не зависит то, что может быть произведено природой. Не каждая активная потенция превращается в пассивную, а только та, которой соответствует пропорциональное страдательное начало, т. е. объект, способный воспринять всю активность действующего начала.

И в таком случае нет соответствия между какой-либо причиненной вещью и первопричиной. Поскольку, следовательно, это зависит от природы мира, не может быть больше миров чем один, хотя бог мог сделать больше чем один мир.

В-десятих, множественность миров противоречит доводам разума еще и потому, что в этом случае не имела бы места гражданская добродетель, заключающаяся в гражданском общении. Создав много миров, боги поступили бы нехорошо, не давая возможности обитателям различных миров поддерживать между собой взаимоотношения.

В-одиннадцатых, в случае множественности миров боги, или двигатели миров, мешали бы друг другу; ибо, поскольку необходимо, чтобы сферы соприкасались в одном пункте, постольку получилось бы то, что одна сфера не могла бы двигаться против другой и богам было бы очень трудно управлять движением мира.

В-двенадцатых, от одного индивида может произойти множество индивидов только посредством такого действия, при котором природа умножается делением материи, а это есть не что иное, как порождение. Это утверждает Аристотель вместе со всеми перипатетиками. Множество индивидов одного и того же вида может произойти не иначе, как путем порождения. Но те, кто утверждает, что имеются еще миры той же самой материи и по видовой форме, не говорят, что один превращается в другой или что один порождает другой.

В-тринадцатых, совершенство не терпит никакого добавления. Если, следовательно, этот мир совершенен, то, очевидно, не требуется, чтобы к нему был присоединен другой мир.

Мир прежде всего совершенен как вид непрерывного, который не ограничивается другим видом непрерывного, ибо неделимая точка производит своим математическим движением линию, являющуюся определенным видом непрерывного, линия производит поверхность, которая является другим видом непрерывного, а поверхность стремится к телу—третьему виду непрерывного. Тело уже не переходит в другой вид непрерывного, но если оно есть часть вселенной, то граничит с другим телом, а если оно есть сама вселенная, то оно совершенно и ограничивается самим собою. Следовательно, мир и вселенная—одно и то же, если он должен быть совершенен.

Таковы те тринадцать аргументов, которые я счел нужным вам сейчас привести. Если вы мне дадите удовлетворительный ответ на эти вопросы, то я буду считать себя удовлетворенным во всех отношениях.

Ф и л о т е й. Само собою разумеется, мой Альбертин, что если кто-нибудь стремится защищать выдвигаемые им положения, то он должен прежде всего, если он не лишен ума, рассмотреть противоположаемые доводы, ибо глуп тот солдат, который, имея своей задачей защищать занимаемую им цитадель, не исследует обстоятельства и место, из кото-

рого может иметь место нападение. Аргументы, которые вы приводите (если только это аргументы), вполне известны и повторяются очень много раз.

Все они могут быть решительно опровергнуты, если только, с одной стороны, рассмотреть их основания, а с другой стороны—характер наших утверждений. Первое и второе вам станет ясно после моих ответов, которые не будут многословны, если же понадобятся еще и дополнительные заявления и пояснения, то я предоставляю сделать это Эльшину, который расскажет вам то, что он слышал от меня.

А л ь б е р т и н. Но сумеете сначала убедить меня в том, что все то, что вы скажете, будет для меня полезно и принесет мне удовлетворение, что мне не будет неприятно выслушать сначала вас, а потом его.

Ф и л о т е й. Образованным и рассудительным людям, к которым я вас причисляю, достаточно указать только основной пункт спора, и, исходя из него, они затем смогут сами составить себе более глубоко обоснованное суждение, если будут переходить от одного положения к другому, ему противоречащему или противоположному.

Что касается вашего первого сомнения, то я по поводу него должен возразить, что все это сооружение рушится, как только мы отвергнем эти различия между кругами и небесами и примем, что звезды в этом безмерном эфирном пространстве движутся в силу внутреннего принципа вокруг собственного центра или вокруг центра какого-либо

другого тела. Не существует первого движимого, которое действительно увлекает столько тел и заставляет их вращаться вокруг центра земли; скорее, наоборот, этот шар является причиной кажущегося вращения.

Все же доводы, обосновывающие это положение, вам приведет Эльпин.

А л ь б е р т и н. Я их охотно выслушаю.

Ф и л о т е й. Когда вы все выслушаете и поймете, что воззрения Аристотеля противоречат природе, наши же взгляды отвечают требованиям разума и поддаются чувственной и естественной проверке, то вы не станете утверждать, что имеется внешний край и предел тела вселенной и ее движения; вы будете считать мнение о существовании какого-то первого движимого и какого-то высшего и охватывающего все неба не более как пустой фантазией; вы тогда поймете, что имеется всеобщее лоно, в котором другие миры существуют наподобие этого земного шара в этом пространстве, где они окружены эфиром, не будучи пригвожденными или же прикрепленными к другому телу и не имея другого опорного пункта, кроме собственного центра. И когда станет ясно, что этот мир не может иметь иной природы, не находится в иных условиях и не обнаруживает других свойств, чем окружающие звезды, то не будет оснований считать, что скорее он, а не другие звезды, находится в центре вселенной и что скорее они вращаются вокруг него, чем он вокруг них. И, исходя, наконец, из единообразия

природы, мы должны сделать вывод о несуществовании кругов-деферентов, о природе и силе движущей души, толкающей изнутри эти шары, об единообразии обширного пространства вселенной и о невозможности существования краев и определенных внешних очертаний последней.

А л ь б е р т и н. Это действительно не противоречит природе и, может быть, даже в наибольшей мере ей соответствует. Но очень трудно привести доказательства, и требуется весьма большое остроумие, чтобы опровергнуть доводы противников.

Ф и л о т е й. Нужно найти главную нить, и тогда уж очень легко распутать весь клубок. Вся трудность проистекает от одного недопустимого предположения, а именно о том, что земля обладает тяжестью и неподвижностью и что существует первое движимое наряду с другими— семью, восемью, девятью или больше—кругами, в которые помещены и включены звезды, к которым они насажены, запечатлены, примазаны, пригвождены, привязаны, приклеены, на которых они изображены скульптурой или живописью; причем они не находятся в одном и том же пространстве со звездой, называемой нами землей; но на самом деле, наоборот, земля находится в той же области, имеет такую же фигуру, состоит из таких же элементов и движется таким же внутренним принципом, как и другие одушевленные божества.

А л ь б е р т и н. Конечно, как только я схвачу главную мысль, я легко пойму все другие поло-

жения, которые вы выдвинете; в то же время вы вырвете корни одной философии и посадите на ее место другую.

Ф и л о т е й. Вы опровергнете разумом точку зрения вульгарного здравого смысла, который утверждает, что имеется горний, возвышеннейший и благороднейший горизонт, сопредельный с неподвижными божественными сущностями, движущими эти мнимые круги. Вместе с тем вы должны будете признать, по крайней мере, столь же вероятным то, что звезды, подобно земле, суть живые существа, движущиеся и меняющиеся в силу внутреннего принципа. Вы убедитесь также в том, что та точка зрения, согласно которой звезды приводятся в движение телом, не имеющим никакой стойкости и сопротивления и еще более тонким и разреженным, чем воздух, которым мы дышим, не может быть доказана опытом и является чистой фантазией. Наше же мнение соответствует упорядоченному опыту и основано на разуме. Вы также не будете больше считать правдоподобным то, что звезды прикреплены к воображаемым сферам с выпуклой и вогнутой поверхностями, вместе с которыми они движутся; вы найдете, что в соответствии с требованиями нашего разума и сообразно с природой одни звезды,— не боясь упасть вниз в бесконечность или же подняться в бесконечную высь (ибо в безмерном пространстве нет различия верха и низа, правого и левого, переднего и заднего),— совершают по отношению к другим круговые движения, благо-

даря тому, что они одарены жизнью и обладают определенным составом, как вы узнаете в свое время. Вы увидите, что эта воображаемая поверхность неба может быть простым или сложным телом, движущимся прямолинейно; ибо, подобно частям нашего шара, части других тел также могут двигаться прямолинейно; ибо земля составлена из таких же элементов, что и другие тела, и в такой же степени можно принять, что другие тела движутся вокруг земли, как и то, что земля движется вокруг них.

А л ь б е р т и н. Теперь я замечаю больше, чем когда-либо, как самая маленькая ошибка в начале рассуждения бывает причиною величайших расхождений и ошибок в конце его; одно простое недоразумение мало-помалу размножается в бесчисленное множество других, подобно тому как маленький корень развивается в бесчисленное множество крупных ветвей. Но клянусь жизнью, Филотей, я бы очень желал, чтобы ты мне доказал те положения, которые ты выставил, и чтобы то, что я считаю ценным и правдоподобным, мне было доказано как истинное.

Ф и л о т е й. Я это сделаю, насколько мне позволят обстоятельства времени, предлагая на ваше рассмотрение вещи, которые до сих пор были скрыты от вас не вследствие вашей неспособности, а вследствие того, что вы не обратили на них внимания.

А л ь б е р т и н. Приведите мне все в форме выводов и умозаключений, ибо я знаю, что вы,

прежде чем дошли до теперешних взглядов, имели возможность основательно изучить силы противников. Я уверен, что вам открыты тайны общепринятой философии не в меньшей степени, чем мне. Продолжайте.

Ф и л о т е й. Итак, совершенно не нужно допытываться, существуют ли вне неба пространство, пустота и время, потому что единым является всеобщее место, единым безмерное пространство, которое мы можем свободно называть пустотой; в нем находится бесчисленное множество шаров, подобных тому, на котором мы живем и прозябаем. Это пространство мы называем бесконечным, потому что нет основания, условия, возможности, смысла или природы, которые должны были бы его ограничить; в нем находится бесконечное множество миров, подобных нашему, не отличающихся от него по роду, так как нет основания и недостатка в силах природы, как в пассивной способности, так и в активной, благодаря которым их не было бы во всяком другом пространстве, не отличающемся от нашего по природе, подобно тому как они существуют в пространстве, окружающем нас.

А л ь б е р т и н. Если то, что вы говорили раньше, верно, то — ввиду того, что оно не менее правдоподобно, чем противоположное ему допущение, — это вытекает с необходимостью.

Ф и л о т е й. За воображаемой окружностью и выпуклостью мира существует, следовательно, время, так как там есть мера и основание движения

и существуют подвижные тела. Это возражение относится к первому положению, выставленному вами относительно единства мира.

Что касается вашего второго положения, то я утверждаю, что на самом деле существует первый и главный двигатель, но он является им не в том смысле, чтобы, спускаясь от него по ступеням, второй, третьей и следующим, можно было, считая, спуститься от него к среднему и последнему; я считаю, что таких двигателей нет и не может быть, так как там, где существует бесконечное число, там нет ступеней и численного порядка, благодаря которым двигатель занимал бы какую-либо ступень или порядок, согласно отношению, или достоинству, или различию родов и видов, или различию ступеней в том же роде и виде. Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей, точно так же как бесконечное множество душ этих сфер, которые являются формами и внутренними актами, и по отношению к ним существует главный двигатель, от которого они все зависят, первый, который сообщает движущую силу духам, душам, богам, божествам, двигателям и сообщает движение материи, телу, одушевленному, низшей природе, подвижному. Существует, следовательно, бесконечное множество двигателей и движущихся тел, которые все сводятся к активному и пассивному принципу ⁽⁷⁰⁾, подобно тому как всякое число сводится к единице; бесконечное число и единица совпадают, точно так же как совпадает в едином — как это было показано

в конце книги «О причине, начале и едином»—высшее активное начало, имеющее возможность делать все, с тем, что может стать всем. Согласно числу, следовательно, и множеству, существует бесконечное подвижное и бесконечное движущее; но, согласно единству и единичности, существует бесконечный, неподвижный двигатель, бесконечная, неподвижная вселенная; и это бесконечное число и величина совпадают с бесконечной единицей и простотой в одно простейшее индивидуальное начало, истинное, сущее. Нет, таким образом, первого движимого, за которым в известном порядке следовало бы второе, а затем и последнее, и так далее до бесконечности; но все подвижные тела одинаково близки к первому или же далеки от первого и всеобщего двигателя. Подобно этому, в логическом смысле все виды имеют одинаковое отношение к роду, а все индивидуумы к виду; таким образом, всеобщий бесконечный двигатель в бесконечном пространстве производит всеобщее бесконечное движение, от которого зависят бесконечные двигатели и движущиеся тела, из которых каждый имеет конечные размеры как по объему, так и по деятельности.

Что касается третьего аргумента, то я утверждаю, что в эфирном поле нет какого-либо определенного пункта, к которому как к середине двигались бы тяжелые тела и от которого удалялись бы легкие тела по направлению к окружности; ибо во вселенной нет середины и нет окружности, или, если хочешь, повсюду есть середина и каждую точку

можно принимать за часть окружности по отношению к какой-либо другой середине или центру. Что касается нас, то мы называем тяжелым то, что от окружности этого шара движется к середине, легким же то, что движется в обратном направлении; и мы увидим, что на самом деле нет ничего тяжелого, что не было бы в то же время легким, так как все части земли последовательно меняют свое место, положение и в течение длинного ряда столетий всякая центральная часть перемещается к окружности, а всякая часть, находящаяся на окружности, перемещается к центру. Мы увидим, что тяжесть или легкость суть не что иное, как стремление частей тел к собственному месту, содержащему и сохраняющему их, где бы оно ни было, и что они перемещаются не вследствие различий в местоположении, но вследствие стремления к самосохранению, какое толкает каждую вещь в качестве внутреннего принципа и ведет ее, если нет внешних препятствий, туда, где она лучше всего избегает противоположного и присоединяется к подходящему. Таким образом части, находящиеся на окружности луны и других миров, подобных нашему по роду и виду, стремятся к середине, как будто вследствие силы тяжести, и, обратно, тонкие части удаляются к окружности, как будто вследствие силы легкости. Но на самом деле они удаляются от окружности или приближаются к ней не по этой причине; ибо если бы дело происходило таким образом, то чем больше части приближались бы к окружности, тем скорее

и быстрее они убегали бы, и, обратно, чем больше они удалялись бы от нее, тем сильнее стремились бы к противоположному месту. Но мы наблюдаем противоположное этому явление, когда тела, находящиеся за пределами земной области, остаются свободно висеть в воздухе, не поднимаясь вверх и не спускаясь вниз, до тех пор пока не приобретут большей тяжести вследствие присоединения частей или сгущения от холода, — и в таком случае они спускаются вниз или же, разлагаясь и утончаясь от жары, рассыпаются в атомы.

А л ь б е р т и н ь. Я бы это понял еще лучше, если бы вы мне показали более подробно разницу между звездами и этим земным шаром.

Ф и л о т е й. Это вам легко объяснит Эльпин, соответственно тому, что он слышал от меня. И он вам покажет более подробно, что всякое тело является тяжелым или легким не по отношению к областям вселенной, но по отношению частей к целому, содержащему и сохраняющему их. Звезды, стремясь сохранить свое настоящее состояние, движутся друг к другу и соединяются друг с другом, подобно каплям в море, или же разъединяются, подобно всем жидкостям, под влиянием солнца или же других огней. Ибо всякое природное движение, которое происходит вследствие внутреннего принципа, существует лишь для того, чтобы удалиться от несоответствующего и противоположного и приблизиться к дружественному и соответствующему. Ибо ничто не движется со своего места, если только оно не

изгоняется противоположным; и на своем месте ничто не бывает легким или тяжелым, но земля, поднятая в воздух, стремясь к своему месту, становится тяжелой и чувствует себя тяжелой. Таким же образом вода, поднятая в воздух, становится тяжелой, но она не имеет тяжести в своем собственном месте. Так, для погруженных в воду она не имеет тяжести, в то время как небольшая ваза, будучи вытащена из воды, и наполненная водой, становится тяжелой. Голова не имеет тяжести по отношению к своему собственному туловищу, но голова другого, помещенная на нем, будет обладать тяжестью; причина этого та, что она будет находиться не на своем природном месте. Если, таким образом, тяжесть или легкость есть стремление к сохраняющему месту и бегство от противоположного, то ничто, помещенное в своем месте, не бывает тяжелым или легким; и ничто, удаленное от своего сохраняющего места или от противоположного ему, не становится тяжелым или легким до тех пор, пока не почувствует пользы от одного или досады к другому; но, если, чувствуя досаду по отношению к одному, оно в то же время чувствует отчаяние, смущение, нерешительность по отношению к противоположному, в таком случае оно побеждается первым.

А л ь б е р т и н. Вы обещаете великое, и вы большею частью выполняете обещанное.

Ф и л о т е й. Чтобы не повторять два раза то же самое, я предоставляю Эльпину объяснить вам остальное.

А л ь б е р т и н. Мне кажется, что я все понимаю, ибо одно сомнение возбуждает другое, одна истина доказывает другую; и я начинаю понимать больше, чем могу объяснить; до сих пор я считал многие вещи достоверными, в которых теперь начинаю сомневаться. Вот почему я чувствую, что все легче начинаю соглашаться с вами.

Ф и л о т е й. Когда вы меня поймете вполне, вы во всем со мною согласитесь. Но, если вы пока даже не во всем со мною согласны, не поддерживайте, по крайней мере, столь решительно противоположное мнение, как вы это делали раньше. Ибо понемногу и по различным поводам мы объясним полностью все то, что относится к нашему предложению. Оно покоится на многих основаниях и причинах; ибо, подобно тому как заблуждение влечет за собой заблуждение, так и истина следует за истиной.

Что касается четвертого аргумента, то мы говорим, что поскольку существует столько центров, сколько существует индивидуумов, шаров, сфер, миров, то отсюда не следует, чтобы части какого-либо тела относились к другому центру, а не к своему собственному, или удалялись к другой окружности за пределами своей собственной. Таким образом части этой земли не стремятся к другому центру и не пытаются соединиться с другим шаром, подобно тому как соки и части животного имеют свои приливы и отливы в его собственном теле и не имеют никакого отношения к другому телу, отличному от него по числу.

Относительно того, что вы считаете неправильным, чтобы середина, которая согласуется с другой серединой по виду, была от нее дальше, чем середина и окружность, которые по своей природе противоположны, почему и должны быть наиболее удалены друг от друга,—я вам отвечу, во-первых, что противоположности не должны быть наиболее удалены друг от друга, но что одна может действовать на другую, а та претерпевать действие первой; так и на солнце мы видим, что ближе всего к нам расположены те его земли, которые находятся на его окружности; да и порядок всей природы показывает, что одна противоположность существует, живет и питается другою, в то время как та претерпевает действие, изменяется, побеждается и превращается в другую.

Кроме того, мы недавно обсуждали с Эльпином вопрос о расположении четырех элементов, которые все необходимы для состава каждого шара в качестве частей, из которых одна расположена внутри другой или смешана с нею; но они не отличаются друг от друга, как объемлющее и объемлемое, ибо там, где имеется сухое, там же существуют вода, воздух и огонь в открытом или скрытом виде; таким образом, различие, которое мы делаем между шарами, из которых одни огненные, вроде солнца, другие же водянистые, вроде луны и земли, происходит не оттого, что они состоят из простого элемента, а оттого, что один элемент преобладает в их составе.

А затем, совершенно неправильно, будто бы противоположности наиболее удалены друг от друга, ибо во всех вещах они по своей природе связаны и объединены; и вселенная, как относительно своих главных частей, так и относительно второстепенных, состоит из подобной связи и соединения противоположностей, так что нет ни одной части земли, которая не была бы самым тесным образом связана с водою, без которой нет плотности, соединения атомов и прочности. Кроме того, какое земное тело настолько плотно, чтобы оно не имело невидимых пор, без которых тела были бы неделимы и в них не проникал бы огонь или жар, которые являются чувственными телами, отделяющимися от предметов? Где, следовательно, находятся части твоего холодного и сухого тела, которые не были бы соединены с теплым и влажным телом? Деление элементов, следовательно, носит чисто логический характер, а не реальный; если солнце находится в области, отдаленной от земной области, то это не значит, что от него воздух, земля и вода более отдалены, чем от нашей земли; потому что оно такое же сложное тело, как и наша земля, с тем только отличием, что из четырех элементов на солнце преобладает один элемент, а у нас другой. Кроме того, если мы полагаем, что природа должна соответствовать этой логике, которая считает, что между противоположностями существует наибольшее расстояние, то отсюда следовало бы, что между твоим огнем, который легок, и землей, которая тяжела, должно быть рас-

положено твое небо, которое не тяжело и не легко. Если же ты скажешь, что это относится только к четырем основным элементам, то их пришлось бы расставить в другом порядке. Я хочу сказать, что вода должна была бы находиться в центре и быть местом, куда стремится все наиболее тяжелое, если огонь находится на окружности и является тем местом, куда стремится все наиболее легкое; потому что вода, которая холодна и влажна и в этом смысле противоположна огню, согласно обоим качествам должна быть наиболее удалена от горячего и сухого элемента; воздух же, теплый и влажный, должен быть наиболее удален от холодной и сухой земли. Вы видите, следовательно, насколько непоследовательно это предложение перипатетиков, все равно, будете ли вы его рассматривать по отношению к природе или же согласно их собственным принципам и основоположениям.

А л ь б е р т и н. Я это вижу и очень ясно.

Ф и л о т е й. Вы видите еще, что не противоречит разуму наша философия, которая все сводит к одному принципу и к одной цели и заставляет совпадать противоположности таким образом, что существует общий носитель обоих; мы считаем, что эта противоположность в конечном счете служит основанием божественного изречения, что противоположности существуют в противоположностях, откуда нетрудно узнать, каким образом каждая вещь происходит из каждой вещи; но этого не сумели понять Аристотель и другие софисты.

А л ь б е р т и н. Я вас слушаю с удовольствием. Я знаю, что такие трудные вещи и столь различные заключения не могут быть доказаны сразу и в одно мгновение; но, после того как вы мне доказали трудности, вытекающие из тех предпосылок, которые я считал необходимыми, я стал сомневаться во всех остальных, которые я считал необходимыми по тем же соображениям. Вот почему я теперь готов выслушать внимательно и без возражений ваши основания, принципы и рассуждения.

Э л ь п и н. Вы увидите, что философия Аристотеля не являлась золотым веком ее. А пока разрешите возбужденные вами сомнения.

А л ь б е р т и н. Меня не очень интересуют остальные пункты, ибо я жажду понять основные принципы вашей доктрины; если я их пойму, то сумею разрешить остальные сомнения, возникающие из них.

Ф и л о т е й. Об этом мы будем рассуждать после. Что касается пятого аргумента, то вы должны обратить внимание, что если мы будем воображать бесконечное множество миров, расположенных согласно тем отношениям состава, которые вы воображаете, т. е. четырех земных элементов, и еще будем воображать восемь, девять или десять других небес, составленных из другой материи и обладающих другой природой, окружающих эту землю и быстро движущихся вокруг нее по кругам; если кроме этого мира, имеющего сферическую форму, будем принимать множество подобных же сферических и по-

движных миров—в таком случае мы должны будем ответить, каким образом каждый из них является продолжением другого и соприкасается с ним; тогда мы сможем в своей фантазии воображать, во скольких пунктах окружности соприкасаются между собой эти различные миры. Но в таком случае мы увидим, что это уже будут горизонты различных миров, а не одного мира, из которых каждый относится лишь к своей середине, потому что они влияют лишь на те тела, вокруг которых они движутся и вращаются. Подобно этому, если бы несколько животных касались друг друга и были бы тесно прижаты друг к другу, то из этого не вытекало бы, что члены одного принадлежат к членам другого и что каждое из них может обладать несколькими головами и туловищами. Но мы, благодарение богам, не должны в своих затруднениях искать подобного жалкого выхода; ибо вместо стольких небес и стольких подвижных тел, быстрых и медленных, движущихся по прямому и косому направлениям, к востоку и к западу, по оси мира и по оси зодиака, уклоняющихся в той или иной степени, мы имеем одно небо, одно пространство, в котором движутся по своим собственным кругам и со своими собственными скоростями как та звезда, на которой мы обитаем, так и все другие звезды. Они и суть бесконечное множество миров, т. е. неисчислимое количество звезд, находящихся в этом бесконечном пространстве, т. е. в небе, содержащем их и наполненном ими. Уничтожается фантастическое представле-

ние о всеобщем вращении всех небесных тел вокруг центра земли и вместо этого принимается вращение земли вокруг своего собственного центра, обращающей свой лик к окружающим светилам в двадцать четыре часа. Уничтожаются окружающие нашу земную область круги-деференты, к которым прикреплены звезды; но каждому солнцу приписывается свое собственное движение, которое мы называем эпициклическим, со своими различиями от других подвижных звезд; движутся же эти солнца в течение долгих веков, если не вечно, побуждаемые не внешним двигателем, а своей собственной душой, подобно тому как наше солнце движется вокруг своего центра и вокруг элемента огня.

Вот каковы, следовательно, миры и вот какво небо, то самое небо, которое мы видим вокруг нашего шара, который не менее других является великолепной светящейся звездой. Миры же, как они нам кажутся, различаются по блеску и свету и расположены на известных расстояниях друг от друга; и ни один из них не ближе к другому, чем луна к земле или земля к солнцу; так что противоположность не разрушает другую, но питает ее, а подобное не мешает другому, но уступает ему место. Таким образом в известных пропорциях, в известных промежутках времени этот наш наихолоднейший шар греется на солнце той или иной стороной, тем или другим своим ликом; и с известными переменами он уступает место соседней земле, которую мы называем луной, или заставляет ее уступить

место ему, в то время как одно или другое из этих тел становится дальше от солнца или ближе к нему, почему Тимей и другие пифагорейцы называли луну противоземлей.

На этих мирах обитают живые существа, которые возделывают их, сами же эти миры—самые первые и наиболее божественные живые существа вселенной; и каждый из них точно так же составлен из четырех элементов, как и тот мир, в котором мы находимся, с тем только отличием, что в одних преобладает одно активное качество, в других же—другое, почему одни чувствительны к воде, другие же к огню. Кроме четырех элементов, из которых составлены миры, существует еще эфирная область, как мы говорили, безмерная, в которой все движется, живет и прозябает. Этот эфир содержит всякую вещь и проникает в нее; поскольку он содержится внутри состава, т. е. составляет часть сложного, он называется обычно воздухом, который есть этот пар вокруг вод и внутри земли, заключенный между высочайшими горами, способный образовать густые тучи и бурные южные и северные ветры. Поскольку же он чистый и не составляет части сложного, но есть то место, в котором содержатся и движутся мировые тела, он называется эфиром в собственном смысле слова, берущим свое наименование от движения (71). Этот эфир, хотя он по своей сущности ничем не отличается от того, который находится внутри земли, тем не менее носит другое название, подобно тому как тот, который окружает] нас,

называется воздухом, тот же, который в известном смысле составляет нашу часть, входя в состав нашего тела или находясь в легких, артериях и других углублениях и порах, называется дыханием. Тот же эфир вокруг холодного тела сгущается в пар, вокруг же очень горячей звезды утончается как бы в пламя, которое невидимо, если не соединяется с плотным телом, зажженным от сильного жара звезды. Таким образом эфир сам по себе и по своей собственной природе не имеет определенных качеств, но получает их все от соседних тел и переносит их от активных принципов в своем движении вдоль горизонта. Таким образом мы показали, каковы миры и какво небо, и я думаю, что вы освободились не только от своих настоящих сомнений, но и от бесчисленного множества других и получили принцип для многих правильных умозаключений в области физики. Я предоставляю вам решить, не находите ли вы некоторые мои положения не вполне доказанными; но все же я думаю, что если вы их беспристрастно рассмотрите, то вы найдете, что если они не являются абсолютно истинными, то все же гораздо более правдоподобны, чем противоположное мнение.

А л ь б е р т и н. Продолжай дальше, Филотей, я тебя слушаю.

Ф и л о т е й. Таким образом мы ответили также на шестой аргумент, который по поводу касания различных миров в одной точке спрашивает, какая вещь могла бы заключаться в этих треугольных пространствах, которая не имела бы природы ни неба,

ни элементов. Ибо мы имеем одно небо, в котором миры занимают свои пространства, области и расстояния; оно простирается по всему, проникает во все и содержит все, соприкасается со всем и не оставляет ни одного пустого места, если только то место, по которому движется все, и пространство, по которому пробегает все, тебе не угодно будет называть пустотой, как это делают многие, или же первым носителем, который подразумевается в этой пустоте, поскольку он не занимает места ни в какой части (если тебе угодно будет различать его разумом в чисто логическом или отрицательном смысле—но не по природе и сущности—от тела и бытия). Так что нет ничего, что не находилось бы в конечном или бесконечном месте, будь оно телесное или бестелесное, согласно своему целому или частям; это бесконечное место есть не что иное, как пространство, а пространство не что иное, как пустота, которую, если мы желаем понимать ее как устойчивую вещь, мы называем эфирным полем, содержащим миры; если же мы желаем понимать ее как плотную вещь, называем пространством, содержащим эфирное поле и миры и не заключающимся в другом. Таким образом нам нет нужды измышлять новые элементы и миры, в противоположность тем, которые по малейшему поводу начинают измышлять круги-деференты, божественные материи, редкие и плотные части, обладающие небесной природой, пятые сущности и другие фантастические названия, лишенные всякого содержания и смысла.

По поводу седьмого аргумента мы говорим, что бесконечная вселенная одна, которая непрерывна и составлена из эфирных областей и миров, но что миров бесконечное множество, которые постигаются и находятся в различных областях вселенной, согласно тем же основаниям, по которым наш мир постигается и находится в определенной области ее; об этом мы говорили недавно с Эльпином, доказывая и подтверждая то, что говорили Демокрит, Эпикур и многие другие, созерцавшие природу более открытыми глазами и не оставшиеся глухими к внятным голосам ее.

А потому перестань уклоняться от доводов, кои
Могут тебя новизной испугать, но скорее суждением
Острым ты ввесь их; и, если найдешь, что они справедливы,
Руку мне дай, если ж ложны они, против них ополчайся.
Так как и там, за пределами здешнего мира, пространство
Всюду лежит без конца, то исследовать свойственно духу:
Что там такое? Проникнуть туда домогается ум наш
И своевольный, свободный полет свой туда направляет.
Прежде всего, как сказал я, нигде, ни в каком направлении—
Ни наверху, ни внизу под ногами, ни вправо, ни влево—
Не существует границ никаких. Указует на это
Самое дело, и суть бесконечности то подтверждает (7^a).

Восьмой аргумент утверждает, что природа стремится сокращаться. Но на самом деле, поскольку

простирается наш опыт относительно больших и малых миров, мы совершенно не замечаем этого, ибо наш глаз, не видя пределов, побеждается безмерным пространством, представляющимся ему; он смущается количеством звезд, которое увеличивается все больше и больше, так что наши чувства остаются в нерешительности, в то время как разум принуждает нас присоединять пространство к пространству, область к области, мир к миру.

Вследствие этого невероятным должно почитаться,
Будто бы там, где простерта кругом бесконечность про-
странства,
Там, где в бесчисленных числах бездонная масса зачатков
В вечном брожении находится, вечным движеньем
гонима,
Образовался один только мир наш земной с небесами,
А потому непременно ты должен со мной согласиться,
Что где-нибудь во вселенной, в объятиях жадных эфира
Есть, кроме нас, и другие скопления материи вечной (73).

Девятый аргумент утверждает и не доказывает, что бесконечной активной способности не соответствует бесконечная пассивная способность, что не может быть бесконечной материи и бесконечного пространства; он утверждает, что вследствие этого не может быть никакого соотношения между творцом и деятельностью, что деятель может развить бесконечную деятельность без того, чтобы она была сообщена природе,—но все это остается недоказанным и содержит в себе открытое противоречие. Хорошо, поэтому, сказал поэт:

Далее: где существует запасов материи столько,
Где есть довольно пространства и нет недостатка в при-
чинах,
Там возникать, нарождаться должно что-нибудь непременно.
Если количество телец первичных настолько несметно,
Что человечества жизни нехватит для их исчисления,
И одинаки природа и силы, которые могут
Всюду в пространстве разбрасывать тельца таким же по-
рядком,
Как и разбросаны здесь они,—то согласиться ты
должен,
Что существуют иные земные миры во вселенной,
Как и иной род людей и иные породы животных⁽⁷⁴⁾.

На десятый аргумент мы возразим, что общение граждан различных миров представляется благом в столь же малой степени, как то, чтобы все люди стали одним человеком или чтобы все животные стали одним животным. Да и опыт показывает нам, что для обитателей этого мира оказалось лучше всего то, что природа разделила различные народы морями и горами; и когда благодаря человеческому искусству было установлено между ними общение, то это оказалось скорее злом, чем благом, так как благодаря этому пороки увеличились гораздо больше, чем добродетели. Об этом прекрасно пишет трагический поэт ⁽⁷⁵⁾ в своей жалобе:

Хорошо разделенные мира концы
Воедино связал фессалийский корабль
И морю удары терпеть приказал,
И к прежним страхам прибавился страх
Пред пучиной морей.

На одиннадцатый аргумент мы ответим так же, как и на пятый; ибо каждый из миров занимает свое место в эфирном поле таким образом, что ни один не касается и не сталкивается с другим; но они пробегают свои пути и расположены друг от друга на таких расстояниях, что ни один из них не разрушает другого, но они взаимно подкрепляют друг друга.

Двенадцатый аргумент утверждает, что природа размножается и увеличивается лишь путем порождения таким способом, что один индивидуум в качестве родителя порождает другого в качестве сына. Мы ответим, что это не является истиной, применимой ко всем явлениям, ибо из одной лишь массы благодаря деятельности одного лишь творца получается множество различных ваз, имеющих бесконечно разнообразные формы и рисунки. Я уже не говорю о том, что при гибели и обновлении какого-либо мира животные, как совершенные, так и несовершенные, первоначально возникают благодаря могуществу сил самой природы, без всякого акта порождения.

Тринадцатый и последний аргумент утверждает, что если этот или какой-либо иной мир носит совершенный характер, то это исключает существование других миров. На это я отвечаю, что, конечно, не требуется существования других миров для существования и совершенства этого мира, но для того чтобы вселенная сохранила свое существование и совершенствовалась, необходимо бесконечное

множество миров. Следовательно, из совершенства одного из миров не следует, чтобы другие миры были менее совершенны; ибо этот мир, подобно другим мирам, и другие миры, подобно этому миру, состоят каждый из своих частей, и каждый вместе со своими членами составляют единое целое.

А л ь б е р т и н. Впредь, Филотей, ни голос толпы, ни негодование черни, ни ропот глупцов, ни презрение сатрапов, ни глупость сумасшедших, ни безумие безрассудных, ни доносы лжецов, ни жалобы злобствующих, ни клеветы завистников не очернят тебя передо мной и не заставят меня держаться вдали от твоей божественной беседы. Будь настойчив, мой Филотей, будь настойчив, не теряй мужества, не отступай, если даже великий и важный сенат глупого невежества при помощи многих козней и ухищрений будет тебе угрожать и попытается разрушить твое божественное предприятие и высокий труд. Будь уверен, что впоследствии все увидят то, что я теперь вижу, и поймут, что так же легко каждому тебя хвалить, как трудно всем опровергнуть тебя. Все, которые не до конца испорчены, с чистой совестью будут иметь о тебе благоприятное мнение, ибо в конце концов каждый бывает научен внутренним учителем души; ибо мы получаем благо духа не откуда-нибудь извне, а из своего собственного духа. В душах у всех имеется известное здоровое зерно, которое перед высоким трибуналом разума произносит суждение о благе и о зле, о свете и о тьме. Благодаря ему в пользу твоего дела восстанут верные

и неподкупные свидетели и защитники. Те же, которые не станут твоими друзьями, но останутся равнодушными и, в качестве признанных софистов, будут защищать мрачное невежество и продолжать упорно преследовать тебя, почувствуют в своей собственной совести своего палача и мстителя за тебя; и чем больше они постараются спрятаться от него, тем больше он будет их мучить. Подобно адскому червю, вышедшему из жестких волос эвменид, он, увидев, что его планы против тебя разбиты, с яростью кинется на своего собственного несправедливого творца, обрызнет его своим смертельным ядом и, укусив своими острыми зубами, приготовит ему мучительную смерть.

Продолжай знакомить нас с тем, что такое небо, что такое на самом деле планеты и другие звезды, каким образом различаются одни от других бесконечные миры, каким образом бесконечное пространство не только не невозможно, но даже необходимо, каким образом бесконечное действие соответствует бесконечной причине, каковы истинная субстанция, материя, действие и действующая причина всего, каким образом всякая чувственная и сложная вещь составлена из тех же самых начал и элементов. Сделай для нас убедительным учение о бесконечной вселенной. Разрушь выпуклые и вогнутые поверхности, которые ограничивают изнутри и извне элементы и небеса. Сделай для нас смешными круги-деференты и неподвижные звезды. Разбей и сбрось на землю с шумом и громом посред-

ством убедительных доводов эти, столь уважаемые слепой толпой, алмазные стены первого движимого и последней выпуклой поверхности. Уничтожь убеждение в том, что земля является единственным центром. Уничтожь позорную веру в пятую сущность. Подари нам учение, что другие звезды и миры, которые мы видим, составлены точно так же, как и эта наша звезда и мир. Доказывай нам неустанно, что существует бесконечное количество не только больших и обширных миров, но также и других, меньших. Разбей внешние двигатели вместе с краями этих небес. Открой нам дверь, через которую мы могли бы видеть все остальные звезды, подобные нашей. Покажи нам, что в эфире существуют другие миры, подобные нашему. Сделай для нас ясным, что движение всех мировых тел происходит вследствие действия внутренней души, для того чтобы при свете этого созерцания мы могли верными шагами шествовать вперед по пути познания природы.

Ф и л о т е й. Что ты скажешь, Эльпин, по поводу того, что доктор Буркий не захотел с нами согласиться ни раньше, ни потом?

Э л ь п и н. Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать, для того чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять.

А л ь б е р т и н. Хотя мне до сих пор еще не удалось увидеть все тело светлой планеты, тем не менее я вижу по излучаемому им свету, который проникает через узкие отверстия закрытых окон

моего ума, что оно подобно солнцу, а не светит искусственным светом софистической лампы или отраженным светом луны или другой планеты. Поэтому я готовлюсь в будущем лучше изучить его.

Ф и л о т е й. Ваша дружба мне будет очень приятна.

Э л ь п и н. Теперь же пойдем к вечерней трапезе.

*Конец пяти диалогов
о бесконечности, вселенной и мирах*

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *Мишель де Кастельно*—родился в 1520 г., французский дипломат и государственный деятель. В 1575 г. был назначен Генрихом III французским послом в Англию при Елизавете; на этой должности пробыл до 1585 г. Кастельно занимался также литературной деятельностью, перевел на французский язык латинское сочинение Петра Рамуса о нравах древних галлов и оставил после себя мемуары. Был покровителем Бруно, который называл его «единственным убежищем его муз». В его доме Бруно пробыл с весны 1583 г. до октября 1585 г. Ему посвящены итальянские диалоги Бруно «Вечеря», «О причине» и «О бесконечности» и одно латинское сочинение.

2) Из четырех собеседников этого диалога именем Филотея, или Теофила, в диалоге «Вечеря» Бруно обозначает самого себя. Происхождение этого названия может быть объяснено двояко: с одной стороны, Теофил, или Филотей, значит «любящий бога», с другой стороны, первый учитель логики Бруно в 1563—1565 гг. в Неаполе был августинский монах фра Теофило. Под именем Эльпина выводится любовнательный ученый, который охотно слушает Бруно. Буркий—сторонник здравого смысла, а вместе с тем и аристотелевской философии; он преклоняется перед общепринятыми авторитетами и оказывается совершенно неспособным усвоить новое учение Бруно. Можно думать, что в его лице Бруно хотел написать сатиру на оксфордских ученых, споривших с ним и отстаивавших систему Птолемея. В лице четвертого собеседника выведено действительное лицо — Джироламо Фракасторий (1478—1553 гг.), автор работ по астрономии и философии. Как астроном он оказал влияние на Бруно: он опровергал учение

Птоломея об эпициклах. Ему приписывается первая идея телескопа. В качестве философа он боролся с учением о скрытых качествах; он был сторонником атомистической гипотезы, считал, что все тела обладают взаимным притяжением и что электрические, магнитные и физиологические явления имеют своей причиной невесомое начало. Он скорее всего переходит на сторону нового учения. В третьем диалоге он играет главную роль, приводя в пользу нового учения целый ряд физических аргументов и опровергая доводы аристотеликов.

3) Здесь Бруно передает учение Аристотеля, излагаемое в «Физике», кн. IV, гл. 1—5. Согласно ему, место, или пространство, не есть ни форма, ни материя, ни промежуточное пространство—оно «граница объемлющего тела по отношению к объемлемому». Место не есть пространство, занимаемое телом, а его граница; при этом оно мыслится отделимым от вещи и неподвижным. Оно подобно неподвижному сосуду.

4) Астрономическая теория Аристотеля изложена им главным образом в сочинении «О небе», гл. 9. Согласно ему, вокруг неподвижного земного шара вращаются концентрические сферы, к которым прикреплены месяц, солнце, пять планет и неподвижные звезды. Небо неподвижных звезд, которое называется «первым небом», приводится в движение непространственно объемлющим его божеством. Принципом движения остальных сфер служат принадлежащие им особые духи. Так как внешние сферы относятся к внутренним как форма к материи, движущее к движимому, то каждая из сфер сообщает свое движение всем объемлемым ею сферам таким же образом, как это делает самая внешняя, увлекая их всех в своем ежедневном вращении. За пределами неба нет ни пространства, ни времени, ни пустоты.

5) В своем резюме этого первого диалога, данном во вступительном письме, которое нами выпущено, Бруно ссылается на следующие стихи Лукреция (кн. I, 967—972, 976—978) в доказательство того, что пространство не может быть ограниченным:

Далее, если мы даже допустим границы пространства
И предположим, что некто, успешно достигнув
Края предельного, выстрелил там бы снарядом летучим,
То полетел ли бы этот снаряд по тому направлению,
Кое дается ему приложением силы известной,
Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
Так как понятно, что пущен снаряд не у самого края,
Ни при том случае, если б лететь ему что-то мешало,
Ни же тогда, если б он в самом деле унесся в пространство.

6) У Платона в «Тимее» (52—А) пространство отождествляется с материей. Наряду с миром идей и миром являющихся

вещей есть пространство, которое служит основой явлений Оно беспредельно, наибольшее и наименьшее; последним термином охотно пользовался Бруно в своем учении о монадах.

7) Сравни с этим диалог «О причине, начале и едином», стр. 149 русского перевода: «Всякая возможность и действительность, которая в начале свернута, объединена и едина, в других вещах развернута, рассеяна и умножена». И там, в противопоставлении начала, или принципа, другим вещам, и здесь, в противопоставлении бога и вселенной, Бруно прищипывает в Николаю Кузанскому, который в своей книге «Об ученом незнании» утверждает, что абсолютное единство бога лишено всякого множества: «Бог все сворачивает, так как все в нем; он все разворачивает (объясняет), так как он весь во всем» («Об ученом незнании», II, 3).

8) Подразумевается крайняя сфера, к которой прикреплены неподвижные звезды.

9) Под экстенсивной бесконечностью подразумевается движение звездного неба последовательно и во времени; под интенсивной бесконечностью подразумевается мгновенное движение всей вселенной.

10) Подразумевается суточное движение звездного неба, которое служит основанием звездного измерения времени.

11) Учение о всеобщей одушевленности природы проводится в диалогах «О причине, начале и едином» (стр. 105, 106 русского издания) и «Вечеря в великий пост» (диалог 3, 4-е предложение Нундиния).

12) Ср. диалог «О причине, начале и едином» (стр. 118 русск. пер.).

13) Ср. диалог «О причине, начале и едином» (стр. 148 русск. пер.).

14) Аристотель называет «физиками» или «физиологами» греческих мыслителей, предшественников софистов и Сократа, главным образом философов ионийской школы (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена), а также Анаксагора, Гераклита и Эмпедокла.

15) Бруно подразумевает «Физику», кн. IV, гл. 6—9, где разбирается вопрос о пустоте.

16) Эльпин приводит частью дословно, частью в свободном изложении аргументы Аристотеля, изложенные им в сочинении «О небе», кн. I, гл. 5.

17) В кн. VIII «Физики», гл. 3, 5, 6.

18) Эльпин дает частью изложение, частью перевод гл. 6, кн. I сочинения Аристотеля «О небе».

19) Аристотель считал, что тело падает тем скорее, чем больше его вес. Современная физика доказывает, что при свободном падении, т. е. в безвоздушном пространстве, путь, проходимый телом в одну секунду, не зависит от веса и материала тела. Законы падения тел были открыты Галилеем, но за Бруно остается та заслуга, что своей критикой Аристотеля он подготовил победу нового мировоззрения.

20) Тяжесть, хотя и действует непрерывно, но не является постоянной величиной, так как она находится в прямом отношении к массе тела и в обратном отношении к квадрату расстояния. Бруно, утверждая, что тяжесть не является неизменным свойством, в этом смысле приближается к современному естествознанию.

21) Здесь Эльпин излагает почти дословно доводы Аристотеля, приведенные им в сочинении «О небе», кн. I, гл. 7.

22) Аристотель принимает пять элементов: землю, воду, воздух, огонь и так называемую пятую сущность, или пятую стихию, т. е. эфир. Первые четыре стихии движутся прямолинейно, эфир же—естественный носитель кругового движения. С другой стороны, земля тяжела и стремится вниз, огонь легок и стремится вверх, вода и воздух относительно тяжелы или легки, эфир же не тяжел и не легок.

23) Бруно не является сторонником атомистической теории, считающей атомы неизменными и вечными. Он утверждает, что отдельные атомы разрушаются и возобновляются. Он считал возможной даже гибель отдельных миров и планет. Такого мнения он придерживается в латинском сочинении «О безмерном», где считает несомненным только то, что вселенная неразрушима. В настоящем сочинении он считает, что земля и миры вечны; но не по своей внутренней структуре, а по воле творца. Сравни диалог «О причине, начале и едином», стр. 94 русского перевода и примечание на стр. 219.

24) Ср. сочинение Бруно «О причине, начале и едином», диалог пятый, стр. 187—194 русского перевода.

25) Движение в обычном смысле слова—перемещение тела в пространстве. Под движением вообще Аристотель понимает всякое изменение, всякое осуществление возможного в действительности; в этом смысле им причисляются к движению количественное изменение—прирост и убыль; качественное—превращение, или переход, одного вещества в другое; пространственное перемещение.

26) Это место является изложением гл. 7, кн. I сочинения Аристотеля «О небе». Ввиду трудности его приводим для пояснения следующее место из книги итальянского писа-

теля А. Ковотти «Теории пространства и времени в греческой философии до Аристотеля», стр. 139, 140. Всякое чувственное тело имеет способность или воздействовать, или претерпевать воздействие, или обе эти способности вместе. Следовательно, если бесконечное чувственное тело не имеет ни одной из этих способностей, то это значит, что оно не существует. Во-первых, невозможно, чтобы бесконечное чувственное тело терпело воздействие от конечного чувственного тела или же воздействовало на него. Действительно, предположим, что бесконечное тело *A* согревается или толкается конечным телом *B* во время *G*; вообразим другое конечное тело *D*, меньшее, чем *B*.

D будет действовать на тело, меньшее, чем *A*, которое мы назовем *E*, в то же самое время, что и *B*. Отсюда мы получим следующую пропорцию:

$$D : B = E : A.$$

Вообще можно сказать, что если данная величина воздействует в определенное время на другую величину, то в это же самое время меньшая величина воздействует на меньшую величину, а большая величина на большую. Большая и меньшая страдающие величины пропорциональны большей или меньшей действующей величине; меньшие или большие величины, которые воздействуют или страдают, находятся между собой в такой же пропорции, как и те две величины, — из которых одна действующая, а другая страдающая, — в отношениях с которыми находятся первые величины. Все это, очевидно, включает в себя пропорцию между двумя первыми величинами. В нашем случае это суть конечное тело *B* и бесконечное тело *A*. Но так как между конечным телом и бесконечным телом не существует никакой пропорции, то невозможно, чтобы конечное тело воздействовало на бесконечное тело. Другими словами, Аристотель хочет сказать, что если допустить воздействие конечного тела на бесконечное тело, то это воздействие влечет за собой пропорцию между конечным и бесконечным. Но такого рода пропорция невозможна. (Цитируется в итальянском издании сочинений Бруно, под редакцией Джентиле, 1925 г.)

27) Для пояснения приводим следующее место из той же книги Ковотти. Подобным же образом невозможно, чтобы бесконечное тело *A* воздействовало на конечное тело *B* во время *G*. Вообразим конечное тело *D*. Оно будет двигать одну только часть *B*, которую мы назовем *Z*, в то же самое время *G*. Далее, вообразим тело *E*, которое будет находиться к *D*

в такой же пропорции, в какой B находится к Z . Мы тогда получим пропорцию

$$B : Z = E : D.$$

Но B , Z и D —конечные величины, следовательно E будет также конечной величиной. Конечное тело E , следовательно, будет действовать на все тело B во время G . Но мы предположили, что бесконечное тело A воздействует на B в то же самое время G ; следовательно, конечное тело и бесконечное тело будут воздействовать на другое тело в то же самое время. Но это невозможно, потому что большее тело воздействует в меньшее время. Это значит, что время, в течение которого предполагается действие бесконечного тела, должно быть меньше любого времени, ибо бесконечное тело больше любого конечного тела; отсюда получается, что бесконечное тело не может действовать ни в какое время. Если же, наоборот, допустить, что это действие происходит в бесконечное время, то это приводит к той трудности, что в бесконечном времени невозможно ни действие, ни страдание. Действительно, бесконечное время не имеет предела, но страдание и действие имеют предел (цитируется там же).

28) Это место излагается у того же Ковотти следующим образом. Наконец, невозможно, чтобы бесконечное тело терпело воздействие от другого бесконечного тела, или, что то же самое, чтобы бесконечное тело могло воздействовать на другое. Предположим, действительно, два бесконечных тела A и B и вообразим, что B терпит воздействие от A в конечное время GD . Часть B , которую мы назовем E , будучи меньше B , не будет терпеть воздействия от A в то же самое время, но в меньшее время D . Мы имеем, следовательно, два конечных времени D и GD . Но между временами, в течение которых тела терпят воздействия, существует та же пропорция, как и между самими телами, если действующее тело то же самое. Если, следовательно, D и GD суть конечные величины, то это значит, что и тела, длительность воздействия которых они обозначают, также конечны, т. е. как тело, которое терпит воздействие в течение времени D , так и тело, которое терпит воздействие в течение времени GD , будут конечными. Но мы предположили, что тело B , которое терпит воздействие в течение времени GD , будет бесконечным. Если, следовательно, мы допустим, что одно бесконечное тело терпит воздействие от другого бесконечного тела в конечное время, то мы получим противоречие, так как бесконечный деятель станет конечным. Необходимо, следовательно, допустить, что одно бесконечное тело терпит воздействие от другого бесконечного тела в беско-

нечное время. Но это невозможно, ибо бесконечное время не имеет конца, а то, что терпит воздействие, имеет определенный конец.

29) Это, конечно, описка, хотя она не отмечена ни в итальянском издании, ни в немецком переводе Куленбека. Из всего контекста видно, что время *G* будет конечное.

30) Это положение Бруно разделяется и Спиновой, который доказывает его в «Этике» следующим образом: «Субстанция абсолютно бесконечна и неделима. Доказательство. Если бы она была делима, то части, на которые она разделилась бы, или удержат природу абсолютно бесконечной субстанции или нет. В первом случае будет несколько субстанций одной и той же природы, что невозможно. Если предположить второе, то (как и выше) абсолютно бесконечная субстанция будет иметь возможность перестать существовать, что также нелепо. Королларий. Отсюда следует, что всякая субстанция, а следовательно, и всякая телесная субстанция, поскольку она есть субстанция, неделима» («Этика», ч. 1, теорема 13).

31) Парасанг—персидская мера длины, содержит в себе 30 эллинских стадий (около 5,5 км).

32) Отличие между тем и другим излагается у Бруно более подробно в его сочинении «О причине, начале и едином», диалог 5 (стр. 187 и сл. русского перевода). Части суть формы, модусы, акциденции, в каждой из которых субстанция как таковая заключается целиком. Части, следовательно, хотя и заключаются в бесконечном, но не уничтожают единства бесконечного. Полемизируя с Аристотелем, Бруно утверждает, что конечное не находится ни в какой пропорции с бесконечным.

33) Бруно ценит космическую натурфилософию древних физиков гораздо выше, чем философию Аристотеля и в особенности средневековых схоластиков.

34) Для пояснения этого места приводим следующий отрывок из книги С. Оппенгейма «Астрономическое мировоззрение в его историческом развитии» (ч. 1, пер. Г. Ефрона, изд. Ладыжникова, Берлин 1923, стр. 58—59): «В книге Птолемея повшеством является применение эпициклов для изображения движения планет. Уже за несколько десятилетий до Птолемея Аполлоний из Перги, один из величайших астрономов древности, указывал на возможность изображения движения планет со всеми их характерными особенностями, прямым и попятным движениями, остановками и петлями при помощи эпициклов, т. е. равномерного движения двух кругов. Центр одного из них—эпицикл—скользит при этом по окружности другого—деферента—с постоянной скоростью.

Способ этот был известен под названием «правила Аполлония», но Птоломей впервые применил его и показал, как путем подходящего выбора радиусов обоих кругов, соответствующего определения времен их обращения и наклона к эклиптике можно со значительной точностью воспроизвести движение планет со всеми их петлями» (рис. 3).

На приложенном рисунке O обозначает центр деферента. Лежащие на его окружности точки $D_1, D_2, D_3...$ соответствуют последовательным положениям центров эпициклов, на

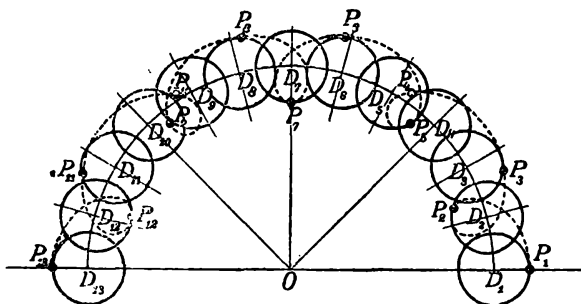

Рис. 3

окружности которых находится планета. Время обращения по эпициклу в 10 раз меньше обращения по деференту, вследствие чего образуются 10 петель. Центр эпицикла равномерно движется по окружности деферента, причем он в равные промежутки времени описывает углы в 15° , планета в это же время описывает на эпицикле углы в 150° (рис. 3).

Согласно же теории Коперника, своеобразные остановки и петли в движениях планет суть кажущиеся явления, вызванные движением земли вокруг солнца, и объясняются они тем, что земной наблюдатель рассматривает планеты из разных точек пространства. Но эти особенности перестают существовать для наблюдателя, находящегося на солнце. Следующий рисунок показывает, каким образом получается видимое движение планеты, наблюдаемое с поверхности земли. На рисунке (рис. 4) изображается движение планеты Юпитер с оборотом в 12 лет. S обозначает центр солнца, меньший из кругов E —орбиту земли, причем отдельные точки $E_1, E_2, E_3, E_4...$ соответствуют ее положениям, отделенным друг от друга промежутком в четверть года. В точке E_1 земля,

скажем, находится 1 января, в E_2 —1 апреля, в E_3 —1 июля и в E_4 —1 октября. Круг J изображает часть орбиты, описываемой планетой в течение одного года, т. е. за время одного, полного, оборота земли вокруг солнца. Точки— $J_1, J_2, J_3, J_4...$ обозначают положения планеты, соответствующие положению земли в E_1, E_2, E_3, E_4 . Наружный круг K изображает часть небесной сферы, в частности зодиакальный пояс, в плоскости которого и происходит движение планеты. Когда

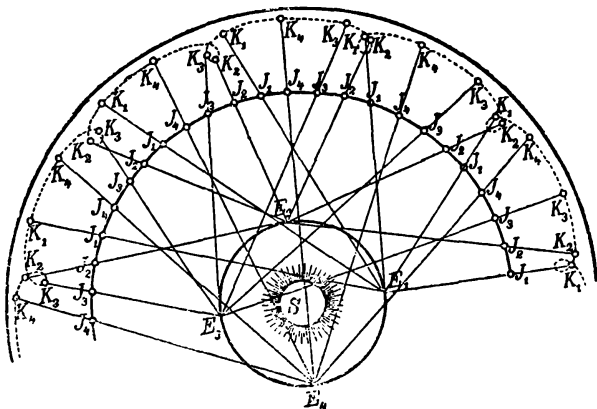

Рис. 4

земля находится в E_1 , для наблюдателя, находящегося на земле, планета будет видима в направлении прямой E_1J_1 . На небесной сфере она тогда изобразится точкой K_1 . Когда земля переместится в E_2 , а планета в J_2 , то она будет видна в направлении E_2J_2 и окажется на небесной сфере в точке K_2 . Для третьего и четвертого положений получаем соответственно точки $K_3(J_3)$ и $K_4(J_4)$. В течение первой четверти года планета описала дугу J_1J_2 , между тем как с земли ее кажущийся путь представляется кривой K_1K_2 ; в течение второй четверти описывается путь K_2K_3 , в третьей— K_3K_4 и т. д., откуда отчетливо вытекают неравномерности видимых движений и образование петель, несмотря на равномерное кругообразное движение планеты вокруг солнца (Оппенгейм, стр. 77, 78).

35) Бруно считает луну одной из планет в своем сочинении «О безмерном». Но на самом деле он знал, что лу-

на является спутником земли, хотя он и не употребляет этого названия.

36) Бруно, как видно отсюда, предполагал, что вокруг солнца кружится большее число планет, чем те, которые мы видим простым глазом. Опытное подтверждение это его предположение получило лишь через два века. В 1781 г. Гершель открыл планету Уран, в 1801—1804 гг. были открыты малые планеты между Марсом и Юпитером, а в 1846 г. был открыт Нептун. В 1930 г. была открыта планета Плутон.

37) *Николай Кузанский* (1401—1464 гг.)—известный немецкий философ, являющийся предшественником Бруно в философии и Коперника в астрономии. Так, он высказывал мысль о вращении земли вокруг своей оси и о пространственной и временной бесконечности вселенной, разрывая тем самым рамки средневекового мировоззрения. В философии он был сторонником принципа совпадения противоположностей; в теории познания он выставил учение об интеллектуальной интуиции, созерцающей единство противоположностей; Николай Кузанский утверждает тождество бога и мира, причем бог есть в одно и то же время абсолютное единство и максимум. Бруно принял от него все эти идеи и развил их дальше. Он относился к нему с большим уважением и в своей прщальной речи в Виттенберге выразился о нем следующим образом: «Если бы монашеский клубок не затмевал и не стеснял порой его гения, то Кузанского надо было бы считать выше Пифагора». См. также примечание 7.

38) У Николая Кузанского в его книге «Об ученом незнании», кн. II, гл. 12, сказано следующее: «Если рассматривать тело солнца, то оно имеет как бы центральную землю и как бы окружающий ее блестящий огонь; в середине как бы водянистую тучу и более ясный воздух». Из этого отрывка видно, что Николай Кузанский не только находит на солнце те же элементы, что на земле, но что, согласно ему, они расположены на солнце в таком же порядке, в каком они расположены на земле, согласно учению Аристотеля. Аристотель учит, что в середине мира покоится как сравнительно малая часть его земля, около нее располагаются концентрическими сферическими слоями вода, воздух и огонь.

39) Противоположные активные качества—теплое и холодное. Учение об активных качествах выставил итальянский философ Бернардино Телезио из Козенцы (1508—1588 гг.). Согласно ему, основная противоположность теплого и холодного связана с противоположностью между небом и землей. Солнце является средоточием наивысшего тепла, земля же—средоточие холода. Бруно перенял от него это учение.

40) Намеки на обитаемость солнца и других звезд встречаются также у Николая Кузанского.

41) Средневековые схоласты положительно обожествляли Аристотеля, и каждое сомнение в его непогрешимости они рассматривали как оскорбление величества. Слепое почитание буквы Аристотеля составляло серьезный тормоз для движения науки вперед. Основатели новой философии, Декарт, Бруно, Бекон, выступают поэтому сильнейшими противниками Аристотеля. «Схоластика и поповщина вяли мертвое у Аристотеля, а не *живое*: запросы, искания, лабиринт, запутался человек» (*Ленин*, Философские тетради, 1934, стр. 332). «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое» (там же, стр. 331). Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценили настоящего Аристотеля, не искаженного средневековыми схоластами.

42) В учении об изменении форм земли Бруно предвосхищает учение современной биологии.

43) Учение о тождественном составе элементов земли и звезд было подтверждено в XIX в. благодаря применению спектрального анализа.

44) Слово «поэты» имеется только в издании Вагнера; в других изданиях его нет; Джентиле думает, что здесь может быть подразумевается «древние».

45) Намек на выражение Горация: «когда спит добрый Гомер» («Об искусстве поэзии», 359).

46) См. диалог «Федон» (109, С-Е, стр. 199 русск. пер., изд. «Academia», П. 1923).

47) Подразумевается Фалес. В своем латинском сочинении «О началах вещей» Бруно пишет: «Хорошо сказал Фалес, что вода—основа земли, чего не поняли наши соотечественники, но что понял псалмопевец, говоря, что бог основал землю на водах».

48) Бруно заставляет здесь Фракастория выражать мысли, которые действительно имеются в его латинском сочинении «Фракасторий, или о душе». Фракасторий там пишет, что мир составляет органическое тело; это видно из его частей, которые, хотя и несхожи между собой, тем не менее столь искусно и гармонически связаны между собой, что это вызывает величайшее удивление.

49) Имеется в виду следующее изречение Гераклита: «Противоборствующее—соединяющее и из разнообразия—прекраснейшая гармония и все бывает благодаря распре» (*Гераклит Ефесский*, Фрагменты, пер. В. Нилендера, М. 1910, стр. 5—7). Эту же мысль выражает и следующее изречение Гераклита: «Война есть всего отец и всего царь» (там же, стр. 21).

50) Буркий имеет здесь в виду книгу Аристотеля «Физика» и «О небе», приписывавшееся Аристотелю сочинение «О мире» и комментарии к этим книгам. Дальше в его речи перечисляются эпитеты, данные в средние века различным знаменитым схоластикам: «тонким» навывался Дунс Скот, «великим»—Альберт, «неопровержимым»—Александр Галлесский, «ангельским»—Фома Аквинский, «серафическим»—Бонавентура. Бруно смеется здесь над всеми теми философами, которые обязаны своей славой комментариям, написанным ими к аристотелевским сочинениям.

51) *Вооруженные рогами и копытами*—т. е. быки и ослы.

52) Подразумеваются францисканские монахи. Дунс Скот, «тонкий доктор», известный своим искусством спорить, принадлежал к францисканскому ордену.

53) Вопрос о существовании другого мира, кроме нашего, разбирается в сочинении Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 8, 9. Небольшое сочинение «О мире», печатавшееся в старых латинских переводах вместе с сочинением «О небе», не принадлежит Аристотелю. В нем рассеяны во множестве мысли стоиков; оно, вероятно, вышло в I в. н. э. Бруно вместе со всеми своими современниками и средневековыми писателями считал это сочинение аристотелевским.

54) Ср. примечание 23.

55) Здесь мы имеем правильное описание закона падения тел, хотя и выраженное в неопределенной форме.

56) Подобного рода хирургическая операция была произведена в 1561 г. человеку, потерявшему нос на дуэли.

57) *Жизненный принцип не является случайным событием*, более точный перевод будет следующий: «жизненный принцип не состоит в акциденциях, являющихся результатами состава». Бруно хочет сказать, что жизнь не является случайным событием или свойством высокоорганизованной материи. Выражаясь в терминах Спинозы, можно было бы сказать, что жизнь, согласно Бруно, является атрибутом материи. Бруно—гиловонст. Согласно Ленину, «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого вдания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» (*Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., изд. 3-е, т. XIII, стр. 37*).

58) Согласно взглядам Аристотеля, кометы и метеоры имеют, подобно тучам, атмосферическое происхождение, а не являются космическими телами. Это мнение господствовало в течение двух тысячелетий, и еще в начале XIX в.

Французская академия оспаривала космическое происхождение метеоров. Бруно, подобно Кеплеру, приписывал метеорам и кометам космическое происхождение.

59) Бруно, вероятно, имел в виду открытую Тихо Браге в мае 1582 г. комету.

60) В противоположность Аристотелю Сенека (3—65 гг. н. э.) считал, что кометы не являются внезапно возникшим пламенем, а скорее постоянным созданием природы. «Если бы комета была пламенем, разве не должна была бы постоянно меняться ее форма? Напротив, комета занимает постоянное ей место среди остальных небесных тел, она совершает свой кругообразный путь подобно им, и если она скрывается от нашего взора, то она не потухла, а только удалилась от нас» (С. Оппенгейм, *Астрономическое мировоззрение в его историческом развитии*, ч. 2, 1923, стр. 41).

61) См. стр. 205—211 русского перевода диалога Бруно «О причине, начале и едином».

62) Относительно того, какое историческое лицо выведено под именем Альбертина, мнения расходятся. Итальянский ученый Берти, написавший биографию Бруно, мнение которого разделяет также немецкий переводчик Бруно Куленбек, считает, что под именем Альбертина выведен итальянский ученый Альберико Джентиле. Он родился в 1551 г., был в 1582 г. профессором юриспруденции в Оксфорде. Написал книгу «О праве войны», в которой он является предшественником Гуго Гроция и основателем современного международного права. Он был поклонником Томаса Мора и написал продолжение «Утопии», часть вторую. Джентиле считался превосходным знатоком Аристотеля, и по его настоянию Бруно читал повже в Виттенберге лекции относительно логических сочинений Аристотеля. Бруно познакомился с ним еще в Англии; возможно, что он хотел в его лице показать просвещенного собеседника, который сначала пытается отстаивать взгляды Аристотеля, но потом переходит на сторону нового учения, убедившись в несостоятельности старой теории. В этом смысле он составляет противоположность Буркию, ограниченному педанту, разражающемуся ругательствами по адресу представителей нового учения.

В противоположность этому мнению итальянский издатель сочинений Бруно, Джентиле, считает, что под именем Альбертина выведен один из представителей семейства Альбертино, пользовавшегося влиянием в Воле в XVI в.

63) Имеется в виду учение об активном разуме Аристотеля. Согласно Аристотелю, все те психические состояния, которые составляют сущность индивида, принадлежат к стра-

дательному разуму, который вместе с тем сохраняет переходящий характер, в то время как в чистом, общем, рациональном познании, которое дает активный разум, так мало индивидуального, что, собственно говоря, невозможно установить разницу между ним и божественным духом. В связи с этим между комментаторами Аристотеля велись горячие споры по вопросу об индивидуальном бессмертии, продолжавшиеся вплоть до XVI в.

64) *Аверроэс* (1126—1198 гг.)—знаменитый арабский философ и комментатор Аристотеля. Он составил многочисленные и подробные комментарии к сочинениям Аристотеля, пользовавшиеся громадным влиянием в течение средних веков и эпохи Возрождения. Так, в одной лишь Венеции его сочинения были изданы более пятидесяти раз. К Аристотелю он относился с безграничным уважением и считал его тем человеком, которому бог дозволил достигнуть между всеми людьми высшего совершенства. Он пишет о нем: «Он является основателем и завершителем научного познания. Доктрина Аристотеля есть высшая истина, так как его интеллект был завершением человеческого интеллекта. Вот почему хорошо сказано о нем, что он был сотворен и дан нам божественным провидением для того, чтобы мы знали, что может быть познано». Бруно, относясь отрицательно к Аверроэсу за его обоготворение Аристотеля, в других отношениях признавал его заслуги. Ср. диалог «О причине, начале и едином», стр. 175 русского перевода.

65) *Содогаются горы*—изречение Горация. «Мучаются родами горы, родится смешной мышенок» (*Гораций*, Об искусстве поэзии, стр. 139). Это изречение применяется в ироническом смысле относительно плохих поэтов, которые начинают торжественно, но дают очень мало.

66) Четверостишие из шуточного сонета неизвестного поэта.

67) Стихи из «Немистового Орланда» итальянского поэта Ариосто (24-я песня).

68) Аргументы, приводимые Альбертином, были приведены Бруно и опровергнуты им в книге VII его латинского сочинения «О безмерном». Первый аргумент взят из сочинения Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 9; второй аргумент—из того же сочинения, кн. III, гл. 2, а также из «Метафизики» Аристотеля, кн. XII, гл. 8; третий аргумент—из сочинения Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 1 и 3; в книгах Аристотеля не имеется мест, соответствующих аргументам четвертому, пятому и шестому; седьмой аргумент соответствует сочинению Аристотеля «О небе», кн. I, гл. 8 и «Метафизике», кн. XII, гл. 10;

нет у Аристотеля также места, соответствующего восьмому аргументу; девятый и следующие три аргумента не имеют соответственных мест в книгах Аристотеля, но можно предположить, что они были выставлены некоторыми теологизирующими перипатетиками; тринадцатый аргумент соответствует сочинению Аристотеля «Физика», кн. III, гл. 6 и его же сочинению «О небе», кн. I, гл. 1.

69) Бруно, по рассеянности, восьмой аргумент называет седьмым. Все следующие аргументы у него также перечисляются неправильно, так что у него получается всего двенадцать аргументов, а не тринадцать; точно так же в ответах у него перечисляются двенадцать аргументов. Мы исправили все, не оговаривая этого относительно каждого аргумента в отдельности.

70) Активные принципы—теплое и холодное, пассивные—влажное и сухое.

71) Такое происхождение приписывают слову «эфир» Платон в своем диалоге «Кратил», а вслед за ним Аристотель в сочинении «О небе», кн. I, гл. 4. Современная наука считает, что «эфир» происходит не от слова θέω—бежать, а от слова αἶψα—важигать, гореть, пылать.

72) Стихи приведены из книги Лукреция «О природе вещей», кн. II, 1040—1051.

73) Стихи приведены из книги Лукреция «О природе вещей», кн. II, 1052—1056, 1064—1066.

74) Стихи приведены из книги Лукреция «О природе вещей», кн. II, 1067—1076.

75) Подразуется трагик Сенека; стихи приведены из его трагедии «Медея», 398—402, пер. С. Соловьева.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>В. Ванден</i> и <i>В. Тимоско</i> . Вступительная статья	5
О БЕСКОНЕЧНОСТИ, ВСЕЛЕННОЙ И МИРАХ	
Вступительное письмо	47
Сонеты	50—52
<i>Диалог первый</i>	53
<i>Диалог второй</i>	83
<i>Диалог третий</i>	128
<i>Диалог четвертый</i>	166
<i>Диалог пятый</i>	195
Примечания	243

Сдано в производство 21/VIII 1935 г.
Подписано к печати 25/II 1936 г.
ОГИЗ № 1538. Формат 72×104^{1/2}₃₂
16^{1/4} п. л. 22 080 зн. в п. л.
Уполномоченный Главлита Б 12810
Тираж 5000 экз. Цена книги 2 р. 50 к.
Переплет 1 р. Заказ 1078
Отпечатано в 16-й типографии треста
«Полиграфнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.